XIII МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РЕРИХОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

ТЕЗИСЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Посвящается 400–летию Дома Романовых, 100–летию балета
И. Ф. Стравинского – Н. К. Рериха – В. Ф. Нижинского «Весна священная»
100-летию поездки Н. К. Рериха на Кавказ,
90-летию начала Первой Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха

Санкт-Петербургский государственный
Музей-институт семьи Рерихов
2013

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов

Ответственные редакторы: А. А. Бондаренко, В. Л. Мельников

Редакционная коллегия: А. А. Бондаренко, И. А. Бондаренко,
Ю. Ю. Будникова, А. К. Мазаева-Каненга, В. Л. Мельников, Е. П. Яковлева

Научный редактор: В. Л. Мельников

Вёрстка: В. Л. Мельников

Рериховское наследие: Тезисы XIII Международной научно-практической конференции. – СПб.: Изд. СПбГБУК «Музей-институт семьи Рерихов», 2013. – 110 с.

В данном сборнике все доклады приводятся в сокращении.
Тезисы докладов даны в авторской редакции.
Доклады распределены по тематическим разделам.
Внутри разделов тексты следуют по алфавиту авторов.

Цитаты из «Учения Живой Этики» (Агни-Йоги) даны
в текстологической редакции Общества Агни-Йоги (Нью-Йорк).

© Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов, 2013.

Е. В. БАКАЛДИНА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ФОТОГРАФИИ РОШАН ВАДЖИФДАР В ФОНДЕ ФОТОМАТЕРИАЛОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ИНСТИТУТА СЕМЬИ РЕРИХОВ

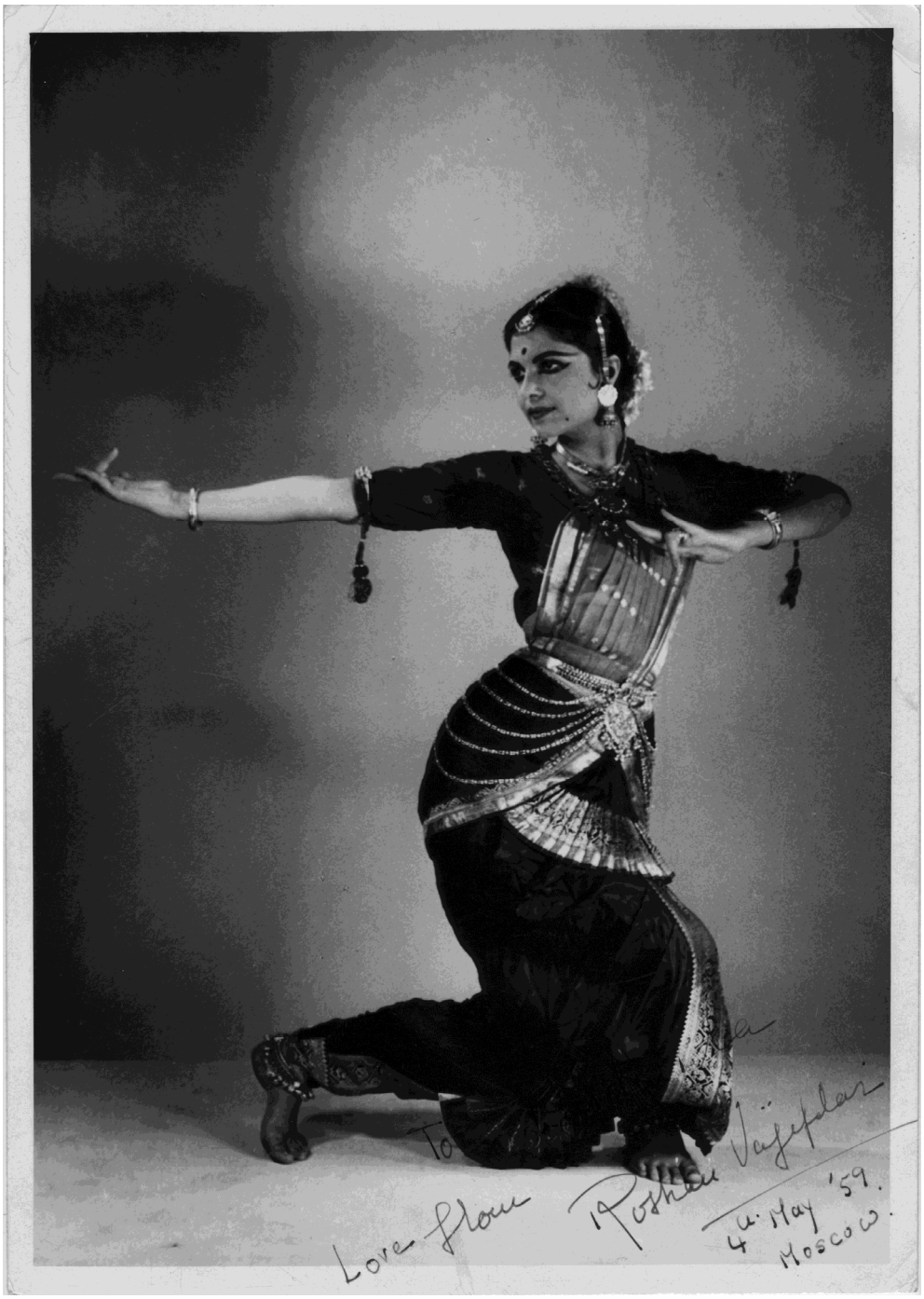
Имя **Рошан Ваджифдар (Roshan Vajifdar)** (род. 1929/1930) известно специалистам по индийским танцам, однако русскому человеку оно более знакомо в связи с именем художника **Святослава Николаевича Рериха** (1904—1993), написавшего 24 портрета Рошан (включая наброски и этюды), некоторые из которых хранятся в Государственном музее искусства народов Востока в Москве.

Рошан родилась в Гуджарате, сейчас это штат на западе Индии. Вместе со своими сёстрами Ширин Ваджифдар Ананд и Куршед Ваджифдар Чавда она занималась танцами. В Индии большое количество школ танцев, причём каждая специализировалась на разных танцах. Рошан, а также её сестры посещали занятия во многих из них. После получения стипендии она переехала на юг Индии, в традиционный центр танца Бхаратанатьяма к учителю Шри Чокалингами Пиллаи; затем выступала в Дели и Бомбее, параллельно изучала санскрит и тамильский язык. Также Рошан училась в школах Керала Калалайям, Керала Каламандалам, Чидананда Натьямандали.

Будучи на юге Индии, Рошан познакомилась со Святославом Николаевичем Рерихом, с Девикой Рани Рерих сёстры Ваджифдар были знакомы ранее. Рерихи предложили Рошан переехать в Бангалор к учителю Шри Киттаппа Пиллаи, родственнику предыдущего гуру. Одновременно с этим она стала позировать Святославу Николаевичу. Там же в Бангалоре она познакомилась с Юрием Николаевичем Рерихом. В письмах к брату он периодически передаёт ей приветы и наоборот, есть упоминание о переписке самого Ю. Н. Рериха с Рошан.

С 1950-х гг. между СССР и Индией установились тесные дипломатические отношения, в том числе и культурные. Представители индийской культуры приезжали в СССР с культурными программами. Рошан посещала нашу страну два раза 1958 г. (в сентябре и ноябре) и один раз в мае 1959 г.

У нас в музее есть восемь снимков Рошан и три репродукции с картин С. Н. Рериха, на которых она изображена. На первых трёх фотографиях Рошан представлена танцующей. Эти снимки сделаны в Индии и привезены в нашу страну либо Рошан для того, чтобы подарить их поклонникам, либо среди вещей Ю. Н. Рериха. На двух фотографиях есть дарственные надписи, написанные рукой самой Рошан – для Людмилы Степановны Митусовой (КП-3163) и для Татьяны Степановны Митусовой (КП-3164). На других – праздничный ужин на квартире у Ю. Н. Рериха, куда были приглашены супруги Виктор Тихонович Черноволенко и Мария Филипповна Дроздова-



Танец Рошан Ваджифдар. Индия. 1950-е. Фотография, подаренная Л. С. Митусовой. На лицевой стороне автограф: *To Ludmila Love from Roshen Vajifdar. 4th May '59 Moscow.* © СПбГМИСР. КП-3163

Черноволенко и Борис Алексеевич Смирнов-Русецкий с супругой. В музее сохранились негативы – М. Ф. Дроздова-Черноволенко и Рошан Ваджифдар (КП-5611/4), Ю. Н. Рерих, супруги Черноволенко, Ираида Михайловна Богданова и Рошан Ваджифдар (КП-5611/5-7), И. М. Богданова и Рошан Ваджифдар в квартире Ю. Н. Рериха (КП-5835/10). Из переписки можно предположить, что автором снимков была Т. С. Митусова, причём снимки сделаны на её фотоаппарат. Она увезла плёнку в Ленинград, позже высылая фотографии Ю. Н. Рериху и сёстрам Богдановым. Впоследствии отпечатки были отосланы С. Н. Рериху и Рошан Ваджифдар.

Кроме этого, из снимков, связанных с Рошан Ваджифдар в музее хранятся три диапозитива, сделанные сестрами Л. С. и Т. С. Митусовыми во время выставки картин С. Н. Рериха в Эрмитаже, на которых изображены портреты Рошан кисти Святослава (КП-6030–КП-6032). А так как не каждая картина троюродного брата была заснята сёстрами Митусовыми, можно предположить, что именно эти входили в список любимых ими произведений. Возможно, сыграла свою роль и личная встреча.

В 1960 г. Рошан вышла замуж за доктора Хиранмайя Гхоша, имевшего медицинскую практику в Бомбее. У них родились сын и дочь. Муж очень помогал ей с программами выступлений. Рошан сократила публичные выступления после смерти в аварии своего супруга в 1982 г., а в 1992 г. полностью перестала выступать. Одновременно с этим она преподавала танцы до 2007 г. В настоящее время проживает вместе с сыном в городе Вилпатту.

Я. В. ВАСИЛЬКОВ
(Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Санкт-Петербург)

О СПЕКТАКЛЕ «БЕНГАЛЬСКОГО ТЕАТРА» Г. С. ЛЕБЕДЕВА В КАЛЬКУТТЕ 21 МАРТА 1796 ГОДА

До настоящего времени оставался не прояснённым вопрос о том, чем был вызван резкий перелом, случившийся в 1796 г. в судьбе русского музыканта и востоковеда-самоучки Г. С. Лебедева, основавшего в колониальной Калькутте первый индийский театр европейского типа. Прибывший в столицу британской Индии в 1787 г., Лебедев долгое время пользовался покровительством высших чинов в администрации и судебной системе Ост-Индской компании, помогавших с организацией его «подписных» концертов-бенефисов, на которые городские газеты неизменно печатали хвалебные рецензии. Однако, после того как 21 марта 1796 г. в созданном Г. С. Лебедевым «Бенгальском театре» состоялось представление полного, трёхактного варианта пьесы Р. П. Джодрелла «Притворство», которую Лебедев сам перевёл с английского на бенгальский, он был подвергнут систематическому преследованию с использованием разного рода судебных инстанций (вызовы в суды и аресты по ложным обвинениям), и практически никто из прежних «друзей» и «благодетелей» не внял его просьбам о помощи. В итоге разорённому Лебедеву пришлось продать театр и покинуть Калькутту.

В своих обращениях к британской общественности Калькутты Лебедев объяснял причину этих преследований по-разному: то как стремление менеджера английского театра Ост-Индской компании Т. Роуворта устранить конкурента (и это объяснение приняли многие биографы Лебедева), то как месть бывших почитателей таланта русского музыканта за то, что он, увлёкшись театром, отошёл от музыкальной деятельности. Оба эти объяснения натянуты и не выдерживают критики. Новооткрытые материалы о

Лебедеве подтверждают ранее высказанное предположение бенгальского ученого Х. Мамуда о том, что разветвлённая, сложная интрига против Лебедева могла быть инициирована и срежиссирована только на самой верхушке колониальной администрации, которая почему-то признала его опасным, «подрывным» элементом.

Ответ на вопрос, почему у британских властей вдруг сложилось такое мнение о Лебедеве, даёт нам анализ текста поставленной им пьесы. Точнее, речь идёт об одной сцене в ней, которой прежние исследователи не уделяли внимания, поскольку Лебедев не перевёл её на бенгальский. Но в спектакле эта сцена осталась, и исполнялась она вся индийскими актерами на английском языке. В докладе будет показано, что эта сцена воспринималась и индийской аудиторией, и приглашёнными на спектакль англичанами, да и самим Лебедевым была, по-видимому, задумана как злая антиколониальная сатира.

Таким образом, Г. С. Лебедев является не только одним из первых европейских индологов, наряду с такими его современниками, как англичанин Уильям Джонс и француз Анкетиль Дюперрон. Лебедева следует также считать одним из первых европейцев, выступавших с антиколониалистских позиций. В этом он близок Анкетилю Дюперрону, но противостоит судье Верховного суда Ост-Индской компании Уильяму Джонсу.

А. В. ВЛАДИМИРОВ
(www.vav.ru; Москва)

РЕРИХ И РЕВОЛЮЦИЯ

АЗИАТСКИЙ АСПЕКТ*

1. Посольство Рериха в Москву (июнь – июль 1926 г.)

> Только вы можете идти в Красное жерло.
> Только вы можете исправить путь Общины.
> Потому, зная цель происходящего, произнеся формулу подвига, идите туда, где зарождается община и учение бесстрашия.
>
> *Беседа с Учителем 9 января 1926 г.*

До начала общения с Махатмами, то есть до марта 1920 г., Рерихи разделяли распространённое тогда среди русской эмиграции непримиримое отношение ко всем большевикам, «обманувшим Россию», пока из сказан-

* Фрагменты из готовящихся к публикации книг: «Русская революция и Махатмы» и «Зачем Рерих ходил в Азию (Мировой План Махатм)». Приводятся фрагменты записей Бесед Е. И. Рерих и Махатмы Мориа; сказанное Е. И. Рерих выделено *курсивом*; наши вставки – в квадратных скобках […], наши разъяснения – в круглых скобках (…).– *Примеч. авт.*

ного в Беседах с Учителем не стало следовать, что изменения, совершаемые в России, соответствуют положительной эволюции, что многое из того, что делает Ленин, идёт на пользу будущему России, и что необходимо отделять безобразия, совершаемые от имени русского народа и якобы «пролетариата», – от подлинно Русской революции, от «Стотысячных Иванов». В чём же разница? Какой иной, не большевистский и более гармоничный путь развития России, Азии и мира мог нести Рерих?

Волею судьбы, когда началась революция, Рерихи всею семьёй: Николай Константинович и Елена Ивановна и два их сына, Юрий и Святослав, оказались за границей, в Финляндии. В рамках многолетней Центрально-азиатской экспедиции, начатой Рерихом в Индии, в мае 1926 г. Рерихи пересекли русскую границу в районе озера Зайсан и в июне 1926-го как члены научно-культурной экспедиции, снаряжённой культурными организациями Америки, они прибыли в Москву.

Биограф Рерихов П. Ф. Беликов отмечал, что «Николай Константинович передал Чичерину[1] ларец со священной для индийцев гималайской землёй и послание Махатм к советскому народу. <…> Ему разрешили поездку на Алтай и обещали помощь в снаряжении экспедиции для возвращения в Индию. Оставив в Москве серию картин “Майтрейя”, Николай Константинович и его спутники направились в путь»[2]. Елена Ивановна Рерих также сообщает, что Махатмы «поручили нам отвезти в Москву на могилу Ленина коробочку, наполненную землёю, где ступала нога Будды (*этого Великого Учителя и провозвестника общины. – Примеч. Е. И. Рерих*), с надписями на тибетском и русском языках: “Махатмы Востока на могилу русскому Махатме”»[3]. Чичерину было, вероятно, также вручено ещё одно Послание.

Текст Послания Махатм получил широкую огласку после его публикации в статье С. Зарницкого и Л. Трофимовой «Путь к Родине», посвящённой Н. К. Рериху, в журнале «Международная жизнь» (1965, № 1). Примечательно, что именно данное российское Послание Махатм носило впервые факт прямого, публично засвидетельствованного обращения к руководителям страны сил надземной Иерархии. Выбор в качестве адресата первого публичного обращения Махатм – России показателен и неслучаен.

В Послании Махатм говорилось в том числе о великой объединительной и духовной миссии России в Азии:

> «На Гималаях Мы знаем совершаемое Вами. <…> Мы остановили восстание в Индии, когда оно было преждевременным, также мы признали своевременность Вашего движения и посылаем вам всю нашу помощь, утверждая единение Азии!».

---

[1] *Г. В. Чичерин* – нарком иностранных дел.

[2] *Беликов П. Ф. Князева В. П.* Николай Константинович Рерих. – Самара: Агни, 1996. – С. 141–142.

[3] Письмо Е. И. Рерих американским сотрудникам 23 февраля 1926 г.

Ю. Н. Рерих, Н. К. Рерих и А. Е. Быстров. Урумчи. 1926

Рерих говорил с большевиками об изменениях на Востоке, в частности, как записал 6 мая 1926 г. в консульском дневнике полпред А. Е. Быстров, об объединении «монгол всех районов в одно целое для создания Великой Монголии, начиная от Забайкалья до Хотана в эту сторону и до Тибета в сторону Востока», о нахождении компромисса между учением Ленина и религией на основе философского буддизма, об объединении народов Азии на принципах такого обновлённого буддизма и больших перспективах Советской России, если она возьмётся возглавить азиатский поток. Фактически разговор должен был привести к Плану Махатм об образовании Союза Востока как ведущего мирового союза, синтезирующего многонациональные культуры и религии, с Россией во главе. Но с кем тогда из московских правителей, после ухода Ленина, о подобной планетарной миссии России было тогда говорить?

Марксизм учил о «пролетарской избранности», а красный цвет объявлялся здесь символом пролитой в классовой борьбе крови. Однако в одной из первых книг Учения под названием «Община», в варианте, подготовленном Рерихами для Москвы, на понятном для российских коммунистов языке говорилось об ином:

> «…Эволюция планеты имеет лишь планетарный размер. Именно явление всемирности должно быть усвоено. Кровь едина течёт, и внешний мир не будет больше разделяем расами первичных формаций»[4]. «Именно, делите мир не по северу и по югу, не по западу и востоку, но всюду различайте старый мир от Нового. Старый мир ютится во всех частях света, так же Новый Мир нарождается всюду вне границ и условий. Старый и Новый Мир отличаются в сознании, но не во внешних признаках. Возраст и условия не имеют значения. Красные знамёна часто подымаются руками старого мира, полными предрассудков. Часто в [отшельническом] уединении бьётся сердце, полное блистаний Нового Мира»[5].

Марксизм учил о голом материализме, об отрицании великих духовных Учений прошлого, иными словами, подвигал на гонения инакомыслящих, на войну атеизма с духовным сознанием, противопоставлял и сталкивал

---

[4] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Община. – 1926. – § 71; Беседа с Учителем 10 августа 1926 г.

[5] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Знаки Агни Йоги. – 1929. – § 55. Беседа с Учителем 22 июля 1927 г.

лбами науку и религию. Но в том же параграфе «Общины» говорится о необходимости вдумчивого восприятия Великих Заветов и о духовном синтезе:

> «Не забудем, что учение Будды должно быть очищено. Будда – человек [а не бог], носитель новой жизни, презревший собственность, оценивший труд и восставший против внешних отличий, утвердивший первую общину мира, завещавший век Майтрейи. Нужно понять Его мужественное учение, если хотите узнать Нашу Общину. <...> Не надо думать, что община и завоевание [невиданных сил] материи находятся в разных плоскостях. Одно русло, одно знамя – Майтрейя, Матерь [Мира], Материя!»[6].

В других строках Учения много говорится о сотрудничестве всех способов исследования мира, в том числе о новых горизонтах, которые откроются перед наукой.

Марксизм, утверждая в качестве генерального инструмента преобразования социума насилие, нашёл горячий отклик среди и большевиков-интернационалистов, и большевиков-националистов. Одним был ближе метод непрямого насилия путём обмана и демагогии, другим прямые методы тирании и диктатуры. Однако в Учении в противовес такому убеждению говорится о негодности любого насилия для целей созидания:

> «Ошибка думать, что [насильственное] завоевание отвечает задаче Нового мира. Будет ли это завоевание земель или класса людей, оно будет принадлежать уходящему мышлению. В процессе эволюции возможно лишь думать о восхождении сознания на основе свободы возможностей. Среди моментов развития человечества можно наблюдать явления эпох обогащения сознания. Не будем скрывать, что, именно, теперь перед человечеством открыта книга нахождений и света дерзаний. Эти зрелые плоды терний коллектива готовы открыть свои зерна [грядущего урожая]. Можно ли рассечь эти плоды оружием, или потрясти устрашением, или согбенным малодушием, или захватить предательским лукавством? Нет, только единение сознания и построение знания пошлют человечеству дар новой расы»[7].

> «Истинно, путь насилия подобен пути наркоза (наркотика). Принявший яд наркоза должен увеличивать размер отравы. Так же и насилие должно быть постоянно усиливаемо, доводя до безумия [одержания]. <...> Сознательность противоречит насилию»[8].

Наконец, марксизм призывал к диктатуре пролетариата и связывал вершину эволюции с Западом. Учение Живой Этики говорит о всепобеждающей культуре и о всемирной духовной и миротворческой гегемонии

---

[6] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Община. – Урга, 1927. – § 2.XIII.3; Беседа с Учителем 10 августа 1926 г.

[7] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Агни-Йога. – 1929. – § 45. Беседа с Учителем 16 июля 1927 г.

[8] *Учение Живой Этики (Агни-Йога).* Братство. – 1937. – § 159.

России. Это совершенно разные величины, совершенно разные стратегические линии!

За «Великой Монголией» и буддизмом, упомянутыми полпредом Быстровым в его записях о Рерихе, проглядывает забота Махатм о будущем Китая – самой большой страны исторического буддизма, так же как и Тибета – сакрального особого места на планете, священного для буддизма и для большинства вероучений Индии, то есть для большинства населения Азии. То, что коммунисты Китая, благодаря политической, экономической и военной поддержке Советского Союза, двинулись по тому же пути, что и СССР, стало историческим фактом. После захватнической политики Японии в отношении Китая иной альтернативы, нежели СССР, у Китая не было. Но если бы в Советской России, согласно предложению Махатм, смогли интегрировать в государственную идеологию лучшие заветы Будды, то за Русской революцией и Россией, подобно тому, как это было в Западной Европе в случае с новациями Наполеона, пошла бы вся Юго-Восточная Азии, а за ней и многие другие страны Азии и Востока. Изменения произошли бы без большевистских изуверств и с минимальным кровопролитием.

У Дома Ленина в Новосибирске. 1926
З. Г. Лихтман, Е. И. Рерих,
Н. К. Рерих, М. М. Лихтман

О принципах подлинной Общины, о которых Рерих был готов говорить с московскими руководителями, много сказано в книге «Община», которую Рерихи привезли с собой и планировали здесь напечатать. Ответ и реакцию кремлёвских правителей нетрудно было предугадать. Как впоследствии было сказано Учителем: «Вместо внимания была насмешка, вместо разума было кощунство» (14 сентября 1933).

Явившись в большевистскую Москву в качестве открыто заявленных посланцев Махатм, Рерихи подверглись смертельной опасности. Под самый конец пребывания их вызвали на допрос к главному дознавателю страны – Дзержинскому. Помогло провидение: сердце железного Феликса не выдержало, и пока Рерихи его ожидали на Лубянке несколько часов, он неожиданно умер. Рерихи покинули Москву и выехали на Алтай – к одной из главных целей их Центральноазиатской экспедиции – горной вершине *Белухе*. После *Белухи* они направились в Монголию для подготовки экспедиции на Тибет.

Зачем же понадобился столь немыслимый риск личной передачи Послания большевикам, если бесплодность обращения к ним была очевидной? При разговоре о московской поездке в одной из Бесед было сказано,

что всегда возможен лучший исход: «Мировое строение заставляет использовать все меры, ибо в истории бывали озарения» (12 октября 1932). Какой бы однозначно сложившейся ни выглядела ситуация, у человека, у водителей государства всегда остаётся шанс. У высшего политического руководства страны должного озарения, к сожалению, не наступило, шанс был упущен.

История знает путь явления великих духовных Учений и зарождения на их основе всемирных Движений. Подвиги, положенные в их начало, не проходят бесследно. Рерихи приехали в Москву – сердце России, с полномочиями и Посланием от Махатм, скрепили передачу спасительной вести для России подвигом смертельного риска, затем благодаря разрешению на концессионное освоение, полученному от правительства, отправились к Белухе – сокровенному энергетическому и духовному центру планеты и России. Мало ли это для духовного и эволюционного потока России и мира? Для Знамени Мира, поднятого Рерихом? Для мирового Рериховского движения? Как было сказано в одной из Бесед об этой поездке: «Уже сказал давно о закладывании магнитов, но они не только физические» (15 августа 1936).

Урумчи. Апрель-май 1926. В центре А. Е. Быстров, Е. И. Рерих, Н. К. Рерих

«19 марта 1933. *Е. И. Рерих: Вл[адыка], правильно ли я понимаю значение нашей поездки в М[оскву]? Помимо предупреждения, которое делается по закону Архатов, каждое столетие определённой стране, мы должны были исторически, реально закрепить факт предложения [Надземного Мирового] Прав[ительства] стать во главе нового строительства, чтобы не говорилось потом, что мы сов. . . . . Вост. . . . . и не дали возможность русским . . . .* – Да».

Встреча в Доме дружбы. Москва, 1974
Вверху у стола: С. Н. Рерих, А. Е. Быстров, З. Г. Фосдик, Л. С. Митусова

«24–25 апреля 1927. Учитель должен сказать вам, достигшим границы моск[овских] клещей[9]. Столетие каждое Мы предупреждаем человечество. Сегодня, в памятный день Нашего Владыки, Мы можем сказать, что вы совершили наиболее опасное поручение, перед которым Моё обращение к [королеве] Виктории и обращение Сен-Жермена к Людовику [XVI] совершенно безопасны. Но вы ехали в гнездо безумия и привезли провозвестие, подвергаясь неслыханной опасности. Мы не знаем, кто бы принял подобное поручение. Теперь легко повторять, но первый шаг был труден. Теперь можете духовно отдохнуть. Мы лучше пересадим всю Б[елуху] на Г[ималаи][10], нежели будем подвергать вас вторично такой опасности. <…> Скажи преступнику – одумайся, иначе пропасть беспредельна. Но каждый свободен выбрать путь, потому будем [помимо большевиков] строить Новую Страну».

[9] О *клещах* сказано при выезде Рерихов из России через Монголию.
[10] Осуществлявшийся в те годы план по корпорации «Белуха», Звенигороду и пр., но свёрнутый из-за позиции большевистского правительства.

2. «Утвержденцы» и «пораженцы»

Говорил, Говорю и Скажу: «Помогите строить Мою Страну». И помните эту Нашу просьбу не в тепле и в довольстве, но в холоде и в минуту тягости.

Учение Живой Этики (Агни-Йога). Листы сада Мории. Книга вторая. Озарение. – 1925. – § 231. Беседа с Учителем 12 сентября 1924 г.

К Сергию пришёл Святитель Алексей с вопросом – что делать? Сергий ответил: «Помоги земле Русской».

Когда Сергия спросили крестьяне – что делать? – он ответил: «Помогите земле Русской».

Когда Минин обратился к Сергию, тогда пришёл ответ: «Помоги земле Русской!».

Криптограммы Востока. – Париж, 1929. Беседа с Учителем 20 февраля 1925 г.

Среди русской эмиграции в 1920-е – 1930-е гг. возникло движение «утвержденцев» («оборонцы» и пр.), которые были готовы при всех тогда труднопостижимых для обычного ума превращениях в России, тем не менее, видеть самым главным – сохранение духа России, мировой миссии России, её территориальной неприкосновенности и целостности, тогда как форма политической власти на русской земле оказывалась вопросом в сравнении с этим – вторичным и преходящим.

«Утвержденцам» и «оборонцам» среди эмиграции противостояли «пораженцы» и даже некоторые русские фашисты, а с 1942 г. ещё и власовцы. Некоторые из них не видели никакой проблемы в том, чтобы Россия на время была занята оккупационными («освободительными») германскими или японскими войсками. С точки зрения «пораженцев», справедливость и честь Российской империи могли были быть возвращены на иностранных штыках.

В Беседах Учитель указывал на необходимость взаимодействия Рериха среди всевозможных движений русской эмиграции именно с «утвержденцами». Впоследствии «утвержденцы» выступили в 1936 г. с лозунгом объединения ради России всех других оборонческих движений: «Оборонец тот, кто при всех условиях ставит защиту своей Родины выше политических разногласий с властью»[11]. Иными словами, теперешняя власть в России – это меньшее зло по сравнению с новой иностранной интервенцией.

[11] Оборонческое движение. – Париж. – 1936. – Май. – № 1. – С. 8.

Оккупационные войска во Владивостоке. Август 1918. Японцы – слева, американцы – справа

«Утвержденцы» в своей прессе публиковали материалы о расистских планах Гитлера в отношении России, стремясь перетянуть на свою сторону и образумить «пораженцев». В редакционной статье журнала «Утверждение» 1932 г. говорилось: «Утвержденцы – не политическая партия. Утвержденцем может быть и национал-максималист, и евразиец, и неонародник (“новоградец”), и даже устряловец, – не отказываясь ни от своей программы, ни от своей организации. В утвержденчестве сплетаются все отдельные тропинки, сливаясь в широкую торную дорогу»[12]. Созвучную позицию в отношении неприкосновенности России и объединения ради защиты Родины самых широких общественных групп занимал и продвигал эту идею среди эмиграции в Париже и Харбине Рерих, о чём свидетельствуют несколько статей, которые он написал в 1934 г., включая специально написанную для «утвержденцев» в Париже статью «Утверждение». Данные статьи Рерих включил в сборник «Священный Дозор» и напечатал его по приезде в Харбин для раздачи соотечественникам. Но японская администрация Харбина арестовала весь тираж «Священного Дозора»[13], активизировала в подконтрольной прессе публикации прямо противоположных, клеветнических измышлений о Рерихе, что само по себе показательно в отношении вопроса, с кем же сотрудничал и какой видел путь российского возрождения Рерих.

Иной взгляд отстаивали так называемые «пораженцы»: в целях освобождения России от большевиков они призывали за сотрудничество с готовящимися к нападению на СССР фашистской Германией и Японией. При

[12] Политическая история русской эмиграции. 1920-е – 1940-е гг. Документы и материалы / Под ред. А. Ф. Киселёва. – М., 1999. Режим доступа: http://www.rus-sky.com/history/library/emigration/index.htm.

[13] См.: письмо Е. И. Рерих Н. К. и Ю. Н. Рерихам 13 марта 1935 г.; *Беликов П. Ф., Князева В. П.* Николай Константинович Рерих. – Самара: Агни, 1996. – С. 175, а также дневниковую запись Н. К. Рериха от 17 мая 1935 г. (*Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – Т. I. – Изд. 2-е. – М.: МЦР, Мастер-Банк, 1999. – С. 430).

том, что Германия ещё недавно была на полях сражений противником России в первой мировой войне, а с Японией Россия в результате неудач в Русско-японской войне подписала в 1905 г. унизительный договор. Подобную пораженческую позицию занимали, например, белые генералы П. Н. Краснов и Н. Н. Головин, генерал А. А. Власов, оказавшийся в фашистском плену, некоторые иерархи Русской православной церкви за рубежом; в частности, глава РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский) благословил А. А. Власова на создание Русской освободительной армии, а митрополит Западноевропейский Серафим (Лукьянов) одобрил нападение Германии на СССР. Другие «пораженцы» ратовали за образование на территории России, в частности в Сибири, хотя бы участка российской территории без большевиков (атаман Г. М. Семёнов).

Гитлер начал публиковать свою программную книгу «Mein Kampf» в 1925 г., и к середине 1930-х идея германской экспансии на Восток только усилилась. Русский народ, славяне в целом, не попадали в его список избранных наций. О такой позиции Гитлера было общеизвестно. В «Mein Kampf» Гитлер писал о планах в отношении России и характеризовал её славянский элемент как «низшую расу»: «В дискуссиях, связанных с Русско-японской войной, я сразу стал на сторону японцев» (гл. V); «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия кончила

Атаман Г. М. Семёнов во Владивостоке с офицерами британской и американской армий. 1918

шестьсот лет назад. Мы кладём предел вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего – к политике территориального завоевания. Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба указует нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось её государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы. Именно так были созданы многие могущественные государства на земле. Не раз в истории мы видели, как народы более низкой культуры, во главе которых в качестве организаторов стояли германцы, превращались в могущественные государства и затем держались прочно на ногах, пока сохранялось расовое ядро германцев. В течение столетий Россия жила за счёт именно германского ядра в её высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. <…> Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы» (гл. XIV).

Аналогично – только агрессорами при любой российской власти, а вовсе не освободителями, могли оявиться на территории России и японские войска. Их оккупация приграничной с Россией Маньчжурии в 1931-м, что резко повысило возможности японской военной промышленности, не говоря об общем военно-стратегическом усилении, говорила сама за себя. Четверть века назад завершилась Русско-японская война, политически проигранная Россией. В результате проведённых тайных переговоров США и Британии[14] Япония тогда была выдвинута на роль региональной тихоокеанской мировой державы в противовес России, что дало старт бурному развитию националистических движений в Японии под лозунгом «Азия для азиатов»,

[14] В ходе подготовки к мирным переговорам с Россией Япония условилась о поддержке со стороны Великобритании и США. В январе 1905 г. Теодор Рузвельт (представлявший интересы банковского капитала, финансировавшего японское перевооружение, направленное против России) и посол Великобритании Дюранд договорились о передаче Порт-Артура и Ляодунского полуострова (закреплённых ранее за Россией и в связи с которыми Япония развязала войну) Японии. США (секретное японско-американское соглашение Кацура – Тафта) и Великобритания (второй англо-японский союзный договор 1905 г.) заранее признали права Японии на Корею. Американский финансист Якоб Шифф за поддержку Японии во время Русско-японской войны был награждён японским орденом Священного сокровища, а в 1907 г. – орденом Восходящего солнца. С началом войны управляемый Шиффом американский синдикат в составе его банкирского дома «Кун, Леб и К°», Национального и Коммерческого банков не только выпустил два англо-американских займа для Японского правительства на сумму около 110 млн. долларов (половина этой суммы была размещена синдикатом Шиффа), чем сыграл значительную роль в финансировании Японии и обеспечении её победы в войне, но и активно и успешно препятствовал размещению займов России на американском рынке, удерживая тем самым другие американские банки от кредитования в это время Царского правительства (см.: *Cohen, Naomi Wiener.* Jacob H. Schiff: A Study in American Jewish Leadership. – Hanover, New Hampshire, 1999).

«Азия для жёлтой расы», в контрпозиции к России. В начале 30-х гг. XX в. наблюдатели отмечали, что Япония находится в состоянии кризиса, выход из которого ведущие политические силы страны видят исключительно во внешних завоеваниях. Последующие сражения с советскими войсками на Халхин-Голе и озере Хасан, а затем публикация 1 августа 1940 г. японского правительственного коммюнике о создании Японией нового порядка в великой «Восточной Азии» во главе с Японией и, разумеется, без России стали логическим продолжением устремлений предвоенной Японии к внешним завоеваниям. Единственной неопределённостью, в том числе для самих японцев, до самого начала второй мировой войны было, двигаться ли японскому экспансионизму на север, то есть на Сибирь и Дальний Восток, или же на юг – Китай.

Искать помощи у стремительно вооружающихся Германии и Японии, при таких их территориальных и националистических устремлениях, было либо безрассудством, либо прямым предательством. Поэтому призывным набатом, заклинанием ко всем соотечественникам, как во времена святого Сергия Радонежского и княжьего междоусобия, прозвучали слова Елены Ивановны Рерих:

> «Хочется крикнуть от всей глубины сердца: русские, русские, услышьте Призывы Великого Строителя и Заступника земли Русской, Преподобного Сергия, от Бога данного Воеводы Земли Русской. Забудьте все партии, всю рознь и, объединившись единою любовью к Родине, сплотитесь под Стягом Его!» (27 июня 1935).

Когда Гитлер напал на СССР, Юрий и Святослав Рерихи в июле 1941 г. послали телеграмму советскому послу в Лондоне с просьбой зачислить их добровольцами в ряды Красной Армии (ответа не последовало), а в период войны Святослав передавал средства от продажи картин и выставок в пользу советского Красного Креста.

О внимании к «утвержденцам» в Беседах с Учителем было указано ещё за год до приезда Рериха в Маньчжурию: «Не удивляйтесь, что в разных странах начинают произносить одну формулу, она говорится чаще, чем вы думаете. Так наполняем пространство. К тому же и Харбин начинает понимать, в чём дело. Усмотрите среди утвержденцев несколько полезных людей» (3 июля 1933).

Впоследствии о наибольшей приемлемости течения «утвержденцев» среди прочей эмиграции говорилось в Беседах неоднократно: 4 августа 1933 г., 26 ноября 1935 г., 15 декабря 1935 г., 14 сентября 1936 г.

8 февраля 1936 г., в день образования «утвержденцами» в Париже «Русского эмигрантского оборонческого движения», Учителем было сказано: «…Нужно принять “утвержденцев” как зерно русское».

В период харбинской травли Рериха Елена Ивановна в своём письме ярко выразила возмущение невежественным обычаем среди русских оплёвывать, а не защищать своё лучшее и родное:

«…Грустно видеть заблуждения и тот тупик, в который забрело сознание некоторых сородичей, оторванных от Родины и не сумевших найти в сердце своём понимания и объяснения всему случившемуся, и обрести приток новых сил в устремлении к “Новому Небу и Новой Земле”. <…> Также знаю я, что именно Преподобный Сергий есть Хранитель Земли Русской, именно Ему надлежит спасение России в третий раз[15]. Потому, когда сознание это окрепнет и загорится в сердцах сородичей, тогда и начнётся великое духовное воскресение и спасение Родины. Потому пора вспомнить все суровые Заветы мужества, строительства и любви к Родине этого Наивысочайшего Православного Воина Христова, чтобы объединиться под СТЯГОМ ЕГО. Не сама ли Богоматерь благословила ЕГО на ПОДВИГ? Не сама ли Церковь поёт: “От Бога данный России Воевода”?!

Так обретём наше мужество, национальное достоинство и любовь к Родине и отвергнем гнуснейший и невежественнейший обычай, внедрённый в нас врагами Родины нашей, – обычай умалять, отвергать и очернять и всячески поносить *своё родное*. Научимся ценить своих великих людей, выражающих национальный гений. Поймём, что не массы слагают великую историю и славу страны и нации, но её великие люди. Ибо великие возможности приходят с великими людьми. Пусть проснётся в нас национальное достоинство, без которого нет истинного патриотизма. Хочу верить, что среди сородичей, обитающих в Харбине, найдётся хотя бы горсточка истинных *просвещённых патриотов*. Н[иколай] К[онстантинович], столько положивший на утверждение понимания русской мысли, русской культуры и за пределами своей страны, вправе ждать от своих сородичей солидарности и поддержки против невежественных растлителей сознания. Так пусть не предают русского дела. Так пусть услышат сородичи призыв к МУЖЕСТВУ и национальному ДОСТОИНСТВУ и истинному ПАТРИОТИЗМУ» (Письмо Е. И. Рерих 30 марта 1935 г.).

Озабоченность событиями в России звучала во многих Беседах с Учителем и письмах Рерихов, в частности, в следующей Беседе:

«Конечно, Мы должны упростить мятеж земной, иначе он обратится в хаос. Многие хотели бы смерти Сталина, но сейчас она была бы вредна. Многие хотели бы падения Англии, но теперь рано по причине [усиления] Германии. Многие хотели бы гибели Японии, но тогда крепость России была бы подорвана. Также и в вашем деле смена должна произойти умно. Повсюду можно видеть брожение. Нужно удержать равновесие [мира]. Лучше [лишь] под знаком [угрозы] войны, нежели [настоящий] взрыв Мира. Помолчим. – [Е. И. Рерих:] *Значит, моё видение о гибели франц[узской] армии*

[15] Первый раз – благословление на Куликовскую битву и собирание земли Русской, зарождение Державы. Второй раз – троекратное явление Сергия в Смутное время Минину с требованием поднятия народа на защиту Отечества. Третий раз – небесное водительство Сергия Россией во второй мировой войне.

На банкете в Харбине по случаю учреждения БРЭМ. Декабрь 1934 г.
Глава Всероссийской фашистской партии К. В. Родзаевский (сидит второй слева),
представитель атамана Г. М. Семёнова в Маньчжоу-Го Л. Ф. Власьевский (сидит четвёртый справа),
справа от него – глава Японской военной миссии в Харбине Сюн Акикуса

[в предстоящей войне] неправильно? – Именно, нет (*то есть правильно*), ибо хотим [сейчас до нападения Гитлера] сохранить русскую армию, но великая армия французская пожрёт себя так же, как и Германия. Война [в Западной Европе] пусть будет вовремя (*то есть не сейчас*), чтобы не повредить [ещё неокрепшей] России. Ужасная битва» (12 марта 1936).

Когда Рерих приехал в 1934 г. в Харбин, то он предпринял усилия, чтобы среди разношёрстных течений эмиграции укрепить «оборонческие» и «утвержденческие» настроения о защите целостности и неприкосновенности России. Так, одной из значительных и авторитетных сил здесь был харбинский отдел Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), где существовали заметно бóльшие оборонческие настроения, нежели в головном Парижском центре РОВС. На собраниях харбинского РОВС Рерих выступал несколько раз и даже внёс в него более 1000 долларов, в то время значительную сумму, для приобретения крупной русскоязычной газеты «Русское Слово». Рерих сам вошёл в редколлегию газеты и ввёл в редакцию сотрудников, которые всеми силами поддерживали идеи Рериха в Харбине и в Европе. Поэтому неудивительно, что, как пишет М. Л. Дубаев, «в 1935 году руководитель харбинского РОВС генерал Г. А. Вержбицкий был арестован и выслан из Харбина в Северный Китай, так как он не согласился с предложением японских властей в будущем расчленить Россию и создать на её территории несколько государств. Г. А. Вержбицкий был вне себя от ярости, когда японский представитель штаба Квантунской армии предложил из членов РОВС создавать шпионские отряды для засылки на терри-

торию СССР[16]. <…> [Эта] самая крупная эмигрантская организация будет закрыта японскими властями в первую очередь»[17]. А 28 декабря 1934 г., спустя месяц после отъезда Рериха из Харбина, японцы для тотального контроля спешно сформировали Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ), с заявленной целью: объединение российской эмиграции для борьбы за освобождение России от большевизма. При назначении его руководителей ставка была сделана на русских фашистов (К. В. Родзаевский) и сепаратистов (атаман Г. М. Семёнов), то есть на те силы, которые, как потом выяснилось, финансировались японскими властями и которые нападали на Рериха за его пропаганду целостности и неделимости России.

3. Пан-Монголия и Российская Азия

Вокруг Рериха всегда вырастали разнообразные легенды, которые многие воспринимали за чистую монету. Например, что Рерих хочет захватить Чили, по поводу чего Учитель заметил: «…Скоро скажут, что задумываете завоевать Луну» (27 октября 1932). Пускаемые слухи, дезинформация вызывали у врагов опасения в подготовке Рерихом по всему миру каких-то непонятных политических акций, заставляли врагов распылять силы и средства. Тем не менее, в самых ранних Беседах Культура была твёрдо определена как новый путь к изменению мира, путь, который Рериху надлежало явить на примере своей жизни: «Я, Мориа, решил через Рериха начать здесь путь к искусству. Чудо луча красоты в украшении жизни поднимет человечество» (4 июля 1921); «Дело вне политики явлю» (28 декабря 1921), а на следующий день, когда Рерих спросил, не надо ли Юрию, когда он будет находиться в Европе, принять участие в белом (добровольческом) движении, был ответ: «У тебя будет более чистая задача». И затем уже для всех Рерихов: «Считаю, путь [освобождения] России не через пушку. <...> У Нас решено явить пути учения [для] свирепых сердец – смягчить [людей] единением Красоты» (29 декабря 1921).

Одним из главных направлений, по которому устремилось воображение ряда участников тех событий, читавших Беседы Е. И. Рерих с Учителем, был так называемый *пан-монгольский план*, ностальгирующий по имперским завоеваниям Чингисхана и Тамерлана. Сознание устроено таким образом, что при нехватке или противоречивости ключевых деталей оно само начинает строить основу исходя из наиболее ближайших и созвучных стереотипов. Например, мираж озера в пустыне у томимого жаждой путника. Или когда в зависимости от исходной установки человек на одной и той же картинке обнаруживает то одно изображение, то другое. Так про-

[16] Российский государственный военный архив. Центр хранения историко-документальных коллекций, ф. 308, оп. 3, д. 458, л. 14.
[17] *Дубаев М. Л.* Харбинская тайна Рериха. – М.: Сфера, 2001. – С. 193–194.

Экспедиция Рериха на Алтае. 1926

изошло и с *пан-монгольским планом*. В майю завоевательного плана горячо уверовали все участники американского круга Рерихов.

Так, в течение многих ранних Бесед Учитель определённо говорил о том, что Россия принята Учителем в управление[18], что Его земля – Россия[19], что она – «страна Мории»[20]. Но потом в один из дней, когда Рерихи как раз познакомились со знаменитым сибирским писателем Г. Д. Гребенщиковым, знатоком и певцом русского Алтая, состоялась очередная Беседа с Учителем. В этой Беседе вновь прозвучало о Сибири и серебряных горах Алтая, в том числе: «Учитель друзей куёт вам. Учитель гору годную отвёл вам. Учитель может друга найти вотчине Своей» (8 октября 1923). Под «другом» имелся в виду Гребенщиков, которого планировалось привлечь к проекту «Белуха». Но на вопрос Елены Ивановны: «Какую страну М. М. наз[ывает] Своей вотчиной?», Учитель, вместо Алтая или Сибири, дал совершенно неожиданный ответ: «Монголия». Так возрастала пан-монгольская легенда.

Подобный тип легенд Учитель назовёт «степенью нелепости», которая «как громоотвод привлекает молнию [вражеского удара]»[21]. В чём же заключалась нелепость в случае с легендой о заповеданности «Монголии»?

Если принимать эту легенду буквально и из всех её поворотов на протяжении десятка лет выделить главное, то получится, что Махатмы и дер-

[18] Беседа 12 ноября 1921 г. и др.
[19] Там же.
[20] Беседа 28 января 1922 г.
[21] Беседа 28 октября 1932 г.

жавник Рерих якобы мечтают, чтобы объединённые «монгольские орды» вновь захватили Азию, в том числе и Россию, и что именно в этом виделось исправление и спасение планеты. Для иностранцев, чуждых русскому вопросу, или же ещё не созревших жизненным опытом, подобная жертва России не вызывала сопротивления в душе. Но совсем иначе ордынская нота звучала для русского уха. Как и вообще любая агрессия против России. Многие иностранцы до сих пор с трудом понимают эту странную черту русского характера биться за Родину до последней капли крови. Карлу XII, Наполеону и Гитлеру об этом говорили, но они не поверили. Рерих в январе 1943 г. об этой черте писал: «Самые многочисленные враги Земли Русской бывали посрамлены несломимым духом воинства русского и жертвенным самоотвержением всего народа. Александр Невский, Сергий Радонежский и Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов – сколько славнейших вех, сколько победных восхождений. <…> Знает русский народ священную радость любви к Родине. <…> Не найдётся более безумца, который бы дерзнул ополчиться на Русскую Землю, на союзную семью народов, дружно слившихся на священной, единой целине»[22].

В том, что касается «монгольской орды», то у каждого русского человека, не лишённого исторической памяти, имеется глубокий шрам на душе в память о двухсотлетнем татаро-монгольском нашествии, которое в отечественной истории называется – *игом*. *Иго* – это не рабство времён древнегреческих полисов и не притеснения мавров в Испании, это во много раз хуже. Здесь сначала перебили всех русских воинов, а затем ставили к колесу мальчишек и резали всех, кто оказывался выше, дабы не случилось восстания. Проказа крепостного права на Руси пошла также отсюда. В памяти народа отпечаталось, что не было хуже и унизительнее времени в истории Отечества, чем это татаро-монгольское иго. Во всём мире со времён Петра Великого и до сих пор ругают русских за несносные имперские амбиции, за неисправимое великодержавие. Так же, как всем известно, что никогда Россия никакому чужестранному нашествию не покорялась; с точностью до наоборот, по некому загадочному попущению судьбы бесконечно расширялась и вбирала другие народы и территории. За одним исключением – при самом зарождении державы, при том самом, связанным с *монголами* и *ордой*. Поэтому величайшим и памятным событием для истории русского народа стала Куликовская битва. А Сергий Радонежский, вдохновивший в этой битве дружины на изгнание орды, в Русской православной церкви был причислен к лику святых и считается «величайшим подвижником земли Русской».

Рерих всю жизнь прославлял Россию и русскую державность и был ярчайшим почитателем Сергия Радонежского, так, что уголок святого Сергия был у Рерихов не только в их доме в Индии в Наггаре, но по настоянию Рериха была сооружена и освящена Часовня преподобного Сергия даже в его

[22] *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. – Т. III. – М.: МЦР и др., 1996. – С. 92.

небоскрёбе-музее в Нью-Йорке. Елена Ивановна Рерих написала книгу о Сергии Радонежском, показав его главным небесным защитником и вдохновителем русского народа и России.

Для молодых американцев Нью-Йорка, – сотрудников Рерихов, – подобные нюансы русской души, русской истории, русского патриотизма были, судя по всему, не вполне ощутимы[23], или же слишком сильно на них действовала вера в невероятное. Будучи готовыми тогда поверить вообще в очень многое, они из множества разбросанных в Беседах фраз панмонгольской и пан-азиатской окрашенности сложили картину грядущего нашествия орд Чингисхана и Тамерлана на Россию.

Вместе с тем, использование в Беседах в целях диверсии слов *монголы* и *Монголия* было неслучайно. Уже историки-евразийцы, писавшие в начале двадцатых в эмигрантском Париже, в татаро-монгольском нашествии для России усматривали не только негативные, но и позитивные черты.

Что означает на просторах Евразии упоминание о «Монголии»? Империя Чингисхана включала в себя самую большую в известной мировой истории территорию: от Дуная до Японского моря и от Великого Новгорода до Юго-Восточной Азии. Исторически в центральноазиатском регионе только чингизид мог стать ханом. К чингизидам принадлежала даже китайская династия Юань. В Беседах слово «Монголия» часто служит символом империи Чингисхана, как объединения разных народов Азии в единую мощь под одной волей. В этом символе это не столько территория, сколько *идея* – об азиатском монолите и единстве.

Русские не *римляне*, но Русская церковь прониклась пророчеством о том, что «Москва – Третий Рим». Русские не *евреи*, но многие грезили будущей Россией как «Новым Иерусалимом». Почему же русским, занимающим почти ту же территорию и имеющим в крови долю тех же генов, не называться *Империей Чингисхана*? Или как сказано в Беседах – *Российской Азией*?

Утверждается, что русский народ, пережив и преодолев татаро-монгольское иго, хотя и был тем самым задержан в развитии цивилизации на несколько веков, приобрёл этой задержкой главное: закалил и выкристаллизовал в азиатском пламени национальный великодержавный дух, получил законное право – оявиться *Российской Азией*. Русский народ сроднился и искупился Азией, причём не только временами татаро-монгольского нашествия, но и в последующем собирании под своим началом народов Азии, включая защиту Азии от походов со стороны Запада. Наивысшей жертвой на алтаре Азии стал для России период СССР, включая подъём и строительство азиатских республик, включая защиту Азии от врага. Как сказано Учителем, что именно русское тело должно быть во главе Азии:

[23] Это касалось даже русскоязычных Мориса и Зинаиды Лихтманов, о которых Е. И. Рерих писала, что «…знание ими русс[ого] яз[ыка] не безукоризненно, ибо ещё в ранней юности они уехали из России и посейчас М. М. Лихтман нам всегда пишет по-англ[ийски]» (Е. И. Рерих – Р. Я. Рудзитису 8 июня 1937 г.).

«…ибо Р[оссия] Моя страна, ибо России выпал жребий, ибо Россия отдала больше всех – даже имя своё. Пусть кто-нибудь отдаст больше, он больше и получит» (14 декабря 1925).

Только подлинный хозяин столь любит, оберегает, защищает и строит свой дом. Русское *великодержавие* означает не собственность на земли и не колонизацию прочих народов, а ответственность за мирную и счастливую жизнь, за приращение общего блага. Морально и кровно, за восемь веков искупления Россия получила право стать сердцем Азии, стать наследницей империи Чингисхана.

Российская государственность, русский народ, как новая историческая и духовно-этническая мировая общность, ведёт своё начало от её духовного родоначальника и собирателя земли русской – Сергия Радонежского. Для появления русского народа он является тем же, что и Моисей для Израиля. Сергий Радонежский назван в Беседах как русское воплощение Учителя Мориа, предводителя и родоначальника новой Шестой Расы, новой Шестой Эпохи. Поэтому и сказано Учителем, касательно исторического пути, которым Он вёл Россию к решающему и переломному XX веку, что «не описать России будущей жатву Мории» (2 августа 1923).

В подобном пан-русском, пан-азиатском духе нужно понимать в Беседах и сказанное об «ордах монголов». Ибо эти, условно названные «монголы», и есть сами мы: «Вы, русские, равны птицам перелётным. Родина скоро получит новое – орды монголов» (29 июня 1921), и через два года: «Множество убиенных [во время революции] идёт в Россию. [Запись Е. И. Рерих на противоположной стороне разворота тетради:] – *На вопрос Юрия, сколько их идёт?* – Туча. <…> Позволено всем любящим Россию [ко сроку] вернуться» (2 августа 1923).

24 июня 1933 г. Учителем был дан новый виток Плана, а вместе с ним и пан-монгольской легенды: «Припомним, что указано: “Возгласят пушки над Казанью начало Нового Века”. Так собираются знаки и нужно иметь уши и глаза, чтобы замечать пути Плана. Тучи не могут закрыть суждённое. Народы Азии помнят о царствах и ханствах»[24]. Если для врагов сказанное приобретало качество чистой диверсии, заставляя думать о подготовке Рерихом неких захватнических операций, если для американских сотрудников и привлечённых ими друзей сказанное о славе Казани, царствах и ханствах грезилось как невероятное чудо воскрешения победоносных орд монголов, которые завоюют Россию, изгонят большевиков и насадят повсеместно буддизм, то для Рерихов речь шла о пробуждении русского духа в терзаемой стране, о заповеданном подвиге русского Ивана. Ибо суждено было после двух веков татаро-монгольского ига русское взятие трёх ордынских ханств: Казани, Астрахани и Сибири, что запечатлелось тремя коронами над орлами Российского герба. Суждено было претворить в русском духе и русском теле, как в плавильном котле, силы всех народов

[24] Беседа 24 июня 1933 г.

Азии. Наконец, после всех измывательств и издевательств в XX в. над русским отечественным началом суждено было русскому Ивану расправить плечи и во второй мировой войне именем Российской Азии, именем справедливости и общего блага спасти планету от разрушения.

Таким образом, если для американцев сказанное о «Монголии» и «монголах» выглядело как завоевательная пан-монгольская идея, как новая золотая «Калифорния», то для Рерихов это была пан-русская идея, идея о Российской Азии, или как она много раз названа в Беседах – **русское дело.**

Объяснение, почему Россия и Российская Азия не назывались прямым текстом и были замещены другими наименованиями («Монголия», «Новая Страна» и пр.) было дано в одной из Бесед с Учителем. Елена Ивановна Рерих спросила: «В Тайной Доктрине в одном месте сказано, что Америк[анцы] являются 6-й и даже 7-й субрасой [нынешней Пятой Коренной Расы], в другой [работе] – что сердце [зарождающейся] Шестой расы, коренной, бьётся сейчас на Ам[ериканской] зоне. Но мне казалось, что для коренной расы нужна большая давность для типа, установившегося от смешения разных национальностей, нежели трёхсотлетнее смешение Америки, потому я отношу коренн[ую] Шестую расу в будущую Рос[сийскую] Аз[ию] и понимаю, что нельзя было называть её как нечто сокровенное – так ли это?». На что был получен ответ: «Даже нельзя и не следует произносить будущую Р[оссийскую] Аз[ию] – разорвут» (5 марта 1933 г.).

* * *

Поездки Рериха на Алтай, Тибет и Дальний Восток явились частью Мирового Плана Махатм. Принципиальное значение для понимания миссии Рериха имеет тот факт, что Рерих не просто знал о Махатмах, с Ними общался или даже встречался, но что вся зрелая часть его жизни, начиная с 1920 г., была посвящена исполнению прямых Указов и претворению общего Плана Махатм. Без признания данного решающего факта жизни Рериха его поездки в Азию, утверждаемые им идеи Великого Союза Востока, Новой России, Российской Азии утрачивают всяческую логику, трудно увязываются с его общеизвестной культурной деятельностью, вызывают искушение присудить Рериху совершенно фантастические намерения.

Главной задачей Рериха, согласно Плану Махатм, стало поднятие над планетой *Знамени Мира*, провозглашение *Культуры* как главного инструмента Нового Мира. В преддверии столкновения народов, чудовищного Армагеддона важнейшей задачей Рериха стала миротворческая деятельность, попытка предотвратить войну вовлечением правительств в разнообразные культурные начинания, примирение народов. Одним из выдающихся достижений миротворческой миссии Рериха стало проведение им в начале тридцатых годов трёх международных конференций по принятию

Пакта Рериха о защите культурных ценностей во время вооружённых конфликтов, завершившихся подписанием в Вашингтоне в 1935 г. Договора 21 страной. Если Красный Крест провозгласил защиту человеческой жизни, то есть в общепринятом смысле – физического тела, то Пакт Рериха через охранение Культуры заявил о защите – человеческой души.

Т. В. ЕРМАКОВА
(Институт восточных рукописей РАН; Санкт-Петербург)

«ПО ТРОПАМ СРЕДИННОЙ АЗИИ» Ю. Н. РЕРИХА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Экспедиции в Центральную Азию второй половины XIX – первой трети XX в. представляют собой яркий этап героического проникновения на неизведанные территории и соприкосновения с малоизученной социокультурной средой. В ряду экспедиций Н. М. Пржевальского, П. К. Козлова, А. Стейна, С. Гедина Трансгималайская экспедиция Рерихов 1923–1928 гг. занимает достойное место.

Монография «По тропам Срединной Азии», подготовленная Ю. Н. Рерихом на основе путевого дневника, зафиксировала центральноазиатскую культуру в практически последний период её незатронутости инокультурными влияниями и политическими трансформациями. Это обстоятельство обусловливает исключительную ценность данной работы как источника конкретных историко-культурных сведений. Кроме того, Ю. Н. Рерих, составляя экспедиционные записи, опирался на свою профессиональную подготовку как тибетолога и буддолога. В его лице экспедиция имела наблюдателя, компетентного в наблюдаемых явлениях и способного дать им научно обоснованную интерпретацию. В результате монография содержит уникальные сведения по этнографии малых этносов, традиционной культуре Тибета, в том числе добуддийского её пласта, буддийской художественной культуре и храмовом зодчестве.

Таким образом, работа Ю. Н. Рериха предоставила нам ценнейшие сведения о центральноазиатском культурном регионе, которые могут стать опорой дальнейших исследований в широком спектре гуманитарных дисциплин.

И. С. КАРАБУЛАТОВА
(Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета; Тюмень)

Н. К. РЕРИХ О ГРЯДУЩЕЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НОВОГО ТИПА

В своей работе «Сердце Азии» (1929) Н. К. Рерих, наблюдая за изменчивыми и стремительными условиями жизни, приходит к выводу, что «на наших глазах формулируются видоизменения языков. В Монголии нам рассказывали необыкновенно курьёзные сочетания слов, составившиеся из

нескольких языков в последнее время. Китайский, монгольский, бурятский, русский и некоторые парафразы технических иностранных слов уже дают какой-то новый конгломерат» [*Рерих 2001*: 50]. Под влиянием «клипового» мышления возникает некий эрзац-носитель, который в коммуникации использует родной язык, конфессиональный язык, язык международной коммуникации, государственный язык, государствообразующий язык, дополнительный иностранный язык. Лингвомоделирование евразийской языковой личности нового типа, умело оперирующей концептами трёх-четырёх лингвокультур, сегодня происходит стихийно, что может вызвать нежелательные тенденции в этнической идентификации личности данного типа. Именно поэтому Н. К. Рерих писал о чрезвычайно сложной задаче, которая встанет перед филологами нового поколения. Современный человек в контексте глобализации утрачивает свою этнокультурную специфику, и в результате культурной глобализации происходит распространение одинаковых культурных образцов по всему миру, что приводит к нивелированию национальных особенностей, некоторой культурной «перекодировке» жизни стран и народов и формированию потребительских установок [*MacCannell 1999*]. В связи с чем и языковая картина современного носителя языка подвергается существенным трансформациям. Всё это приводит к необходимости изменения стратегий к обществу и окружающему миру в противовес философии общества потребления [*Attfield 1983*]. Итак, становление **евразийской языковой личности нового типа** (далее – ЕЯЛ НТ) в полилингвоментальном пространстве современного мира в условиях национально-англо-русского и русско-национально-английского триязычия и изучения дополнительного языка представляет собой объективный процесс как результат действенности языковой политики в условиях глобализации. Спецификой евразийской языковой личности нового типа является умелое сочетание разноструктурных языков. Например: китайского, русского, английского и татарского, мордовского, бурятского (других языков России и/или языков того или иного государства постсоветского мира). Сложная коммуникативная ситуация в условиях глобализации требует взвешенного этнолингвоинформационного подхода, поскольку сложившаяся в современной науке установка изучать «традиционную культуру» как некогда существовавшую или трудно сохраняющуюся культурную норму мешает современным исследователям увидеть лингвокультурный и лингвогеополитический смысл в этом новом смешении языков. В связи с этим одним из выходов можно считать ориентацию на государствообразующий этнос и государствообразующий язык. Наименее безопасным является такой путь формирования ЕЯЛ НТ, когда преподавание основ родной культуры и языка идёт сквозь призму языка и культуры государствообразующего этноса. Причем ЕЯЛ НТ должна пройти в ускоренном темпе те стадии, что и этнос, а именно: 1) сказочно-мифологическую (знакомство с архетипами, проведение параллелей); 2) нравственно-религиозную (этические нормы); 3) научно-мировоззренческую (осмысление). Мы наблюдаем формирование

современной ЕЯЛ НТ на конструктивной основе лингвоментального полилога, в котором участвуют новые языки-коммуниканты постсоветской реальности, трансформируясь в интенсивной коммуникации современных носителей языка в сторону новых вариативных форм.

ЛИТЕРАТУРА

Рерих Н. К. Сердце Азии. – Новосибирск: РОССАЗИЯ, 2011. – 152 с.
Attfield R. The Ethics of environmental Concern. – New York, 1983.
MacCannell D. The Tourist: A Theory of the Leisure Class / 3rd ed. – Berkeley: University of California Press, 1999. – 231 p.

С. Г. КЛЯШТОРНЫЙ
(Институт восточных рукописей РАН; Санкт-Петербург)

ОРХОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

В 1891 г. была создана Орхонская экспедиция Императорской Академии наук под руководством В. В. Радлова, основной задачей которой был поиск и исследование недавно обнаруженных в Северной Монголии памятников древнейшей тюркской письменности, написанных так называемым руническим письмом.

Памятники были дешифрованы и опубликованы в первом варианте в 1892 г. датским учёным В. Томсоном и академиком В. В. Радловым.

Задачей экспедиции стал поиск памятников письменности на территории Монголии, а также исследование крупных архитектурных и археологических объектов, относящихся к раннему средневековью. Таким образом, благодаря работам экспедиции, продолжавшимся до 1896 г., была открыта древнейшая центральноазиатская цивилизация кочевых народов, говоривших и писавших на тюркских языках и создавших свою государственность в VI–IX вв.

Значимость этого открытия была чрезвычайно высоко оценена научной средой того времени. Новооткрытые памятники позволили значительно углубить изучение истории тюркских языков, прежде всего – литературных, открыли дальнейшие перспективы в изучении истории кочевых народов Центральной Азии и взаимодействия с иными цивилизациями (дальневосточными и ближневосточными) и подойти к новому пониманию самого процесса создания самобытных письменностей у центральноазиатских кочевников. Орхонская экспедиция оказалась и одной из наиболее плодотворных исследовательских групп, работавших в Центральной Азии. Ею были опубликованы более 10 фундаментальных изданий, обобщивших результаты полевых работ, включая «Атлас древностей Монголии», полностью сохранивший свою значимость вплоть до настоящего времени и не заменённый иными изданиями того же типа. В целом результаты работы Орхонской экспедиции определили новый этап в изучении цивилизаций, созданных кочевыми народами Евразии.

М. Ю. МИРОНОВА
(Государственный музей Востока; Москва)

КАШМИРСКИЕ СВЯТЫНИ НА ПУТИ ЭКСПЕДИЦИИ РЕРИХОВ

В своих записях о Кашмире Николай Рерих поставил нам много вопросов: *«Где скрылось исчезнувшее колено израилево? Где “трон Соломона”? Где пути Христа-странника? Где прошли орды великих моголов»?*

Ответы на них до сих продолжают волновать современных исследователей.

«Всё прошло по Кашмиру», – добавляет Николай Рерих.

В соответствии с Махабхаратой, когда-то на месте Кашмира было древнее царство Камбоджи. Столицей Кашмира (Камбодж) в эпические времена была Раджапура, которую идентифицируют с современным Раджаури. Современные исследования археологических объектов вдоль Каракорумского шоссе в районе Гилгита также свидетельствуют о существовании Камбоджи на основании расшифровки древних записей на камнях и скалах. Императору Маурья Ашоке часто приписывали основание города Шринагар. В древности Кашмир был одним из буддистских центров обучения, в котором доминировала школа Сарвастивада. Восточные и центральноазиатские буддистские монахи, судя по записям, часто посещали Кашмир. В позднем IV в. знаменитый кучанский монах Кумараджива жил и учился в Кашмире. Он стал известным переводчиком, который помог принести буддизм в Китай.

Самое раннее упоминание Кашмира содержится в китайской летописи ранней династии Хан, оно датируется 220 г. н. э. Этимология названия «Кашмир» озадачивала учёных, которые давали различные версии его происхождения. Бабур, основатель династии Моголов в Индии, первым указал в своих мемуарах, что оно прослеживается от названия племени каш, или куш, также известного как касситы. Куш упомянут как внук Ноя в Книге Бытия, чьё племя известно как касту в Вавилонии, коссаи в Персии.

Профессор Фида М. Хасснайн, бывший в своё время директором Государственного архива штата Джамму и Кашмир, в книге «В поисках исторического Иисуса» пишет: «Я нашёл много названий мест в Кашмире, которые были упомянуты в Ветхом Завете: Гуджары из Кашмира, являющиеся мусульманами, утверждают, что их предки – из Израиля. Они стригут волосы и делают причёску на еврейский манер. Весло в форме сердца, используемое кашмирскими лодочниками, обнаруживается только в Палестине и Кашмире. В архитектуре старых зданий Кашмира внешняя лестница всегда начинается с запада, что не характерно для древних индуистских, мусульманских или буддийских домов. Такое название вполне соответствует теории, согласно которой Кашмир является Землёй обетованной, Землёй отцов. Сюда, блуждая по северной Индии, пришли десять “потерянных колен Израилевых”».

Основанный в III в. до н. э. Шринагар исторически расположился вокруг озера Дал. В XVI в. Кашмир был завоеван династией Великих Моголов. По приказу императора Акбара вокруг озера построили несколько царских дворцов, окружённых садами с прямоугольными ступенчатыми террасами. Такие каменные парапеты – оригинальная восточная система орошения. Самые прихотливые растения буйно цвели благодаря непрерывно питающей их воде озера. Древние сады существуют и по сей день – Сапфировый сад (Насим Багх), Сад любви (Шалимар Багх), Сад удовольствий (Нишат Багх) и другие, поражающие своей величавостью и утончённой красотой.

Примечательно, что местные мусульмане называют Кашмир Багх Сулейман, что означает «сад Соломона». На горе, возвышающейся над Шринагаром, стоит небольшой храм, известный под названием Тахт-и-Сулейман, то есть Трон Соломона. Надпись на нём гласит, что «новый храм» был построен в 78 г. История храма излагается муллой Надири – историком, жившим во времена правления султана Заинула Абидина – в книге Тарикх-и-Кашмир («История Кашмира»), написанной в 1413 г. н. э. В ней мулла сообщает, что Храм Соломона насчитывал тысячу лет ещё до наступления христианской эры и что уже в более поздние времена он был восстановлен по велению правившего тогда царя Гопадатты (Гопананды). Для работ по восстановлению храма царь пригласил персидского архитектора, и тот на ступенях, ведущих к центральному входу, начертал следующие надписи на староперсидском языке:

«Создатель этих колонн – самый смиренный Бихишти Заргар, в год пятьдесят четвёртый».

«Кхваджа Рукун, сын Мурджан, построил эти колонны».

«В то время Йуз Асаф объявил о своей пророческой миссии, в год пятьдесят четвёртый».

«Он есть пророк сынов Израилевых».

«Йуз Асаф пришёл в эту долину из Святой земли во время царствования Гопадатты и заявил, что он пророк, что он сам – своё собственное послание, что живёт он в Боге день и ночь и что сделал Бога доступным для жителей Кашмира. Он звал к себе, и люди долины верили в него. Когда индусы пришли в негодовании к Гопадатте, настаивая принять меры к пришельцу, Гопадатта отправил их прочь».

В Кашмире Рерихам показывали «гробницу Иссы», на что Николай Рерих позднее заметил, что «мусульмане хотят иметь Христа у себя».

Гробница Иисуса Христа называется Розабал и находится в г. Шринагар рядом с мечетью Дастгир Сахиб. Кашмирские мусульмане называют её гробницей св. Иссы, сына Мариам, одного из 28 пророков ислама (наряду с Мухаммедом и Моисеем), упоминающегося в Коране. Имя Иисуса на надписи у гробницы – Юза Асаф, где Юза (Южа) – искажённое Иешуа, Асаф в переводе с тогдашнего местного языка – Пастырь («Христос»). Профессор Фида Хасснайн, предполагает, что эту гробницу построил св. апостол Фома, в соответствии с предсмертными предписаниями Иисуса. М. Хасснайн пы-

тается доказать, что Иисус выжил после распятия на кресте и проповедовал иудеям в Персии, Афганистане, Индии и Средней Азии вместе с Фомой и Симоном Петром.

Одна из трактовок имени «Кашмир» в переводе с санскрита означает «высушенные земли» (от санскр.: *Ка* = вода и *шимира* = высыхать). С этой трактовкой связана история о священном озере, которое посетил Н. К. Рерих. Около него он изобразил Нагарджуну. Это озеро Консар Наг (Сатисара) находится восточнее перевала Пир Пинжал на высоте 3938 м. Считается, что божественный Вишну оставил здесь отпечаток своей ноги. Аурель Стейн упоминает об одной книге древнего летописца Калханы «Раджатарагини» XII в., в свою очередь опиравшегося на ещё более древний тест Ниламаты-Пураны о том, что от начала кальпы кашмирская долина была древним озером Сатисара – озером Сати Дурги. Однако демон Ялодбхава, который жил в этом озере, производил опустошения, угрожая бедствием всем соседям. Мудрец Кашьяпа, отец всех Нагов, находился в это время в паломничестве по святым местам северной Индии и, услышав об этой беде, пообещал наказать злодея. Кашьяпа припал к стопам Брамы, умоляя его и других богов помочь ему в этой затее. В ответ на его просьбу сотни тысяч богов заняли высокие пики над озером Сатисара. Демон, который был непобедим в своей стихии, отказывался выходить на поверхность озера. В этой связи Вишну призвал брата Балабхадру, чтобы осушить озеро и тот пропахал брешь в горах, через которую потекла вода. Когда озеро стало сухим, Вишну сам сразил демона. Сатисара – то, что осталось от когда-то огромного озера.

Возможно, у легенды были некоторые реальные основания. Имя Кашьяпы, по истории и традиции, связываемое с осушением озера, носил город на берегах озера – Кашьяпа-Пура, и возможно упоминание Геродотом места *Kaspatyros (Каспатира)* также свидетельствует об этом (3.102, 4.44). Кашмир обозначен у Птолемея как *Као-ир ~ пта*. Иногда в легендах имя Кашьяпы смешивают с именем Соломона.

Мартанд – храм, посвящённый Сурье, – место, где, по словам Н. К. Рериха, «глаза участников экспедиции отдыхали от “мелкого рисунка современного Кашмира”». Это самый известный из сохранившихся ранних храмов эпохи Гандхары, сочетавшей в себе элементы индийской и эллинской архитектур. Возведён при махараджe Лалитадитья в VIII в. н. э.

Ещё одно древнее место, шедевр эпохи Гандхары, которое посетила экспедиция, – развалины храмов Авантипуры – посвящённые Шиве и Вишну, возведённые при царе Авантивармане в IX в. на месте бывшей столицы. Они находятся к юго-востоку от Шринагара. Интересно, что современные археологические исследования близ озера Манасбал, которое также прошла экспедиция и которое запечатлено на одноимённой картине Николая Рериха, обнаружили постройки эпохи царя Авантивармана, эпохи небывалого культурного расцвета.

Из Гулмарга экспедиция отправилась в Гандербал через озеро Манасбал и далее до Сонамарга, который является жемчужиной Кашмира. Сонамарг находится в нескольких днях пути от знаменитой святыни шиваитов – ледяной пещеры Амарнатх. По преданию, эта пещера была выбрана Шивой, чтобы рассказать Парвати о тайне бессмертия и сотворения Вселенной. А Свами Вивекананда испытал в этой пещере возвышенные переживания.

По пути к пещере Амарнатх Шива покинул всё и всех, кто у него был, – своего быка Нанди и сына Ганешу. А своих змей он оставил на озере Шешнаг. В двух днях пути от Амарнатха, на высоте 3658 м, находится озеро Шешнаг, окружённое семью высокими пиками, каждая вершина которых напоминает главу божественного Шешу. Николай Рерих несколько раз запечатлел Шешнаг, но видимо, до самой пещеры Амарнатх экспедиция не дошла.

Одной из основных задач экспедиции Рерихов была исследование археологических памятников вдоль Великого Шёлкового пути. Этим путём проходили древние миграции народов, о чём свидетельствовали многочисленные петроглифы и образцы предметов в так называемом зверином стиле.

Данная тема получила своё широкое развитие в трудах исследователей в XX в. Благодаря археологическим экспедициям К. Йеттмара, а также впоследствии, в 1979 г., совместным германо-пакистанским научным проектам, были системно исследованы районы Северного Пакистана – пакистанский Кашмир. Так, в районе Каракорумского шоссе, соединяющего Пакистан с Китаем, было исследовано множество археологических объектов. В основном они сконцентрированы в районе Гилгита, по берегам Инда. С 1982 г. проект поддерживается Гейдельбергской Академией наук в лице преемника К. Йеттмара – профессора Харальда Гауптмана. Кроме наскальных изображений в ущельях Инда, были раскопаны могильники, в которых обнаружены предметы, оформленные в скифском зверином стиле. Их локализация уточнила места пребывания иранских племён. Зафиксированные миграционные процессы на рассматриваемой территории датируются II тыс. до н. э [*Stacul 1993*], а более поздняя волна – IV в. до н. э. Эти материалы также имеют непосредственные связи с изделиями из Южной Сибири.

Петроглифы представляют собой объекты разных эпох. Наряду с изображением лучников, солярной символики, отпечатков рук, винторогого козла, встречаются изображения «гигантов» и «фей» – божеств местных религий, по поверьям, обитающих на высочайших горах, например Нанга Парбат. Знаменательно, что исследователи отмечают идентичность великанов с изображениями, найденными в районах Крайнего Севера. Однако у «гигантов» с севера прорисовано лицо, а у гилгитских великанов – нет. Особую группу представляют изображения, оставленные чужеземцами, напри-

мер, персами-ахеменидами. На одном из камней мы видим воина в традиционном ахеменидском облачении – «сцена жертвоприношения козлёнка».

Буддийские памятники раннего периода также исследовались Рерихами, особенно Н. К. Рериха и Ю. Н. Рериха интересовали изображения бодхисаттвы Майтрейи, связанные, по мнению Ю. Н. Рериха, с распространением махаяны. Буддийские памятники раннего периода были также найдены в пакистанском Кашмире. Это рисунки на камнях и скалах, изображающие Будду и бодхисаттв, ступы и сюжеты джатак, а также образцы письма гибридного санскрита, брахми, кхарошти и других древних языков, а также высеченные каменные изображения – как, например, гилгитское изображение Будды с бодхисаттвами. Все они выполнены в разных стилях и в разные периоды. Порой буддийские изображения соседствуют с рисунками других эпох. Таким образом, район Гилгита, запретный для многих исследователей, дал богатейший материал, свидетельствующий о древних миграциях и культурных сообщениях многих народов. И в настоящее время эти исследования продолжаются и привлекают большое внимание. Жаль, что этот район до сих пор почти недоступен для посещения из-за угрозы нападения боевиков.

В ходе исследования передвижения экспедиции Рерихов попутно были идентифицированы некоторые безымянные горные вершины на его полотнах, которые Николай Рерих изображал неоднократно в разные годы. Это, например, вершины хребта Каракорум – Чогори и Башня Музтаг. Много раз Николай Рерих изображал Нанга Парбат, первый раз эту вершину экспедиция увидела из Барамуллы. Все эти вершины расположены севернее Гилгита в пакистанском Кашмире. Вершина Башня Музтаг (Музтаг означает в переводе с уйгурского «Ледяная Гора») на перевале Балторо Музтаг привлекла Николая Рериха своим загадочным ликом сфинкса.

Таким образом, труды Центральноазиатской экспедиции Рерихов 1923–1928 гг. продолжают многие исследователи разных областей науки.

ЛИТЕРАТУРА

Геродот. История / Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – (Серия «Памятники исторической мысли»).

Рерих Н. К. Алтай – Гималаи. – Рига: Виеда, 1992.

Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. – Самара: Агни, 1994.

Stacul G. Neolithic Inner Asian traditions in northern Indo-Pakistani valleys // South Asian Archaeology. – Helsinki, 1993. – P. 707–714.

Д. А. НОСОВ

(Институт восточных рукописей РАН; Санкт-Петербург)

ОТЧЁТ В. А. КАЗАКЕВИЧА О ПОЕЗДКЕ В ГОБИ 1924 ГОДА – НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛИИ

Развитие гуманитарного знания, осознание важности изучения культурно-исторических процессов, происходящих в рамках всего человече-

ства и отдельных народов, требует от исследователей как новых этнографических и фольклористических наблюдений, так и переосмысления уже существующих.

В этой связи огромное значение имеет отчёт о работе гобийской партии Учёного Комитета МНР, с которым мне довелось работать в 2012 г. в Архиве Института истории АН Монголии. Документ составлен в 1925 г. руководителем партии – советским монголоведом **Владимиром Александровичем Казакевичем** (1896—1937). Он повествует о результатах экспедиции, совершённой исследователем по территории бывших Тушетухановского, Сайн-нойон-хановского и Дзасакту-хановского аймаков и Кобдоского округа с 9 июля по 6 декабря 1924 г. Отчёт написан на русском языке; этнонимы, термины и ряд монгольских выражений даны в академической транскрипции на кириллице.

Основная цель работы гобийской партии Учёного Комитета, осуществлявшейся летом и осенью 1924 г., состояла в том, чтобы точно определить южную границу Монгольской Народной Республики. Этого по объективным причинам сделать не удалось, зато за время пути было собрано несколько естественно-исторических коллекций, записаны произведения гобийского фольклора, зафиксировано множество этнографических и культурно-исторических фактов. Маршрут данной экспедиции проходил по мало исследованной части Гоби, которая ранее не попадала в поле зрения европейских путешественников. Партия состояла из В. А. Казакевича, автора отчёта, В. П. Пахомова – препаратора и коллектора, члена экспедиции П. К. Козлова, и гобийца караван-вожатого Джамцо.

Помимо фактической информации В. А. Казакевич включил в отчёт свои соображения по вопросам монгольской лексикологии, этнографии, генезиса одного из фольклорных жанров – народных преданий, и ряд других наблюдений.

Отчёт представляет собой ценный источник по культурной истории монголов в первой половине двадцатых годов XX в. Содержащиеся в данном документе материалы позволяют предпринять попытку реконструкции обыденных представлений, бытовавших в рассматриваемый период в гобийских регионах Монгольской Народной Республики.

Т. А. ПАН
(Институт восточных рукописей РАН; Санкт-Петербург)

ВАЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ СИНЬЦЗЯНСКИХ СИБЭ ДЛЯ РЕШЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Географическая отдалённость регионов, заявленных в теме доклада, объясняется историческим событием, произошедшим в истории Китайской империи в середине XVIII в. В 1764 г. по приказу императора Цяньлуна более тысячи сибинских солдат с семьями были переселены из Мань-

чжурии в Илийский край для усмирения чахар и укрепления западных границ Цинской империи. По переписи населения 2000 г. в Китае проживает 188.824 сибинца, в основном в Чабчал-сибинском автономном уезде Или-казахского автономного округа на южном берегу реки Или на границе с Алматинской областью Казахстана. По воле императора, народ сибэ оказался в значительном отдалении от своей исторической родины, среди большого количества различных народов Восточного Туркестана и был вынужден начать новую жизнь, приспосабливаясь к новым условиям. Многонациональный состав Синьцзяна и изолированное проживание в приграничном районе (долгое время закрытом для свободного въезда в него) способствовали сохранению самоидентичности сибинцев. В настоящее время сибинцы Чабчала являются единственными носителями разговорного диалекта маньчжурского языка, на котором говорят в семьях, ведётся радиовещание и издаётся газета и который преподаётся в начальной школе. Сибинцы и маньчжуры, проживающие в Маньчжурии, уже в XIX в. перешли на китайский язык. В связи с этим, изучение письменного и разговорного языка сибэ даёт возможность реконструкции произношения разговорного маньчжурского языка.

Проживая в диаспоре, сибинцы старательно сохраняли свои традиции. Это касается и церемоний, проводимых при шаманских камланиях, народных праздников и похоронных обрядов. Полевые исследования, проведённые в деревнях современных сибэ, показали, что похороны и захоронения осуществляются согласно старой традиции и план кладбища (на могилах отсутствуют надгробные камни) соответствует плану генеалогических таблиц. Это дало ключ к пониманию захоронений древних народов Приамурья и Приморья (чжурчжэней, киданей и мохэ), объяснению схем могильников, раскопки которых ведутся археологами из Владивостока.

Т. Д. СКРЫННИКОВА
(Институт восточных рукописей РАН; Санкт-Петербург)

СОЛНЦЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Я уже обращала внимание исследователей на то, что в традиционной культуре монголоязычных народов выделяется два типа, которые складывались и сосуществовали с III тыс. до н. э. и которые я обозначила как *восточноазиатскую*, связанную прежде всего с монголоидами, и *южно-западно-азиатскую*, определяемую пребыванием в регионе формирования тюрко- и монголоязычных этносов европеоидов, *традиции*.

Это различение двух типов культур, граница которого пролегает по Западной Монголии, обусловливается влиянием индоевропейской традиции на западные регионы расселения народов алтайской языковой семьи и было уже довольно чётко выражено в бронзовом веке, что нашло отражение в археологических памятниках: распространение на западе Южной

Сибири и Центральной Азии оленных камней, керексуров и курганов, и плиточных могил – на востоке.

В данном докладе речь будет идти о западном регионе расселения народов Центральной Азии, где центральное положение под влиянием индоевропейской традиции занимало божество-Солнце (или, более поздний вариант, Громовержец), сопровождаемое парой божеств (правое / левое, доброе / злое). Это отразилось в форме упомянутых археологических памятников. Так, существенной характеристикой как сооружений, обозначенных Э. А. Новгородовой жертвенниками, так и керексуров и оленных камней, является непременное наличие общего элемента – *кругов* (круг – знак Солнца). Отмечается сочетание в одном комплексе жертвенника, керексура и оленных камней. *Солнце* является обязательным атрибутом верхней части (функция вертикалей в качестве Axis mundi и деление их на три зоны, где верхняя обладает наивысшей сакральностью) оленных камней в трёх формах: *изображение* солнца, *сегнерово колесо*, *серьга*, в которой могут присутствовать обе формы. Кроме того, следует отметить наиболее частый сюжет, изображаемый над поясом: солнце рядом с натянутым луком и вложенной в него стрелой, так называемый мотив *небесного охотника*. Интересно заметить, что подобное значение имеют и изображения на петроглифах того периода, распространённые в этих же регионах: изображения солнцеголовых копытных на скалах Центральной Азии – в Монголии и на Алтае, или мотив ритуальной стрельбы из лука в солнце или в животных, символизирующих солнце, что, несомненно, связано с общественным социально значимым обрядом, в котором участвуют все мужчины социума, – Новогодним ритуалом. У западных бурят празднование Нового года и называлось по самому главному моменту ритуала – стрельбе из лука – ***сур****харбаном*, то есть *стрельбой в* ***солнце.*** Так же может интерпретироваться и слово *керексур* (дословное значение: *мост* [по которому перевозится] *сур* или *ездовое животное* [на котором перевозится] *сур*) – это *вместилище сур*, сакральной субстанции солнечной природы предка, оживляемой в ритуале, Axis mundi ритуала.

В этом контексте значительный интерес представляют собой лингвистические данные. Нельзя не вспомнить божества *Умай*, на солнечную природу которой указывают и её связь с огнём и стрелой, которая в традиционной культуре является вместилищем огня, а также с птицей, которая может выступать символом солнца. Только благодаря солнцу предметы могут отбрасывать тень. Связь образа Умай с птицей-солнцем подтверждается её функциями: она дарует урожай, что связывается с весенним солнцем, является покровительницей домашнего очага (огонь = солнце) и духом-хранителем младенцев – обозначение в тюркских и монгольских языках. И функционирующее в ритуальном поле культуры народов Центральной Азии слово *йор*, которым, согласно данным, опубликованным В. Н. Топоровым, обозначается солнце в некоторых иранских языках: «ваханское (y)ir ‘солнце’…, а также дардское yor ‘солнце’». Это далеко непол-

ные данные наличия представлений о божестве-Солнце в традиционной культуре народов Центральной Азии.

Е. С. СОБОЛЕВА
(Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Санкт-Петербург)

А. ГРЮНВЕДЕЛЬ И СТАНОВЛЕНИЕ ИНДОЛОГИИ В БЕРЛИНСКОМ МУЗЕЕ НАРОДОВЕДЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

В конце XIX в. в европейских музеях практически не было коллекций, позволявших показать во всей полноте индийскую культуру. Доступ иностранных путешественников, исследователей и собирателей в колонии был ограничен. Этнографические музеи не имели возможности осуществлять целенаправленные сборы на местах и довольствовались случайными, разрозненными экспонатами.

Широкое распространение индийского культурного и религиозного влияния в Азии дало основание учёным включить в понятие «Индия» некоторые районы Центральной и Юго-Восточной Азии. Музеи внесли немалый вклад в сбор научной информации и систематизацию знаний об этом сложном и обширном регионе. Консультации, обмен коллекциями и публикациями, приглашение к сотрудничеству собирателей («коллекторов») и другие виды взаимопомощи позволили музеям пополнять свои собрания в рамках своей специализации, не дублируя друг друга. Результатом такого научного сотрудничества можно считать появление к двадцатым годам XX в. новых экспозиций, отделов и даже музеев индийского искусства.

Создателем Индийского отдела Берлинского музея народоведения стал профессор **Альберт Грюнведель** (1856—1935). Ему удалось пополнить этнографическое отделение этого крупнейшего музея Германии столь разнообразными коллекциями, что они впоследствии легли в основу нескольких специализированных музеев. Успешность этой деятельности во многом определялась сотрудничеством с российскими учёными из Императорской Академии наук, доступностью российских музейных собраний для исследователей. В 1899 г. директор академического Музея антропологии и этнографии В. В. Радлов пригласил А. Грюнведеля участвовать в археологической экспедиции в Восточный Туркестан. В 1902–1914 гг. четыре немецкие экспедиции провели в этом регионе самостоятельные раскопки.

Директора и сотрудники обоих музеев имели возможность ознакомиться с коллекциями, обсудить приёмы и проблемы экспонирования этнографических и археологических коллекций в Берлине и Санкт-Петербурге, стажироваться и изучать опыт коллег, провести взаимовыгодный обмен дублетными экспонатами.

* Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-01-00168 «Экспедиция МАЭ на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг. История, коллекции. Научное наследие». – *Примеч. ред.*

В 1908 г. А. Грюнведель, «директор Азиатского отделения Этнологического отделения Музея в Берлине, профессор, доктор философии», был избран на вакансию в члены-корреспонденты Историко-филологического отделения Императорской Академии наук по разряду восточной словесности. Он создал основополагающие труды на немецком языке по истории буддизма в Индии и Тибете, индийской и тибетской иконографии и мифологии, археологии Центральной Азии, которые положили начало систематическому изучению буддийского, а затем и индийского искусства в Германии. Под его руководством была создана индийская экспозиция в Берлинском музее народоведения.

В свою очередь, А. Грюнведель немало способствовал тому, что крупные и редкие этнографические собрания немецких учёных (из Южной Америки, Африки, Юго-Восточной Азии и др.) были приобретены Музеем антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге. Практические советы А. Грюнведеля помогли Г. Х. Мерварту спланировать маршрут экспедиции в Южную Азию (куда он отправился в 1914 г. по заданию МАЭ) и определить основные направления этнографических и лингвистических исследований.

О. П. ТРУФАНОВА
(Факультет свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета; Санкт-Петербург)

ОБРАЗ МАЙТРЕЙИ В ВИЗУАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

(С ОПОРОЙ НА МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Н. К. РЕРИХА)

Искусство – интуиция народа. Оно воплощает то, что нельзя познать умом и высказать словами. По словам А. В. Свешникова, искусство – это инструмент, с помощью которого человек соединяет накопленные мыслительные конструкты фантазийными вставками ради создания гармоничной картины мира. То есть искусство, оперируя доступным и известным языком имеющихся предметов, организуя и интерпретируя их особым образом, создаёт нечто новое, ранее не существовавшее на земле. Предмет получает двоякую природу знака и символа. В религиозном искусстве символичность достигает своего апогея, ибо в данной сфере не приемлема прямолинейность и буквальность, и подход к выбору изобразительных средств является особенно сложной задачей. Тем более удивительно, что именно в религиозной сфере обнаруживается множество параллелей в изображениях священных образов. Богатый материал по этому вопросу, на который мы опирались в ходе работы, был собран экспедицией семьи Рерихов и их сподвижников. Наша работа посвящена изучению произведений искусства, посвящённых грядущему Будде Майтрейе, чей образ перекликается в индуистским Калки-Аватаром, монгольским Гессар-Ханом, алтайским Белым Бурханом и другими существующими Мессиями. Ареал нашего исследования лежит в пределах Северной Индии и Тибета, а также

затрагивает Пакистан, Китай и Монголию. Происхождение и эволюция образа Майтрейи, его дифференциация в зависимости от вида искусства или места его появления помогут приблизиться нам к пониманию природы этого образа, а также родственных ему. Обратно, наблюдаемые изменения в трактовке образа Майтрейи улучшат наше понимание языка различных видов искусств.

В ходе исследования, рассматривая воплощения Майтрейи в скульптуре, живописи и архитектуре, мы обратили внимание на выяснение времени появления его первого изображения. И хотя найденный ответ остаётся одним из возможных, нам кажется правдоподобной версия о параллельном появлении во II веке н. э. Майтрейи в образе Небесного Покровителя и в образе земного бодхисаттвы. Дальнейшее взаимовлияние этих образов, обусловленное размежеванием буддизма на школы и его географическим распространением, найдёт своё воплощение в более позднем искусстве Гуптской эпохи, Средних веков и далее. Помимо изменений во внешнем облике Майтрейи изменения происходили с предметами, которыми наделялся его образ. Появлению атрибутов Майтрейи, таких как Колесо Закона, Сосуд с напитком бессмертия, Ступа и многих других, уделено особое место в нашем исследовании. Крайне любопытным оказались изобразительные закономерности, продиктованные тем или иным видом искусства. Так, например, в наскальных изображениях Майтрейя предстаёт перед нами Небесным Бодхисаттвой, стоящим в полный рост и почти необъятным для взгляда смотрящего. Наскальное изображение как нельзя лучше отвечает замыслу изобразить Майтрейю непостижимым и неземным. Площадь скалы позволяет достичь не только гигантского масштаба, но и эффекта появления Майтрейи из камня, возможности его воплощения в любой момент. В архитектуре Тибета красноречиво выразилось стремление к контрастному окружающей среде небесному миру, воплощённому внутри храма в ярких красках знамён, тангок, а также в самом Майтрейе, восседающем высоко на своём троне. Живописные изображения также предложили свою палитру выразительных средств, позволив, например, появиться фону и иногда присутствующей в нём Горе Меру, на которой установлен престол Майтрейи. Живописные средства, не обладая телесностью архитектуры и скульптуры, прибегают к многообразию деталей и сюжетам, делающим полотно более живым. Примером сюжетной тангки служит «Шамбалическая война», описывающая сражение Добра со Злом и наступление Новой Эры. Этот сюжет и его сопоставление со «Страшным Судом» требуют пристального изучения.

Таким образом, нам удалось не только проследовать по пути развития изображения Майтрейи и его атрибутов в предметах искусства, но также выяснить, что не только язык символов, но и более простой язык искусства, как-то: вид, размер, материал и т. д., – способен выразить глубинное значение изображаемого образа.

Д. Н. ХУДОНАЗАРОВ
(Институт этнологии и антропологии РАН; Москва)

ГРАФ

(Памяти Алексея Алексеевича Бобринского)

Жил человек на Руси, был он добрым и трудолюбивым, каждое дело доводил до конца, старался, чтобы плод его труда был высокого качества. Он был очень образован, говорил на нескольких языках, любил путешествовать, изучать нравы и культуру других народов, особенно тех, кто сохранил пласты своей древней культуры и свою самобытность. Он писал о них книги с такой же любовью, как те, которые посвящал изучению русского народного искусства. Сравнивая одно с другим, он пытался восстановить потерянные страницы давней истории своего народа, соединить разрозненные осколки человеческого бытия на Земле. Книги эти, как и любой другой его труд, несли особый отпечаток добротности. Он был очень скромным человеком, во всём видел не себя, а дело и цель, которая его увлекала. Он был богатым и щедрым, помогал другим. А потом случилась революция, и он сразу, в одночасье, потерял всё и Родину тоже. На чужбине продолжал держать свечу русской культуры зажжённой, продолжал помогать тем, кто нуждался. К концу жизни совсем обеднел, умер вдали от дома, от родной земли. Детей не оставил, их у него не было, архив его погиб или исчез. С его смертью пресеклась младшая ветвь рода, одной из самых известных семей России. Книги его в библиотеках на Родине, из-за полного совпадения фамилии и инициалов, оказались в каталогах под именем его более прославившегося родственника. Шесть десятилетий спустя могила его стала бесхозной, потому что ушли из жизни те, кто помнил его, она оказалась ненужной, и на этом участке захоронили других. Вот и весь сказ о человеке. Нет могилы, нет потомков, нет архивных страниц, нет следа его созидательного труда, словно его и вовсе не было на этой Земле…

Его звали **граф Алексей Алексеевич Бобринской**, был он сыном Алексея Бобринского и Софьи Шереметевой, внуком Василия Бобринского и Софии Соковниной, правнуком Алексея Бобринского и Анны фон Унгерн, праправнуком Григория Орлова и Екатерины Второй. Пришёл он в этот мир 21 декабря 1861 г. в Москве, ушел 4 декабря 1938 года в Сиузи, итальянском Тироле.

Первый, кто публично вспомнил добрым словом Алексея Алексеевича Бобринского в России, был санкт-петербургский этнограф Александр Михайлович Решетов, выступивший с докладом о нём: «Алексей Алексеевич Бобринский – российский этнограф и искусствовед»[1]. О его жизни в имми-

[1] *Решетов А. М.* Алексей Алексеевич Бобринский – российский этнограф и искусствовед // Лавровские (Среднеазиатско-кавказские) чтения 1998–1999 гг. Краткое содержание докладов. – СПб., 2001. – С. 164–166.

грации кратко написали в своей книге М. Талалай и Б. Марабини-Цёггелер[2]. На страницах их книги был опубликован фотопортрет графа.

Конец XIX века. Российская империя расширила свою территорию на юге Средней Азии, присоединив Памир, и вплотную приблизилась к границам Британской Индии.

«Roof of the World» – «Крыша Мира» – так назвали Памир первые английские путешественники. Так образно и метко назвали они самое высокое плато на земном шаре, раскинутое на десятки километров, состоящее из нескольких частей. Эта территория, примыкающая к горным системам Гималаев и Гиндукуша, к их хребтам, пикам и гигантским ледникам, всегда была притягательной для исследователей, а соперничество двух великих империй, ставшее основой для знаменитой «Большой игры», подогрело интерес к региону. Достойны восхищения все те, кто с целью научного освоения этого тёмного пятна на карте, для изучения этой земли предприняли трудные, опасные путешествия. Одним из таких отважных людей был А. А. Бобринской, московский этнограф и искусствовед, трижды побывавший в конце XIX в. и начале XX в. в Средней Азии.

Первая его поездка состоялась в 1895 г. Вместе с Николаем Васильевичем Богоявленским, известным зоологом, профессором Московского университета[3], он отправился в Заравшан. Об этом свидетельствует книга антрополога Н. Ю. Зографа[4] «Черепа из Макшеватских пещер», изданная Бобринским в 1899 г. под общим названием «Зарафшанские горы и Верховье Аму-Дарьи. Поездка графа А. А. Бобринского и Н. В. Богоявленского, 1895 г.». Н. Ю. Зограф в предисловии к своему исследованию написал: «Граф А. А. Бобринской и Н. В. Богоявленский передали мне для измерения и описания привезённые ими из поездки в русские Среднеазиатские владения и на Памиры, совершённой ими в 1895 г., несколько черепов <…>, добытых ими совместно с капитаном Л. С. Барщевским[5] из холодной Макшеватской пещеры в 1895 г.».

Других публикаций по первой поездке учёных в Зарафшан я не обнаружил. Так же не удалось уточнить, что имел в виду профессор Н. Ю. Зограф, когда к Зарафшану прибавил Памиры, и каков был маршрут путешественников в 1895 г. Мы так же мало знаем о начальных мотивах организации первой экспедиции. О них, к сожалению, сам Бобринской в опубликованных работах почти ничего не написал. То, что нам сегодня, более века спустя, хо-

---

[2] *Талалай М., Марабини-Цёггелер Б.* Русская колония в Мерано. – Больцано, 1997. – С. 106–108.

[3] **Николай Васильевич Богоявленский** (1870—1930), учёный-зоолог, профессор Московского университета, подготовил учебник по курсу зоологии и биологии для студентов Медицинского и Зоотехнического институтов. Он также известен и как редактор Большой советской энциклопедии, для которой им было написано много статей. Подробнее о нём см.: *Горячкин Г. В., Кислова М. А.* Поездка Н. В. Богоявленского в арабские княжества Персидского залива в 1902 г. – М.: Издательский центр ИСАА при МГУ, 1999.

[4] **Николай Юрьевич Зограф** (1851—1919) – русский естествоиспытатель, зоолог, антрополог, профессор Московского университета.

[5] **Лев Семёнович Барщевский** (1849—1910) – полковник, военный востоковед, прослужил в Туркестане почти четверть века, был хорошим фотографом.

телось бы прочитать и узнать, было, по-видимому, неинтересно учёному. Ему казался неважным сам факт путешествия в Среднюю Азию, его подробности и трудности (а их было немало), которые пришлось ему и его спутникам преодолеть. Возможно, он записал об этом в своём дневнике, однако в опубликованных работах, в том числе в предисловиях к своим книгам, он не указал даже дат и маршрутов своих экспедиций. По результатам трёх экспедиций проясняется цель – изучить регион и население, проживающее там. Бобринский видел сам процесс, а не себя в нём.

Следующая поездка состоялась в 1898 г. По рекомендации В. Ф. Миллера[6] к двум опытным учёным присоединился молодой историк, студент Лазаревского института восточных языков Александр Александрович Семёнов[7].

Последняя поездка Бобринского состоялась в 1901 г. Он побывал в самых верховьях реки Пяндж, откуда берут воды её притоки Гунд, Шохдара, Бартанг, где он познакомился с жизнью обитателей Шугнана и Рушана, а горцы Вахана и Ишкашима стали предметом его специального этнографического исследования. На титульном листе своей книги «Горцы верховьев Пянджа» он указывает, что «фототипические таблицы» изготовлены со снимков Н. В. Богоявленского, что, безусловно, подтверждает участие известного учёного-зоолога в его последней экспедиции на Памир. Однако в опубликованных трудах самого Бобринского сведений об этой поездке, о её продолжительности и о его спутниках нет, да и Богоявленский не написал о ней. Он вскоре после возвращения в Москву, в апреле 1902 г., предпринял четырёхмесячную поездку в арабские княжества Персидского залива для изучения фауны этого региона[8]; Семёнов в последней экспедиции не участвовал.

Об экспедиции 1898 г. мы имеем полное представление благодаря путевым заметкам и статьям участников экспедиции. Характер этой экспедиции, условия пребывания и трудности при осуществлении её задач дадут читателю представление и о двух других поездках.

Интересно, что в путевых заметках Семёнова и Богоявленского только в самом начале перечислены имена участников экспедиции, и больше ни слова не сказано о Бобринском: видимо, это была его просьба. Только в предисловии к одной из своих работ Семёнов написал «…глубоко благодарен Его Сиятельству, Графу Алексею Алексеевичу Бобринскому и очень тронут тем сердечным отношением, которое он всегда обнаруживал во

---

[6] **Всеволод Фёдорович Миллер** (1848—1913) – российский фольклорист, языковед, этнограф, археолог. Профессор Московского университета, академик Петербургской АН с 1911 г. С 1897 по 1911 гг. возглавлял Лазаревский институт восточных языков.

[7] **Александр Александрович Семёнов** (1873—1958) – историк-востоковед, этнограф, филолог, религиовед. Родился в селе Польное Конобеево Шацкого уезда Тамбовской губернии. Доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии наук Таджикистана, директор Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана. Был репрессирован, находился в заключении с 1931 по 1934 г. Подробнее о нём см.: *Акрамов Н. М., Литвинский Б. А.* Александр Александрович Семёнов. – М.: ИВЛ, 1971.

[8] *Горячкин Г. В., Кислова М. А.* Указ. соч.

время путешествия к своим спутникам, заставляя этим в пути забывать все невзгоды подчас тяжёлых троп и перевалов»[9]. Богоявленский закончил свои заметки следующими словами: «Путь наш был кончен, и, теперь мы испытываем желание снова посетить те же места, <…> дополнить упущенное и изучить новое; снова пережить те картины грандиозной природы, которые пришлось видеть, снова испытать всю прелесть жизни на лоне природы, где человек предоставлен только самому себе, где природа, то грандиозная и бурная, то тихая и спокойная, заставляет трепетать человеческое сердце, забывать о человеческой неурядице и наслаждаться тем вечно прекрасным, что лежит в не тронутой ещё человеком первозданной природе»[10].

Эти строки были написаны Богоявленским 1 января 1901 г., а несколько месяцев спустя он вновь присоединился к Бобринскому в его последней поездке на Памир.

Все книги и брошюры, отражавшие работу экспедиции, были изданы на средства графа Бобринского, оформлены скромно, но со вкусом. Изданные книги хранились на складе, на улице Малой Никитской, дом 20, недалеко от его московского дома.

А. А. Бобринской в 1900 г. по свежим следам двух среднеазиатских экспедиций издал свой труд «Орнамент Горных Таджиков Дарваза»: книгу-альбом или атлас, как её назвал В. В. Стасов, русский критик и искусствовед, большой знаток орнамента. 78-летний Стасов высоко оценил труд Бобринского и выступил в поддержку награждения его золотой медалью Императорского Русского Археологического общества. Стасов подчеркнул, что самая важная часть из собранной Бобринским коллекции в Средней Азии – это дарвазские вышивки и вязанье, ранее совершенно неизвестные в Европе и в России и потому имеющие для российской науки чрезвычайное важное значение. Особенно он отметил родство русского орнамента с орнаментом иранских племён, о котором российской науке было известно лишь по архитектурным памятникам. Многочисленные вышитые и вязаные предметы, собранные графом Бобринским, и изданная им книга об орнаменте таджиков Дарваза «богато восполняют существовавший до сих пор пробел и дают» возможность дальнейшего изучения этого рода художественного народного творчества. Орнамент таджикский вместе с русским, по мнению Стасова, является богатым по характеру и форме и по своему разнообразию. «Вот этот-то особенный, оригинальный стиль [горных таджиков. – *Д. Х.*], имеющий столько сходства и родства со стилем древнейших русских вышивок и вязаний, является теперь, <...> новым элементом для русской науки, русской этнографии, русского народоведения. Дело идёт <...> о разнообразных элементах и коренных влияниях, дей-

---

[9] *Семёнов А. А.* Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Грамматический очерк и памятники народного творчества. – Ч. 1. – М., 1900. – С. 4.

[10] *Богоявленский Н. В.*В верховьях р. Аму-Дарьи (Долины р. Хингоу и Ванджа) // Землеведение. – 1901. – Кн. 1–2. – С. 26.

ствовавших в древнейшие времена на образование состава и физиономии древней культурной Руси»[11].

Я впервые читал книги графа Бобринского о Памире в начале 1960-х, в студенческие годы, в «Ленинке» – главной библиотеке страны. Книги в каталогах значились под именем Алексея Александровича Бобринского, который приходится Алексею Алексеевичу троюродным братом. **Алексей Александрович Бобринской**[12], под именем которого оказались в каталогах и библиографиях книги Алексея Алексеевича, имел схожую с ним судьбу – за одним счастливым исключением, что у него, слава Богу, остались потомки. Он был известным археологом и замечательным человеком, а в плане общественно-политическом даже более известным из рода Бобринских своего времени, начала XX века.

Таким образом, долгие годы я был уверен, что археолог Бобринской и этнограф Бобринской – это одно и то же лицо. Видимо, и другие читатели, которые пользовались этой картотекой, думали так же. В книге об академике Семёнове сказано: «*возглавлял экспедицию известный археолог и этнограф Бобринский»,* а на сайте Российского посольства в Таджикистане отмечено, что Семёнов «*участвовал в экспедиции русского археолога и лингвиста А. А. Бобринского».*

Вскоре после окончания Института кинематографии я хотел снять документальный фильм о первых русских учёных, осваивавших Таджикистан, и прежде всего об экспедиции графа Бобринского. Многие годы я искал его потомков, родственников, и в 1968 г. встретился с Н. Н. Бобринским[13] в библиотеке Московского университета. Я объяснил мотивы своего интереса к Алексею *Александровичу*. В начале нашей встречи Николай Николаевич был несколько насторожен, но когда узнал предмет моего интереса и что речь идёт о кино, то очень обрадовался, сообщил, что потомки графа находятся во Франции и обещал помочь, в том числе предоставить фотографии из своего семейного архива для съёмок фильма. Четверть века спустя, в 1993 г. в Париже, в храме Святого Александра Невского, состоя-

---

[11] *Стасов В. В.* [Отзыв о книге А. А. Бобринского «Орнамент горных таджиков Дарваза»] // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. – СПб., 1902. – Т. XIV. – Вып. 1.

[12] Об археологе графе А. А. Бобринском писал И. Л. Тихонов. См: *Тихонов И. Л.* Последний председатель Императорской Археологической комиссии граф А. А. Бобринской // Невский археолого-историографический сборник: К 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – С. 95–117; *Бобринской А.А.* Граф Алексей Александрович Бобринской (1852—1927). Сын об отце / Подг. к публ., предисл. и примеч. И. Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. – Вып. 4. – СПб., 2003. – С. 479–532; *Тихонов И. Л.* Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог. Граф А. А. Бобринской // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. – Т. I. – СПб., 2002. – С. 72–88.

[13] Граф **Николай Николаевич Бобринский** (1927—2000) окончил географический факультет МГУ, много лет был геологом. С началом перестройки становится одним из основателей Российского дворянского собрания. Автор романа «Сын императрицы» о родоначальнике графов Бобринских – Алексее Григорьевиче (Журнал «Москва». – 1993. – № 8–9). Его отец **Николай Алексеевич Бобринский** (1890—1964), учёный- зоолог, преподавал зоологию позвоночных в МГУ, профессор (с 1934), автор многих книг и учебников по зоологии. На фронтах первой мировой войны проявил себя героем, заслужил два солдатских «Св. Георгия» и был произведён в офицеры, награждён Золотым Георгиевским оружием и дослужился до ротмистра.

лась моя встреча с отцом Борисом, внуком Алексея Александровича. Я ему стал рассказывать про экспедиции его деда в Среднюю Азию и про написанные им книги. Отец Борис пожимал плечами и, недоуменно глядя на меня, сказал, что он ничего про это не знает. Я же подумал, что внук, родившийся во Франции, мало знает о своём деде. Три года назад, в другой библиотеке, я взял брошюру «Секта Исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии» (М., 1902) и впервые обратил внимание, что на титульном листе указан *Гр. А-ей А-еевичъ Бобринской*. Я, увидев ***А-еевичъ***, понял, что ошибался долгие годы и что надо искать другого Бобринского; поиски привели меня к покойному А. М. Решетову, который любезно прислал мне свою статью об Алексее Алексеевиче Бобринском. Позвонил я и отцу Борису, извинился, что невольно ввёл его в заблуждение.

На днях я снова посмотрел те же карточки в той же главной, теперь уже Российской государственной библиотеке. Оказывается, на карточках изначально было напечатано имя Алексея Алексеевича, но где-то на зигзагах нашей относительно недавней истории кто-то из сотрудников старательно стёр ***еевича*** и так же аккуратно сверху надписал ***андровича.*** Так был стёрт последний след деятельности графа с лица его родной земли. Я не думаю, что работник библиотеки сделал это из злого умысла, скорее он или она решили, что при изготовлении карточек произошла ошибка, во всяком случае, так хочется думать. Тем более, что в двенадцатом номере журнала «Исторический вестник» за 1902 г., в указателе опубликованных в этом году статей, совершена та же ошибка: автором брошюры «Секта Исмаилья…» назван археолог Бобринской.

И, наконец, недавно я прочел в сети Интернет статью В. Л. Мельникова под названием «Н. К. Рерих и Санкт-Петербургская палеоэтнологическая школа», где автор статьи приводит слова Николая Константиновича Рериха: «28 октября 1916 г., в “Биржевых Ведомостях”, Рерих опубликовал восхищённую рецензию-отклик на издание графа А. А. Бобринского “Резной камень в России”[14], где, в частности, писал: “Знаю, что резной камень (так же, как и прежние выпуски дерева[15]) обратит на себя серьёзное внимание наших западных друзей. Никогда не встречал я гр. Бобринского, но хочется сказать ему спасибо за прекрасную мысль давать в большом формате листы. Не убивая чрезмерным текстом возможности показать красоту в полном обличье и в частях, интересно ограниченных. Такие изображения надо широко разбросать и в школах, и в толпе”»[16].

Светлое имя графа Алексея Алексеевича Бобринского медленно, но верно возвращается в Россию. Совершённые им бескорыстные добрые дела высветят его имя, имя действительно известного этнографа, настояще-

[14] Книга Алексея Алексеевича Бобринского «Резной камень в России» (М., 1916. – Вып. 1).

[15] *Бобринской А. А.* Народные русские деревянные изделия: Предметы домашнего хозяйства и отчасти церковного обихода. – М., 1911–1913.

[16] *Мельников В. Л.* Н. К. Рерих и Санкт-Петербургская палеоэтнологическая школа // Петербургский Рериховский сборник. – Вып I. – СПб.: Издательство Буковского, 1998. – С. 102–118.

го ценителя народного искусства и патриота русской культуры. Очень хочется, чтобы слова Николая Рериха: *«Такие изображения надо широко разбросать и в школах, и в толпе»* реализовались, чтобы преданная забвению душа Его Сиятельства, графа Алексея Алексеевича Бобринского, возвратилась будущим поколениям, как русским, так и таджикам, которым он отдал – не жалея сил и средств – часть своей жизни и любви.

Ю. С. ХУДЯКОВ
(Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирск)

Ю. Н. РЕРИХ О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ ХУННОВ И САРМАТОВ*

Значительный вклад в изучение истории кочевых народов Степного пояса Евразии внесли труды выдающегося российского учёного, востоковеда **Юрия Николаевича Рериха** (1902—1960). Особый интерес для современных исследователей истории иранских, тюркских и монгольских кочевников представляет его фундаментальный трёхтомный труд «История Средней Азии», изданный в течение последних лет Международным Центром Рерихов. В нём содержится подробное изложение важнейших исторических событий, в которых принимали участие древние и средневековые номады Евразийских степей и народы соседних с кочевым миром стран оседло-земледельческой цивилизации Дальнего и Среднего Востока, и Европы. Рассматриваемый научный труд представляет собой всеобъемлющее обобщающее сочинение по истории кочевых народов степного пояса Евразии, в котором собран и проанализирован необычайно широкий круг древних и средневековых письменных и археологических источников и специальной научной литературы на разных европейских и восточных языках по данной теме. Хотя книга была написана автором ещё в тридцатых годах XX в., она не утратила своей актуальности до настоящего времени.

Среди разнообразных проблем изучения кочевого мира, Ю. Н. Рерих уделил определённое внимание событиям военной истории, характеристике вооружения и военного искусства древних и средневековых номадов евразийских степей.

В одном из разделов этого сочинения, посвящённого изложению исторических событий периода образования и расцвета Хуннской державы в Центральной Азии, а также изучению сведений об эпохе Великого переселения азиатских кочевых народов, Ю. Н. Рерих высказал свои соображения по поводу этнической принадлежности некоторых древних кочевых этносов Центральной Азии. Он высказал мнение, что не только хунны, но и дунху, ухуани и сяньби, известные по китайским источникам, были тюркоязычными народами, юэчжей отождествлял с тохарами, а усуней – с ираноязычными «асо-аланами». Подобные отождествления соответство-

* Работа выполнена по плану НИР X.100.2.2. «Саяно-Алтайская горная страна в эпоху палеометалла и средневековье. Блок 2. Гуннская эпоха». – *Примеч. ред.*

Ю. Н. Рерих во время Центральноазиатской экспедиции. Джунгария. 1926

вали научным представлениям того времени. В настоящее время большая часть исследователей относит хуннов к прототюркским этносам, а народы «группы дунху», в том числе ухуаней и сяньби, к числу монголоязычных этносов. Современные учёные признают отождествление юэчжей с тохарами, а в отношении этнической принадлежности усуней высказываются различные мнения.

Согласно взглядам Ю. Н. Рериха, во время миграции вдоль Тянь-Шаня на запад тохары, к истории которых он обращался в нескольких своих работах, продвинулись с территории современного Восточного Туркестана в окрестности Иссык-Куля, где они столкнулись со «скифскими племенами» сайванами или сайчжунами, которых исследователь отождествлял с саками. Он полагал, что в рассматриваемый период Великого переселения народов иранские племена сарматов и аланов были «главной силой в степях Причерноморья и Закаспия». По мнению учёного, в ходе военных действий основной ударной силой войск этих племён была панцирная конница. Согласно приведённым в работе учёного сведениям, на вооружении у сарматских воинов были массивные тяжёлые пики и длинные прямые мечи. Сарматские тяжело вооружённые всадники защищали себя шлемами и панцирями и покрывали специальной панцирной защитой своих боевых коней. По мнению исследователя, сарматское вооружение и тактика боя

столь высоко ценились в древнем мире, что их восприняла и стала использовать кавалерия Римской империи. В составе римской армии в изучаемый период в качестве федератов и наёмных войск появились сарматские конные отряды.

Большой интерес для исследователей военной истории древних номадов Центральной Азии должны представлять взгляды Ю. Н. Рериха о военном деле хуннов в период возвышения Хуннской державы в Центральной Азии. По результатам изучения сведений ханьских летописных источников, Ю. Н. Рерих пришёл к заключению, что «вооружение хуннских воинов состояло из лука, пики и короткого меча», а для защиты ими использовались панцири. Он обратил внимание на то, что осенние облавные охоты у хуннов, также как и у других азиатских кочевников, использовались для подготовки войск к боевым действиям. Для кочевников они исполняли роль своего рода военных маневров. Исследователь проанализировал особенности военной организации в Хуннской державе. Он отметил деление хуннского войска на два крыла и отряды под командованием темников и тысячников. По мнению учёного, военное искусство хуннов определённым образом повлияло на древних китайцев империи Хань, которые для успешной борьбы с хуннами стали привлекать кочевников на военную службу в свои войска, формировать из них военные отряды, возглавляемые китайскими командирами. В дальнейшем, использование конных отрядов позволило китайским полководцам одержать решительные победы над хуннами. В процессе изучения хуннских древностей, Ю. Н. Рерих привлёк для анализа материалы археологических раскопок памятников хуннской культуры, раскопанных российскими учёными в Забайкалье и Монголии в первые десятилетия XX в.

Результаты изучения вооружения и военного искусства кочевых народов хуннского времени представляют несомненный интерес для современных исследователей и должны учитываться ими при реконструкции военного искусства номадов Евразийских степей.

С. Л. ШЕВЕЛЬЧИНСКАЯ
(Институт восточных рукописей РАН; Санкт-Петербург)

АЛЬБОМЫ ФОТОГРАФИЙ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ТУРФАНСКОГО ОАЗИСА В АРХИВЕ ВОСТОКОВЕДОВ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН

В Архиве востоковедов ИВР РАН хранятся три альбома фотоснимков, сделанных во время Первой Русской Туркестанской экспедиции 1909–1910 гг., которой руководил С. Ф. Ольденбург. Основной целью экспедиции было продолжение археологического изучения Восточного Туркестана, начатое Д. А. Клеменцем (Турфанская экспедиция, 1898 г.), и М. М. Березовским (Кучарский оазис, 1905–1906 гг.).

Экспедиция, организованная по инициативе Русского Комитета по изучению Средней и Восточной Азии, выехала из Петербурга 6 июня 1909 г., 22 июня прибыла в Чугучак, 29 июня отбыла в Урумчи, 4 августа участники экспедиции – Сергей Фёдорович Ольденбург, начальник экспедиции; Самуил Мартынович Дудин, фотограф и художник; Дмитрий Арсеньевич Смирнов, инженер-топограф; Босук Темирович Хохо, переводчик, конюх и повар – выехали из Урумчи через Токсун на Карашар.

Приступая к работе на местах, экспедиция сразу же столкнулась со следами деятельности предшественников, которые буквально опустошили край в археологическом отношении. Варварскому отношению к наследию великих культур Русский Комитет по изучению Средней и Восточной Азии противопоставил свой метод археологического исследования, предусматривающий, прежде всего, исчерпывающее изучение памятника на месте, его описание, обмеры, фотографирование, считая возможным вывозить только то, что в полевых условиях не могло сохраниться. Этими принципами и определялись характер и качество материалов, привезённых Первой Русской Туркестанской экспедицией.

К сожалению, итоги работы экспедиции были опубликованы только в «Кратком предварительном отчёте Русской Туркестанской экспедиции», изданном в 1914 г., а также в нескольких популярных статьях С. М. Дудина.

В дальнейшем предполагалось опубликовать подробное описание археологических объектов в том виде, в каком их обнаружила экспедиция, дать все их планы в большем масштабе и проиллюстрировать эти планы фотографиями С. М. Дудина. По разным причинам этот проект не был осуществлён.

По возвращении весной 1910 г. экспедиции на родину её материалы поступили в Музей антропологии и этнографии Академии наук, туда же попала большая часть документов экспедиции – дневники и записные книжки участников, планы, кальки, копии с росписей и множество фотографий.

Впоследствии археологические коллекции были переданы в Отдел Востока Государственного Эрмитажа, туда же попала и часть документов. Остальные документы были переданы в архивы Академии наук и Института востоковедения.

В настоящее время в Архиве востоковедов ИВР РАН хранятся следующие материалы, относящиеся к Первой Русской Туркестанской экспедиции: 3 альбома фотоснимков С. М. Дудина, 3 акварельные копии росписей из пещеры № 1 Шикшина, фрагменты картотеки фотоснимков, около 400 стеклянных диапозитивных фотопластинок, план-схема расположения древних курганов по дороге на Карашар.

Особый интерес представляют альбомы фотографий. Последовательность расположения фотоснимков совпадает с маршрутом экспедиции. Основные пункты работы обозначены карандашными записями, например: Ушак-тал (пещера), ущелье Курутка, урочище Безеклик, Старый Турфан. Отсутствуют подписи под каждой фотографией, но указаны номера,

дублирующие номер на самой фотографии. Например, номеру ТЭ 483 соответствует номер 483 рядом с фотографией. Сличение номера фотографии с соответствующей карточкой из картотеки фотоснимков даёт возможность восстановить дату, место сьёмки и данные фотоэкспозиции.

Введение в научный оборот альбомов, хранящихся в Архиве востоковедов ИВР РАН, сравнение их с картотеками, негативами Государственного Эрмитажа и дневниками Санкт-Петербургского филиала Архива РАН откроет новые перспективы в комплексном изучении Первой Туркестанской экспедиции, ставшей эталоном для учёных всего мира максимальной заботы о сохранности древних памятников.

В докладе будут продемонстрированы фотографии из трёх альбомов С. М. Дудина, хранящихся в Архиве востоковедов ИВР РАН.

Е. П. ЯКОВЛЕВА
(Государственный Русский музей, Российский государственный педагогический университета им. А. И. Герцена; Санкт-Петербург)

Н. К. РЕРИХ О ТРАНСАЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ФИРМЫ СИТРОЕН 1931–1932 ГОДОВ

В 1932 г. очерком «Экспедиция Ситроена»* Николай Константинович Рерих с присущей ему искренностью и эмоциональностью откликнулся на завершение трансазиатской автомобильной экспедиции, организованной французской фирмой Ситроен в 1931–1932 гг. «По себе знаем, насколько трудны такие пути и как нужно ценить каждую удачу в этих отважных достижениях», – писал художник. Отметив удачный и «разнообразный» подбор участников ситроеновской экспедиции, Рерих отдал должное и автомобилю как одному «из самых могучих средств сообщений» и «объединяющему предмету», служащему для «научно-художественно-культурных» изысканий.

По убеждению художника, «индустриальный фактор» имеет огромное значение для решаемых Культурой задач. Вместе с тем, «широкие горизонты Культуры <…> зовут нас ко всем современным открытиям и усовершенствованиям», – утверждал он. Приводя в качестве примера «коллективные экспедиционные задания» фирмы Ситроен, основанные «на открытиях сегодняшнего дня», Рерих заострил внимание на том, что Культура последних дней «в её индустриальных проявлениях» и «духовных поисках» «стремится к выражению истинной кооперации», что нашло отклик «в общем подъёме уровня мышления в смысле общенародного творчества во всех областях жизни».

Во имя Культуры и от лица Лиги Культуры художник благодарит «все предприятия, подобные просвещённым заданиям экспедиции Ситроена»,

* *Рерих Н. К.* Экспедиция Ситроена // *Рерих Н. К.* Твердыня Пламенная. – Париж: Всемирная Лига Культуры, [1932]. Все цитаты приведены по настоящему изданию.

«самих вдохновителей, строителей и сотрудников всех подобных предприятий, которые самоотверженными трудами шевелят человеческое мышление и, конечно, возводят его на новую ступень». «Не будем жалеть, что поэтический верблюжий караван уступает своё место мотору, аэроплану, железным путям. Не будем огорчаться, что “длинное ухо” Азии передаёт свои возможности телеграфу и радио. Но будем думать, что все эти усовершенствования уживутся не только с цивилизацией, но и войдут благостно в Культуру, не обесценивая никаких духовных ценностей», – писал Рерих. И народные предания, и многовековая традиция «в новом свете исследований» дадут «новые блестящие возможности», а «каждый шаг кооперации и объединения будет означать движение к истинному просвещению». Эти размышления Рериха порождены «коллективными трудами последних экспедиций» и, в частности, второй после трансафриканской (1924–1925) масштабной трансазиатской экспедицией автомобилестроительной фирмы Ситроен.

В докладе конкретизируется информация об этой экспедиции, уточняются её маршрут, сроки, цель и результаты, раскрываются имена упомянутых в очерке участников, особое внимание уделяется одному из них – высоко ценимому Рерихом русскому живописцу и графику, петербуржцу, выпускнику Высшего художественного училища Императорской Академии художеств **Александру Евгеньевичу Яковлеву** (1887—1938).

М. С.-Г. АЛБОГАЧИЕВА
*(Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Санкт-Петербург)*

ПЕТЕРБУРГ В ЖИЗНИ ИНГУШЕЙ

Санкт-Петербург со дня своего основания является одним из самых многонациональных городов России, являя собой островок вольнодумства и демократии, сосредоточив в себе все передовые идеи мировой культуры.

Первые сведения об ингушах на берегах Невы, появляются в начале XIX в., в этот период Санкт-Петербург становится необычайно популярным и привлекательным для свободолюбивых кавказцев. Именно здесь, в городе колыбели революции, получили образование и сделали блестящую карьеру первые ингушские просветители и общественные деятели, видевшие в своих связях с Россией основной путь к цивилизации, всей своей жизнью стремившиеся приобщить народ к русской и европейской культурам. С этим городом связаны судьбы ярких и выдающихся личностей того времени, таких, как Татре Долтмурзиевич Албогачиев – участник Русско-турецкой войны, старший берейтор Императорского двора, член Комитета мусульман Санкт-Петербурга, выборный от ингушского народа, представлявший интересы ингушей в Санкт-Петербурге; Висан-Гирей Ижиевич Джабагиев – служащий Департамента государственных земельных имуществ, председатель Комитета по просвещению мусульман Санкт-Петербурга, яркий и талантливый публицист; Магомед Кутиевич Куркиев – блестящий арабист, поэт, учившийся в Петербургском Институте живых восточных языков, ученик И. Ю. Крачковского; Адиль-Гирей Олмазович Долгиев – видный общественный деятель и учёный, участник студенческих волнений, узник Петропавловской крепости; Берд Аржбариевич Евлоев – чемпион Европы и Мира, участник штурма Зимнего дворца, политический комиссар по формированию национальных отрядов из кавказских народов для Красной Армии; Эглау Чабиев – служащий канцелярии министра путей сообщения, участник революционного движения; Гази-Магомед Албастович Даурбеков – живописец, график, закончивший Институт пролетарского изобразительного искусства в Ленинграде, ученик К. С. Петрова-Водкина, А. А. Рылова, В. Е. Савинского.

В период Великой Отечественной войны, повлекший за собой тяжёлые испытания для всего народа, отважные сыны и дочери ингушского народа участвовали в обороне блокадного Ленинграда и защищали подступы к нему от фашистов. Среди них Ахмед Изнаурович Албаков, Руслан Борисович Гудантов, Тамара Исмаиловна Албогачиева, Осман Хадисович Досхоев, Магомет Ридиевич Дзауров, Илья Сатоевич Дидигов, Томат Муниевич Ке-

лигов, Багаудин Бей-Султанович Накастхоев, Осман Артоганович Матиев, Асият Идрисовна Тутаева, Хасан Магомедович Чахкиев и многие другие.

После войны и депортации Петербург, как и прежде, протянул руку дружбы и помощи возрождающемуся после тяжёлых испытаний на своей исконной родине ингушскому народу. На учёбу в Ленинградский государственный институт театра, музыки и кинематографии, на целевые места, выделенные Ингушетии, приехали первые студенты Суламбек Саадулович Катиев, Магомед Ахмедович Дакиев, Магомед Мухтарович Цицкиев, Суламбек Ахмедович Мамилов. Учёба талантливой ингушской молодёжи была организована для создания при Чечено-Ингушском Драматическом театре Ингушской труппы. С 1957 г. и поныне в городе на Неве учатся и работают многие представители ингушской национальности.

С 1998 г. в городе действует Ингушский культурный центр, принимающий активное участие в культурной жизни Санкт-Петербурга.

Н. М. ЕМЕЛЬЯНОВА
(Российский институт культурологии, Международное абазино-абхазское культурно-просветительское объединение «Алашара»; Москва)

Н. К. РЕРИХ И КАВКАЗ: К ВОПРОСУ О СОХРАННОСТИ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАВКАЗА

В творчестве семьи Рерихов тема горных регионов занимает особое место. Гималаи, Гиндукуш, Горный Алтай: проведённые уникальные экспедиции, сбор и глубокий анализ полученных данных (изучение природных объектов, этнологических, лингвистических особенностей коренных народов) дали много идей, в том числе и по формированию коллекций и определению направлений деятельности Гималайского исследовательского института «Урусвати» (1928–1942).

В ряду горных экспедиций Кавказу, на наш взгляд, было уготовано особое место – с 1913 г. «горная» тема стала неотъемлемой частью творчества семьи Рерихов. Тема горных регионов как мест сосредоточия особой, реликтовой культуры чрезвычайно важна и сегодня, спустя 100 лет после поездки Н. К. Рериха в район Кавказских Минеральных Вод и территории аланского городища, расположенного на территории современной Карачаево-Черкесии (Малокарачаевский район, Рим-гора).

Тема Северного Кавказа на сегодняшний день начинает звучать всё громче. Северный Кавказ рассматривается с позиций его политического значения в жизни нашего общества. В то же время культурная составляющая социо-политических явлений порою отодвигается на дальний план.

Какова современная жизнь в горных сёлах? С какими проблемами сталкивается здесь население? Какова история заселения этих мест? Какие тайны хранят языки Кавказа и самобытная культура его многочисленных народов?

В своём докладе мне хотелось бы сделать обзорный анализ истории данного места на момент приезда Н. К. Рериха в район Кавказских Минеральных Вод и Рим-горы, а затем рассмотреть степень сохранности данных объектов культурного и природного наследия как ландшафтной среды обитания коренных народов Кавказа.

Семья Рерихов рассматривала горные регионы как уникальные места концентрации чистой энергии. Таковыми они остаются и на сегодняшний день – в случае если человек не меняет ландшафтную среду своего обитания.

Г. М.-О. МАСИМОВ
(Санкт-Петербургское объединение «Мир Добра»,
Российский межрегиональный Союз писателей; Санкт-Петербург)

Н. К. РЕРИХ И КАВКАЗСКАЯ КУЛЬТУРА

Весь XX век был озарён многоплановой культурной деятельностью великого русского художника, учёного, мыслителя, писателя, путешественника и общественного деятеля Николая Константиновича Рериха.

Как известно, Рерих, обладая непреклонной волей северянина, культурой, вкусами западника, боготворил Восток, его созерцательная душа была близка Востоку.

Особое значение в его размышлениях уделялось и Кавказу, включая Закавказье. Его, в частности, привлекало наследие зороастризма. Этой теме он посвятил свою знаменитую картину *«Зороастр»* (1931).

В своём очерке «Русь – Индия» 29 марта 1944 г. он писал: «…в Баку с древних времён был храм Вечного огня, при котором всегда жили индийские садху. Это был храм большого огня, а такой же малого огня был и доселе существует здесь, в Кангре. Значит, с давних пор были какие-то связи»[1].

Николай Рерих отмечал, что энергетика этих связей послужила распространению поклонения Огню, почитания его в качестве Божественной силы. Вследствие этого на Апшеронском полуострове (азерб. Abşeron yarımadası) были построены храмы огнепоклонников.

Византийский автор I пол. V в. Приск Панийский, описывая путь, ведущий из Скифии в Мидию, сообщает о «пышущем из морского камня пламени» близ Баку. Это первое хронологическое указание на огни близ Баку.

Николая Рериха в его обращении к Кавказу поразил Храм Огня Атешгях в Сураханах (местечко, находящееся в 30 км от Баку).

Видный азербайджанский историк, доктор исторических наук Сара Балабек кызы Ашурбейли об Атешгяхе отмечает, что слово «Атеш» означает огонь, а выражение «Атеш – Багуан» то же, что и «огни Багуана», то есть огни Баку.

---

[1] *Рерих Н. К.* Зажигайте сердца / Вступ. ст., предисл. к главам и примеч. А. Д. Алёхина – 3-е изд., переработ. – М.: Молодая гвардия, 1990. – Глава шестая. Звучание народов.

Николай Рерих в своих книгах не раз высказывался о духовном наследии пророка древних иранцев, основателе зороастризма Учителе Зороастре, время жизни которого в разных исследованиях варьируется в пределах XII–VI вв. до н. э. Сочинённые им молитвы впоследствии вошли в Авесту. Он был одним из первых, кто учил, что в мире есть Добро и Зло, что спасение каждого зависит от совокупности мыслей, слов и дел и что каждый человек должен держать ответ за судьбу собственной души и разделять общую ответственность за судьбы мира.

Храм огнепоклонников Атешгях в разное время являлся святилищем зороастрийцев, индуистов и сикхов.

О трагической судьбе этого храма в недавнем прошлом – об акте непростительного вандализма – в 1879 г. писала ещё Елена Петровна Блаватская:

> «Немногие способны оценить истинную красоту и эстетику, ещё меньше тех, кто может по достоинству оценить монументальные реликвии прошлого – живых свидетелей того, что даже в древнейшие эпохи человечество поклонялось Высшей Силе и человек стремился запечатлеть абстрактные идеи в творениях, которым суждено было пережить века. Вандалы – будь то славянские венды или какое-то германское племя – всегда приходили с Севера. Недавний случай заставляет нас пожалеть о том, что Юстианин не разрушил все реликвии прошлого, так как выясняется, что и поныне живут на Севере потомки этих страшных вандалов, разрушающих памятники старины – русские купцы, которые только что совершили акт непростительного вандализма. Русские газеты пишут, что московский миллионер Кокорев и его тифлисский напарник, армянский крез Мирзоев, оскверняют и разрушают старейшую святыню зороастризма – “Аттеш-Гаг”, что в Баку.
>
> Очень мало кто из иностранцев и возможно столь же мало среди русских знают что-либо об этой святыне огнепоклонников возле Каспийского моря. В 20 верстах от небольшого городка Баку, в долине Апшерона, в Русской Грузии, среди выжженной и бесплодной Каспийской степи стоит – Господи! – стояло всего четыре месяца назад – странное сооружение, нечто среднее между средневековым храмом и укреплённым замком. Когда и кто его построил, никому не известно. На участке площадью в одну квадратную милю, известном как “Огненное поле”, где стоит это сооружение, если копнуть песчаную землю на 2–3 дюйма и поднести к тому месту зажжённую спичку, то из него как из фонтана брызнет вверх струя огня. “Храм гебров”, как это сооружение иногда называют, был вырезан из цельного куска скалы. Он представлял собой огромный квадрат, обнесённый зубчатыми стенами. Посередине, опираясь на массивные колонны, стояла высокая башня. Эти колонны своим основанием уходили в скальные породы, а наверху на них были вырезаны зубчатые амбразуры. Это были своего рода трубы, по которым горючий газ, скопившийся в центре материнской породы, посто-

янно поднимался наверх. На протяжении веков башня была святыней огнепоклонников, её символическое изображение – трезубец, называвшийся тирсут. С лицевой стороны её внешней стены были высечены кельи, числом около двадцати, в которых многие поколения жили зороастрийские отшельники. Под руководством высшего мобеда здесь, в тиши, под сводами уединенных келий, они изучали Авесту, Вендидад и Яшну, особенно, кажется, последнюю, поскольку скалистые стены их келий испещрены многочисленными цитатами из священных гимнов. Под башней-алтарём висели три огромных колокола. Легенда рассказывает, что их создал чудесным образом один святой скиталец в X веке, во время мусульманского преследования, чтобы своевременно оповещать верующих о приближающемся враге. Всего несколько недель назад на высокой башне-алтаре всё ещё горел огонь, который, как гласит предание, зажгли 30 веков назад. У горизонтальных отверстий четырёх полых колонн неугасимо горели четыре огня, бесперебойно обеспечиваемые из неисчерпаемого подземного резервуара»[2].

И далее описывается, как из-за добычи нефти в этих местах происходило непростительное разрушение храмового комплекса Атешгях.

Последнее возрождение Атешгяха началось в XVII в., когда торговцы из Индии, потомки древних зороастрийцев, когда-то бежавших от преследований арабских завоевателей, с караванами попали на Апшеронский полуостров. Поражённые увиденным, они рассказали о горящей земле у себя на Родине, и в Азербайджан потянулись паломники. Торговцы оставляли здесь щедрые пожертвования, а некоторые купцы становились монахами-мобедами и оставались в Сураханах навсегда. У древнего святилища начали появляться новые постройки. Самая ранняя из сохранившихся новых построек относится к 1713 г. С созданием центрального храма-алтаря с неугасимыми очагами в 1810 г. Атешгях приобрёл вид, частично сохранившийся до наших дней.

Известно, что в Атешгяхе побывали, кроме Николая Рериха, композитор Пётр Чайковский, химик Дмитрий Менделеев, художник Василий Верещагин.

* * *

В последние три столетия Кавказский регион неразрывно связан с Россией – территориально, культурно, духовно.

Определяя особое значение Кавказа для России как великой Евразийской державы, Николай Рерих воспринимал Кавказ как единое культурное пространство. Именно в пространстве Культуры вёл Николай Рерих поиск смысла жизни – в России, на Западе и на Востоке.

---

[2] *Блаватская Е. П.* Персидский зороастризм и русский вандализм // Теософист. – 1879. – Октябрь. Цит. по изд.: *Блаватская Е. П.* Статьи. – М.: Сфера, 1996. – Серия «Белый Лотос». – Вып. 1. В поисках оккультизма (1874–1880).

На протяжении своей истории Кавказ не раз был свидетелем миграции и перемещения народов. Во время этих процессов происходило смешение народов, исчезали границы, что обусловило создание уникальной многонациональной кавказской культуры.

Очень часто общее прошлое становится источником раздора и конфликтов, но задача конференций, подобным конференции «Рериховское наследие», – показать другую параллель, где общее наследие становится основой для сотрудничества.

Ни для кого не секрет, что в нашей стране и, в частности, в городе на Неве существуют и требуют безотлагательного решения проблемы межнациональных отношений. Беспокоит положение дел в молодёжной среде, возмущают участившиеся случаи проявления экстремизма и ксенофобии со стороны радикальных группировок. А ведь ещё не так давно в Санкт-Петербурге, жители которого всегда славились своей высокой культурой, вполне мирно существовали люди разных национальностей и вероисповедания. Настал момент межнационального диалога и формирования российской гражданской идентичности.

В Санкт-Петербурге и Ленинградской области немало азербайджанцев, живущих заботами и чаяниями нашего региона России, повышающих его экономический и научный потенциал, вносящих посильный вклад в развитие культуры и искусства Северной столицы России, в её благоустройство. В качестве примера можно привести изготовление и установку памятника «Дети войны» недалеко от Пискарёвского мемориального кладбища, спасение центра городской книготорговли «Санкт-Петербургский Дом книги» (долги фирмы были погашены азербайджанским меценатом Вагифом Имамовичем Мамишевым), помощь в реставрации Морского Собора Святителя Николая Чудотворца в Кронштадте и т. п.

Наши дети участвуют в различных городских мероприятиях: фестивалях, смотрах-конкурсах, выставках народного творчества. Всё лето в залах Библиотеки им. М. Ю. Лермонтова функционировала выставка «Архитектура Санкт-Петербурга глазами азербайджанских детей».

Уважение, понимание и признание самобытности другой национальной культуры и вероисповедания – это те фундаментальные ценности, на которые мы, азербайджанские россияне, опираемся в нашей жизни, живя в Санкт-Петербурге. В заключение приведу из замечательных заветов Николая Константиновича Рериха следующее:

> «Любите Родину. Любите русский народ. Любите все народы на всех необъятностях нашей Родины. Пусть эта любовь научит полюбить и всё человечество. Чтобы полюбить Родину, надо познать её. Пусть познавание чужих стран приведёт к Родине, ко всем её несказуемым сокровищам. Русскому народу, всем народам, которые с ним, даны дары необычайные»[3].

[3] *Рерих Н. К.* Завет. – Гималаи. – 24 октября 1939 // *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 197.

К. И. НОВОСЕЛЬСКИЙ
(Русское Географическое общество; Москва)
П. А. ЗОЛОТАЙ
(Анапское отделение ВООПИиК; Анапа)
М. В. ЮРКЕВИЧ
(Московский государственный гуманитарный университет; Анапа)

«РЕРИХОВСКИЙ СЛЕД» НА КАРТЕ ДРЕВНОСТЕЙ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Как известно, Н. К. Рерих в своём творчестве значительное внимание уделял истории Древней Руси. В географическом аспекте преобладают сюжеты из прошлого северного, центрального и отчасти западного ареалов расселения славян. Менее известны полотна Николая Константиновича, посвящённые южной, причерноморской Руси.

Вместе с тем, «Таманский регион» сыграл без преувеличения выдающуюся роль в отечественной и мировой истории. Здесь располагались столицы: азиатской части Боспорского царства, Хазарского и Болгарского каганатов и первого русского *Тмутороканского* княжества (знаменитый свидетель – «*Тмутороканский камень*» – хранится в Санкт-Петербурге, в Государственном Эрмитаже). Здесь проплывали легендарные аргонавты и жил Ахилл. Исторические и археологические источники свидетельствуют, что примерно 14 веков назад на Таманском полуострове возник и существовал портовый город-крепость *Росия*, населённый «русами». По одной из версий, Никон Великий основал первый на территории современной России монастырь. В свете нового понимания происхождения Руси, становятся ясны и корни древней славянской мифологии: по одной из гипотез, здесь зародились мифы древнего Лукоморья и Синедона (Синдики).

И вполне естественно, что определённые «фокусные точки» этой, во многом ещё сокрытой от исследователей и любознательной публики территории привлекали внимание художника, археолога и философа Н. К. Рериха в разные периоды его жизни. Это такие работы, как: сюита *«Царь Салтан»* (в том числе *«Ворота Тмутаракани»*, *«Тмутаракань»*, 1919), *«Баян»* из *«Богатырского фриза»* (1909, ГРМ), *«Красные паруса. Поход Владимира на Корсунь»* (1900, ГТГ) и *«Единоборство Мстислава с Редедей»* (1943, ГРМ).

В настоящее время в городе-курорте Анапе работает группа энтузиастов – историков и искусствоведов, инициаторов проекта «Древности Черноморья», который включает в себя карту-путеводитель (содержащую более 100 уникальных объектов наследия, охватывающих историю более чем 5 тыс. лет и достаточно компактно расположенных на территории около 5 тыс. кв. км) – как целостную визуализацию исторического образа региона, шаг к его историко-культурному и художественному продвижению, к раскрытию потенциала познавательного, интеллектуального туризма на Юге России (см. *http://www.древностиюга.рф*).

Есть предложение по увековечению на местности изображённых Рерихом событий истории «Причерноморской Руси» и о включении этих объектов в международный туристический маршрут. Историческая достоверность и «глубинный взгляд», характерные для работ Рериха, могут реально помочь в ходе предстоящей проектной и реконструктивной деятельности.

Н. А. РАХИМОВА
(Азербайджанский Национальный музей искусств; Баку)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – БАКУ – АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВ. К ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Культурные связи России и Азербайджана исчисляются веками. Азербайджанский Национальный музей искусств обладает богатой и интересной коллекцией, которая собиралась на протяжении многих лет. Здесь хранятся жемчужины мирового искусства, в коллекцию входят произведения искусства не только азербайджанских, но и западноевропейских и русских художников.

Основа музея была заложена в двадцатых годах XX в., когда он входил в состав Азербайджанского Государственного музея, но к 1936 г. отделы музея по искусству были настолько многочисленны, что Совнарком Республики принял решение о создании самостоятельного Государственного музея искусств, который с тех пор является единственным музеем художественного профиля в стране.

Коллекция музея пополнялись за счёт конфискации имущества азербайджанских и зарубежных нефтепромышленников. Впоследствии сюда стали поступать произведения искусства из Музейного фонда Москвы и Ленинграда, из Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, из Государственной Третьяковской галереи, Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

В настоящее время коллекция музея насчитывает свыше 17 тыс. единиц хранения, которые хранятся в шести фондах – живопись, графика, скульптура, вышивка – ковры, фарфор и металл.

Тезис 1. Здания Азербайджанского Национального музея искусств как историко-архитектурные памятники, исторически связанные с Петербургом.

Тезис 2. 400-летие Дома Романовых в музее. Портреты Романовых (работы европейских и русских художников); образцы посуды из фарфора и стекла с инициалами императоров и императриц на клеймах, с вензелями членов Царской семьи, изготовленных на Императорских Фарфоровом и Стекольном заводах; образцы Ленинградского (бывшего Императорского) Фарфорового завода им. М. В. Ломоносова.

Тезис 3. Русские художники-петербуржцы в коллекции музея: Карл Брюллов, Иван Шишкин, Архип Куинджи, Лев Лагорио, Николай Рерих, Константин Маковский и другие.

Тезис 4. Азербайджанские художники, получившие образование в Петербурге – Ленинграде, в коллекции музея.

Тезис 5. Деятели культуры Азербайджана, получившие образование в Петербурге, внесшие вклад в развитие музыки и искусствоведения, в частности, музееведения в стране. Узеир Гаджибеков – классик азербайджанской музыкальной культуры. Мурсал Наджафов, Нуреддин Габибов, Расим Эфендиев.

Тезис 6. Культурные учреждения Петербурга, хранящие шедевры азербайджанского искусства: Государственный Эрмитаж, Российская национальная библиотека. В последнем месте сохраняются произведения Низами, а также экземпляр книги Наримана Нариманова «Надир-шах» (1899) с обращением автора к императору Николаю II о разрешении на постановку.

М. А. СЕМЁНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ
(Санкт-Петербург)

ВОСПОМИНАНИЯ А. М. СЕМЁНОВОЙ-ТЯН-ШАНСКОЙ О НИКОЛАЕ АДОЛЬФОВИЧЕ И ЕЛИЗАВЕТЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ БУШ

Представленная на XIII конференции «Рериховское наследие» глава из воспоминаний геоботаника, доктора биологических наук **Анастасии Михайловны Семёновой-Тян-Шанской** (1913—1992) интересно и ярко иллюстрирует работу российских учёных в Южной Осетии в 1930-х гг., их сотрудничество с учёными Кавказа, а также взаимоотношения с местными жителями.

Анастасия Михайловна – дочь географа и статистика Михаила Дмитриевича Семёнова-Тян-Шанского и правнучка знаменитого географа и государственного деятеля П. П. Семёнова-Тян-Шанского. В семье Семёновых традиционным было увлечение естественными науками, но из-за дворянского происхождения в Ленинградский университет на биолого-почвенное отделение её не приняли. Начав работу препаратором в Отделе геоботаники Ботанического института АН СССР, Анастасия Михайловна поступила на заочное отделение биофака. В 1939 г. Анастасия Михайловна поступила в заочную аспирантуру и 26 декабря 1941 г. в блокадном Ленинграде защитила кандидатскую диссертацию. В начале 1942 г. она была эвакуирована из Ленинграда по «Дороге жизни»; в 1942–1944 гг. работала в Институте географии АН СССР над составлением карт проходимости для нужд фронта. После войны Анастасия Михайловна продолжала работать в Ботаническом институте, занималась составлением геоботанических и ландшафтных карт, вела полевые работы в Ленинградской области, в Деркульском стационаре в Белгородской области и в Курском Центрально-чернозёмном заповеднике. В 1967 г. она защитила докторскую диссертацию. Последние годы жизни активно сотрудничала в Ленинградском отделении Общества охраны природы.

Свои записки Анастасия Михайловна писала в последние годы жизни, она стремилась сохранить благодарную память о людях, встреченных на жизненном пути – родных, друзьях, коллегах и сослуживцах. Одна из ярких глав воспоминаний посвящена экспедициям в Южную Осетию в 1936 и 1937 гг. и работе с крупнейшими специалистами по флоре Кавказа Николаем Адольфовичем Бушем и его женой Елизаветой Александровной. Полевая работа проходила на горно-луговом стационаре в горах Южной Осетии. Будучи в то время молоденькой студенткой, Анастасия Михайловна всем интересовалась и буквально впитывала всё новое и интересное. Очень многому и в научном, и в человеческом плане она научилась у Бушей с их огромным опытом исследовательской работы в горах. Ярко охарактеризованы их внешность, привычки, сильные и слабые стороны характеров. Рассказывает она о медицинской помощи, которую оказывала Елизавета Александровна местным жителям. Запоминается и этнографически точно зафиксированный обряд примирения кровников, положивший конец трагической вражде двух семей, и та важная роль, которую в этом сыграл профессор Буш. С юмором описаны и разные непростые ситуации, которые возникали во взаимоотношениях членов экспедиции и местных жителей горцев.

Д. В. ДЕЛЮКИН
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ОБ ОДНОЙ ЮБИЛЕЙНОЙ ФОТОГРАФИИ. ПОСЛЕСЛОВИЕ ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ

21 февраля 1913 г. в честь празднования 300-летия Дома Романовых в петербургском дацане состоялся праздничный молебен о здравии и благоденствии императора и всего Царствующего Дома. Среди гостей были главный лама Забайкальской области Бандида Хамбо-лама Даши Доржи Итегелов и полномочный посланник Монгольского правительства князь Дайтцин-ван Ханда Дорчжи, приехавшие в Петербург специально для участия в вышеупомянутых торжествах, а также известный русский путешественник П. К. Козлов с супругой. В десять утра именитые гости, вместе с членами Комитета по строительству храма и сформировавшейся на тот момент буддийской общиной при храме во главе с настоятелем Агваном Доржиевым собрались для торжественного богослужения. Так совпало, что это было первое в истории храма богослужение после окончания строительства, хотя отделочные работы в центральном зале были ещё не до конца оформлены. Поэтому алтарь установили в вестибюле. На стенах вокруг алтаря висели портреты императорской четы и наследника престола, царевича Алексея. Портал храма украсили российским триколором и флагами Тибета, а в пространстве портика установили статую Будды и рядом ещё одну, в царском одеянии. Перед Буддой поставили фонарь в золотом обрамлении с зажжённой свечой внутри, вокруг которой располагались семь курильниц на столиках. После церемонии гости и участники молебна сфотографировались на память.

21 февраля 1913 г. в дацане Гунзэчойнэй

Эта фотография стала определённой вехой в развитии совместного духовного сосуществования буддизма и православия. Ламаисты Российской империи на тот момент уже традиционно почитали Николая II воплощением Белой Тары (Цаган-Дара Эхе), и тот факт, что богослужение проходило в столице Белого Царя придавало этому событию исключительное значение. Такой ситуации предшествовало немало событий, произошедших не только в России, но и на Востоке. Лхасу в начале века покидает Далай-Лама XIII, вынужденный перебраться в Ургу. Там его посещает несколько раз Агван Доржиев. Будучи доверенным лицом Далай-Ламы и связующим звеном

между Русским и Тибетским правительствами, Доржиев сумел создать вокруг Далай-Ламы прорусскую группировку, которая во многом определила на долгие годы характер тибетской внешней политики. Ещё в 1905 г. Доржиев узнаёт от Далай-Ламы, что тот хотел бы поселиться в России, что привело в замешательство дипломатическое ведомство России. Об этом свидетельствует и известный востоковед Ф. И. Щербатской, получивший у Далай-Ламы в Урге несколько аудиенций. Весной 1908 г. Агван Доржиев лично подаёт прошение от Далай-Ламы в Министерство иностранных дел Российской империи о постройке в Петербурге буддийской молельни. К этой просьбе высшие чины государства, в том числе и первый министр П. А. Столыпин отнеслись с большим сочувствием и пониманием. Поддержал идею и сам император.

В начале 1909 г. Николай II лично принимает Агвана Доржиева и заверяет его о своём полном согласии на постройку. «Буддисты в России могут чувствовать себя как под крылом могучего орла», – сказал император. О положении буддистов в России он знал не понаслышке. Сказывалось знакомство императорской фамилии с доктором тибетской медицины П. А. Бадмаевым, который впоследствии, когда нависла угроза приостановки строительства из-за нехватки средств, внёс в казну строительства большое пожертвование. Ещё в 1890-е гг. известный врач, несмотря на то, что уже давно принял православие, не раз выдвигал на обсуждение в правительствах Александра III и Николая II идею об объединении на культурно-экономической основе народов трёх государств: России, Монголии и Тибета.

Реализоваться подобным планам стало возможным лишь тогда, когда сами буддисты Востока открыто заговорили о воплощении последнего царя России, и о том, что таинственная Северная Шамбала находится в пределах могущественной России. Немало споров у ламаистов вызвал и тот факт, что царевич Алексей несколько раз во время обряда крещения впадал в обморок. Далай-лама увидел в этом знак подтверждения влияния буддизма на «правителей Севера», а наследнику он предрёк стать «будущим просветителем иноверцев». И вот, спустя 4 года, пройдя через многие трудности, буддийской общине удалось добиться окончания строительства.

За свое недолгое существование под короной Российской империи буддийский храм по-своему определил дальнейшую судьбу своих покровителей. Интересно, что о славе троих из них можно говорить как о закономерном явлении в духовном восхождении и обретении – как принято называть – *Царствия Небесного*. Русской православной церковью последний император России Николай II причислен к лику Святых. Агван Доржиев умер в застенках НКВД от остановки сердца в январе 1938 г. Буддистам Забайкалья не надо было долго объяснять, что происходит, когда лама в медитации достигает Нирваны. Случилось это в Улан-Уде, куда приехал Доржиев из Ленинграда, недалеко от того места, где покоились и были обретены в конце 1990-х нетленные мощи святейшего Бандида Хамбо-ламы Даши Доржи Итегелова, ставшие священными для буддистов всего мира. И

многие, многие другие, кто был причастен к постройке храма, в том числе Н. К. Рерих, вписали свои имена в почётный список деятелей Мировой Культуры прошлого столетия.

М. В. ДЕРЕВЦОВА
(Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения; Выборг)

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КИНЕМАТОГРАФА В РОССИИ
(Вспоминая Царскую семью и Н. К. Рериха)

С момента прихода кинематографа (синематографа) в Россию в мае 1896 г., интерес зрителя к нему неуклонно растёт, а процесс кинопроизводства набирает обороты: в 1907–1916 гг. было снято около 2500 фильмов. Первые российские кинофильмы (фильмы-репортажи) были связаны с Царской семьёй, которая великодушно позволяла вести кинохронику своей монаршей жизни. Во время правления Николая II по всей стране открывались кинотеатры (более 1200), а затем и студии по производству кинофильмов (Александр Дранков, Александр Ханжонков и др.). С 1907 г. начал выходить журнал «Кино», появляются и другие печатные издания, посвящённые новому виду искусства. С 1908 г. правительство ввело цензуру на показ кинофильмов. В 1912 г. в России появился первый в мире сюжетный мультфильм, снятый Владиславом Старевичем, мастером спецэффектов и объёмной анимации в игровом кино. Развивается производство компанией Александра Ханжонкова художественных и просветительских фильмов (научных, этнографических). Растёт кинооператорское мастерство. Появляются первые российские звёзды немого кино – Вера Холодная и Владислав Мозжухин. В период царствования последнего российского императора Николая II для развития кинематографа, включая и предпринимателей в области киноиндустрии, создавались самые благоприятные условия, особенно с 1913 г. на фоне общего подъёма российской экономики. Были сделаны важнейшие технические изобретения, и сформировалась своя, эндемичная школа режиссуры, кинооператорского мастерства, актёрской игры и анимации.

Гениальные творческие эксперименты российских учёных привели к созданию телевидения. По признанию американцев, телевидение было основано тремя людьми: Владимиром Зворыкиным, Давидом Сарновым и Уильямом Пейли. Все трое выходцы из Российской империи. В силу обстоятельств, довести до воплощения свои идеи им удалось только в США. Как здесь не вспомнить и россиянина Н. К. Рериха, добившегося подписания своего знаменитого Пакта Культуры тоже в лишь США. У истоков многих американских проектов находились русские эмигранты. Хорошее образование, полученное на родине в царское время и возможность учиться у лучших профессоров и мастеров своего времени помогли Николаю Рериху,

Владимиру Зворыкину и Давиду Сарнову совершить давно задуманное и внести вклад в мировую культуру, который трудно переоценить.

В годы Советской власти было предпринято несколько попыток документальной экранизации жизни великого русского художника, ученика А. И. Куинджи, учёного, исследователя Н. К. Рериха. Фильм режиссёра Якова Меримова «Художник Николай Рерих» (1958) рассказывает о полотнах художника, созданных в разные периоды жизни. Очевидно, он был снят по инициативе старшего сына художника Ю. Н. Рериха. Документальный фильм режиссёра Роллана Сергиенко «Николай Рерих» (1976) повествует о жизни мастера и его семьи, об экспедициях и поездках в разные страны (в том числе на выставку в США), о принятии Пакта о защите памятников культуры в период войн, об огромном человеческом, духовном и художественном вкладе Рерихов в историю и культуру нашей страны. В съёмках последнего фильма принимали участие С. Н. Рерих и его супруга Девика Рани Рерих. Также они участвовали и в съёмках третьего известного советского фильма «Рерих» режиссёра Юрия Белянкина (1982).

Первые советские документальные фильмы, рассказывающие о жизни Николая Константиновича, несомненно, доносят до нашего сознания масштаб личности этого талантливого человека. Наследие, оставленное им в дар потомкам – бесценно. Опыт, полученный им и его семьёй, – уникален. Единственное, чего не хватает в данных кинолентах, так это интервью и размышлений самого Мастера. Оправдать это отсутствием архивного материала у киносъёмочных групп не представляется возможным. К середине XX в. уже много и достаточно уверенно снимали, киносъёмочный процесс был налажен, производство фильмов не прекращалось даже во вторую мировую войну. Приятный закадровый голос диктора, декламирующий высказывания и стихи Н. К. Рериха, не доносит всей глубины и палитры переживаний художника. В советских фильмах пару раз появляется Рерих-отец, но это немое появление не достаточно информативно. Некоторые сцены фильмов в отношении музыки строились по принципу иллюстративности, то есть в данный момент нам показывают полотно в русском, былинном стиле, значит, и музыка должна играть соответствующая. В такой манере озвучивания нет ничего необычного («что вижу, о том и играю») и, более того, для документального кино это вполне допустимо, но было бы интереснее немного отойти от стереотипов и клише и удивить зрителя какими-то необычными контрапунктными музыкальными ходами. И тогда, возможно, некоторые сцены фильма выглядели бы менее наивно. Сюжеты фильмов, несмотря на обилие информации и интервью с друзьями и коллегами, теперь, на дистанции 55–30 лет, кажутся недостаточно продуманными. Но, тем не менее, первые отечественные фильмы, рассказывающие о жизни и творческом пути Н. К. Рериха, внушают глубокое уважение и неподдельный интерес к плодам его жизни.

И. В. КУЛЬГАНЕК
(Институт восточных рукописей РАН; Санкт-Петербург)

ПОЕЗДКА ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ ПО ЗАБАЙКАЛЬЮ В 1891 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСНОГО ФОНДА ИВР РАН)

В июне 1891 г. произошло большое событие в жизни бурятского народа: будущий император, цесаревич Николай, возвращаясь из своего путешествия на Восток, посетил Забайкалье. Во время поездок по бурятским просторам он познакомился с жизнью, хозяйством, бытом, культурой и религией исконных жителей этих мест, имел встречи с главами бурятских родов, представителями буддийской церкви, высшими чинами управления Забайкалья; посетил буддийские монастыри, учебные и богоугодные заведения, участвовал в празднествах, крестных ходах, военных смотрах и стрельбах. Начав знакомство с этим регионом во Владивостоке, куда он прибыл на корабле, будущий император доехал до восточной забайкальской границы по железной дороге и на повозках, затем пропутешествовал по рекам Шилке и Нерче до Нерчинска, по агинским и хоринским кочевьям – до Читы, и через Верхнеудинск проследовал на запад, в Иркутск.

Особый приём царскому наследнику был оказан агинскими и хоринскими бурятами. В Агинском ведомстве Его Высочеству была устроена торжественная встреча, продемонстрированы традиционная национальная борьба и скачки. В Ацагатском дацане для высокого гостя была представлена буддийская мистерия (цам).

Встреча с цесаревичем имела для бурятского народа большое значение: буряты получили возможность продемонстрировать верноподданнические чувства к Российской империи, обратили на себя внимание как на основное население Забайкалья, имеющее сложную структуру общества, обратились к цесаревичу с просьбой о своих нуждах для дальнейшего ходатайства перед императором, получили пожертвования от частных лиц и организаций в ознаменование этого события на проведение хозяйственных и культурных преобразований в родном крае.

О посещении Забайкалья цесаревичем Николаем II были сочинены песни, легенды, славословия. В честь высоких гостей в буддийских храмах читались молитвы, лучшие певцы-сказители слагали славословия, на торжественных праздничных церемониях исполнялись хвалы.

Об этой поездке в 1897 г была издана князем Э. Э. Ухтомским книга «Путешествие на Восток», в которой подробно описаны встречи цесаревича с бурятским народом. По воспоминаниям старых людей и сохранившимся документам в Краеведческом музее поселка Агинское Забайкальского края создана экспозиция на эту тему.

Один из панегириков, посвящённых посещению Николаем II (в бытность его цесаревичем) Забайкалья, находится в Рукописном фонде ИВР РАН. Данная рукопись (шифр С 11) имеет название «Хвала царскому наследнику» («Qan tayiji maγtaγal»), содержит 10 листов типа бодхи, написана

чернилами, перекрывающими в ряде мест ранее сделанную карандашную запись, объём её 22 строфы, поступила от А. Д. Руднева. Автором текста назван цорджи Анинского дацана Чимид-Доржи Ламханов.

По своей структуре и поэтике она является магталом, средневековым жанром монгольской литературы, уходящим корнями в устное народное творчество, характеризуемым чёткой четырёхстрочной строфикой, начальной аллитерацией, синтаксическим параллелизмом и образностью, восходящей к фольклорному мировосприятию. В панегирике восхваляется мощь Российского государства, императора и высшее справедливое управление страной, проводятся параллели Николая II с буддийскими божествами, красоты природы – с «правильными» законами. В последних строфах выражается благопожелание Царскому роду и государству. В докладе предлагается транскрипция и перевод текста.

Н. А. МОЗОХИНА
(Государственный Русский музей; Санкт Петербург)

ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА ОБЩЕСТВА ВОЗРОЖДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РУСИ И ИЗДАТЕЛЬСТВО ОБЩИНЫ СВЯТОЙ ЕВГЕНИИ

Общество возрождения художественной Руси (далее – *ОВХР*) было основано в годы первой мировой войны – в марте 1915 г. По своим научно-просветительским установкам его издательская деятельность имела много общих точек соприкосновения с издательской деятельностью Общины Св. Евгении, которая к этому времени достигла в этом направлении больших успехов в деле издания как открыток, так и книжной продукции. За два года своего существования, отягощённого тяготами военного времени, ОВХР успело выпустить только одну серию открыток по рисункам художника В. А. Плотникова под названием «Древнее строительство нашего Севера». Рисунки этого художника уже публиковались на открытках Общиной Св. Евгении в серии, посвящённой 300-летию Дома Романовых.

Ещё до утверждения устава ОВХР директор Московской художественной печатни (скоропечатни «А. А. Левенсон и К°») С. С. Ермолаев как член Общества предложил А. А. Ширинскому-Шихматову выпустить печатавшуюся в его типографии серию открыток В. А. Плотникова в пользу Общества, предлагая организовать и распространение этих открытых писем, «взяв с Общества лишь за печатание и предоставив Обществу прибыль, если таковая окажется».

Открытки ОВХР распространялись через посредство издательства «Рассвет», контрагентства А. С. Суворина, а также членов Общества. Основную же надежду на распространение открытых писем С. С. Ермолаев возлагал на издательство Общины Св. Евгении, имевшее широкую сеть для распространения своих изданий и близкое тематике изданий ОВХР. В ноябре 1915 г. директор типографии обратился в него с просьбой принять открытки для продажи в киосках Красного Креста на железных дорогах,

однако до конца января ответа на эту просьбу от Общины не последовало. Тогда член Общества и член Комиссии по изданиям евгениинского издательства Н. К. Рерих предложил своё содействие в этом вопросе, но получил отказ от сотрудников Общины, так как согласно особому разрешению министра путей сообщения, а также договорам, заключаемым Общиной с руководством частных железных дорог, в её киосках могли продаваться только те издания, на которых стоял знак Красного Креста и обозначалось, что данная открытка издана в пользу Общины Св. Евгении. ОВХР вновь обратилось к Н. К. Рериху с просьбой «выяснить, не будет ли Община Св. Евгении согласна принять письма в продажу, ограничившись обозначением местонахождения своего склада только на конвертах, в которые вкладывается каждый набор писем». Однако издательство не согласилось на компромисс, посчитав, что нарушит договоренности с министерством путей сообщения. К середине февраля 1917 г. все открытые письма В. А. Плотникова были проданы без участия Общины.

Общность задач, которые ставили перед собой ОВХР и Община, находит подтверждение в истории издания открыток О. А. Шарлеманя «Народная женская одежда великороссов». В 1916 г. член ОВХР Д. Н. Ломан случайно увидел серию рисунков художника, предназначенных для издания Общиной Св. Евгении, и просил уступить их для Общества. Однако серия открыток увидела свет в издании Общины. В издательские планы ОВХР входило также издание рисунков М. Я. Виллие и Г. Г. Шмидта, работы которых ранее появлялись на открытках только в издании Общины. Прекращение деятельности ОВХР помешало осуществить эти планы, которые в силу малочисленности проектов характеризуют издательскую деятельность ОВХР как более строго идейно выдержанную по сравнению с программой Общины Св. Евгении, ориентированной на более широкую публику, и ставившей перед собой не только просветительские цели, но соотнося их с финансовыми выгодами.

А. А. САВКИНА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ВКЛАД ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ В РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

«Цветы художества» – поэтичное название очерка Н. К. Рериха, посвящённого Императорскому Обществу поощрения художеств (далее – *ИОПХ*), но этой фразой в полной мере можно охарактеризовать труды правителей и частных лиц на ниве изобразительного искусства России. Вклад династии Романовых в развитие художественного образования, в сохранение традиций русского искусства многогранен. В первую очередь, безусловно, следует упомянуть учреждение в 1757 г. «Академии трёх знатнейших художеств» по повелению Елизаветы Петровны и по инициативе И. И. Шувалова и М. В. Ломоносова. В 1764 г. Екатерина II жалует Императорской Академии худо-

жеств особые привилегии, признавая самостоятельность художественной деятельности первого учреждения, готовившего профессиональных художников. Для пропаганды и сохранения русского искусства огромную роль сыграло также создание художественных музеев. Наиболее активно музейная деятельность развернулась при Николае II, в 1895 г. он учреждает «Русский Музей Императора Александра III», осуществляя тем самым замысел своего отца. В состав музея входили этнографический, художественно-промышленный и художественный отделы, собравшие произведения национального искусства, начиная от иконописи.

За три столетия правления Дома Романовых, с 1613 до 1917 г., русская культура приобрела величие и переосмыслила западноевропейскую художественную традицию, сохранив самобытность и своеобразие. На протяжении веков отношение к традициям русского искусства изменялось, вместе с тем иконопись и ремёсла поддерживались Царским Домом, и это влияло на ход их развития.

При первом царе династии, Михаиле Фёдоровиче, при Оружейной палате создаётся иконописная мастерская, а при царе Алексее Михайловиче она достигает расцвета. Н. К. Рерих рассказывает о русских иконописцах этого времени в очерке «Государев иконный терем» (1899). При Петре I мастера обращаются к светскому искусству, а русская традиция оказывается забытой. К возрождению художественного языка русской иконы и форм древнерусского декоративно-прикладного искусства стремились многие художественные объединения второй половины XIX – начала XX в. под патронатом членов Императорской фамилии и Императорские Комитеты, курировавшие вопросы образования и исследования памятников искусства Древней Руси.

В царствование Александра II, в 1859 г., учреждена Императорская Археологическая комиссия как «особое установление Императорского Двора», а Александр III в 1889 г. даровал ей исключительное право производить раскопки, при этом «ценные и особо важные в научном отношении предметы должны быть присылаемы в Археологическую комиссию для представления на Высочайшее воззрение». Комиссия, совместно с Императорской Академией художеств, заведовала и реставрацией «монументальных памятников древности». Издания комиссии рассматривали широкий круг вопросов, связанных с археологией. В 1901 г. в «Известиях Археологической комиссии» была опубликована статья Н. К. Рериха «К древностям Валдайским и Водским».

Наиболее активную поддержку художникам оказывало Императорское Общество поощрения художеств (ИОПХ), оно также занималось издательской и выставочной деятельностью, при Обществе была открыта Рисовальная школа и Художественно-промышленный музей. ИОПХ было основано в 1821 г. по частной инициативе, но включало в свой состав и 14 членов Императорской фамилии. С 1878 г. председателем Общества была принцесса Е. М. Ольденбургская. Она вела широкую культурно-просветительскую ра-

боту, была попечительницей Комитета сестёр милосердия Красного Креста, в 1893 г. получившего наименование Общины Св. Евгении, занимавшегося в числе прочего изданием художественных репродукций.

Задачу возрождения художественных традиций русского искусства наиболее последовательно решало Общество возрождения художественной Руси, созданное в 1915 г. также по частной инициативе, но при поддержке императора Николая II.

Значительную роль в художественном образовании сыграли издания, посвящённые произведениям древнерусского искусства, вышедшие по инициативе Романовых. Например, «Древности Российского государства» с иллюстрациями Ф. Г. Солнцева (1849–1853), «Musée de Tzarskoe Selo ou collection d'armes de sa majesté l'empereur de toutes les Russies» (1835–1853), опубликованные по высочайшему повелению Николая I.

Особое внимание в конце XIX – начале XX в. уделяется изучению богатого орнамента, украшавшего рукописи и произведения народного искусства. В 1887 г. с Высочайшего соизволения императора Александра II В. В. Стасов, художественный критик, архивист и общественный деятель, опубликовал свой труд «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени». Это издание, охватывающее обширный материал, повлияло на ход развития русского прикладного искусства, хорошо его знал и Н. К. Рерих, применяя орнаментальные формы в своём творчестве. Обращение к традиции мы видим в юбилейном издании к 300-летию царствования «Летописный и Лицевой Изборник Дома Романовых» 1913 г. Н. К. Рерих входил в состав редакции этого издания, во втором томе находятся иллюстрации, выполненные мастером или под его руководством.

На рубеже XIX–XX вв. многие художники обращаются к русским традициям, тема Древней Руси нашла отражение в творчестве Н. К. Рериха и И. Я. Билибина. Эти мастера были также тесно связаны с Рисовальной школой ИОПХ, Н. К. Рерих с 1906 г. возглавлял её, а И. Я. Билибин преподавал графику и композицию. Работы учащихся Рисовальной школы ИОПХ, а также Центрального училища технического рисования барона А. Л. Штиглица, обращающиеся к русскому стилю, показывают связь с искусством прошлого.

В начале XX в. важным вопросом также становится возрождение иконописных традиций. Большую роль в этом сыграл Комитет попечительства о русской иконописи, учреждённый указом Николая II в 1902 г. По инициативе Комитета открываются иконописные мастерские в учебных заведениях и при монастырях, изучается художественный язык русской иконы. Под эгидой Комитета попечительства о русской иконописи искусствовед и археолог Н. П. Кондаков проводит масштабные исследования иконографии на материале русской и византийской иконы и западноевропейского искусства, в первую очередь живописи проторенессанса и Раннего Возрождения. Он включает древнерусское искусство в общеевропейский исторический процесс. Труды Н. П. Кондакова перекликаются с лите-

ратурным и живописным творчеством Н. К. Рериха, проводившего параллели между искусством Запада и Востока, классикой и современностью, традициями и новаторством. Пожалуй, одно из самых интересных произведений художника, созданных на основе синтеза различных школ, – Пермский иконостас для Казанской церкви-усыпальницы семьи пермских купцов и меценатов Каменских.

Заслугой Н. К. Рериха – общественного деятеля становится открытие иконописной мастерской в Рисовальной школе ИОПХ. Уже в начале обучения результаты были столь значительны, что первую написанную в мастерской икону Н. К. Рерих преподнёс императору. Подобные подношения были и в дальнейшем. На выставке «“Цветы художества”. Вклад Дома Романовых в развитие художественного образования в России», открытой 25 сентября 2013 г. в СПбГМИСР, представлены издания, рассказывающие о деятельности Комитета попечительства о русской иконописи и документы, свидетельствующие о предоставлении иконы «Спас Мокрая Брада» из Рисовальной школы ИОПХ императору Николаю II.

Архивные документы и фотоматериалы свидетельствуют о связях Н. К. Рериха и династии Романовых. Так, картина художника *«Заморские гости»* (1901) находилась в Александровском дворце Царского Села, его икона *«Николай Чудотворец»* была показана А. В. Щусевым великой княгине Елизавете Фёдоровне для храма Святителя и Чудотворца Николая в Бари (Италия). При этом упоминается, что великая княгиня высоко ценила религиозное творчество художника. Н. К. Рерих и В. М. Васнецов курировали работу над мозаиками, украсившими фасады Государева Фёдоровского собора в Царском Селе. Мозаика над главным входом изображала Феодоровскую Богоматерь – родовой образ Дома Романовых.

За триста лет правления династии Романовых члены Императорской фамилии привнесли в русскую культуру реалистические черты, свойственные западноевропейскому искусству Нового времени, сохранив при этом национальную самобытность и богатство художественного языка. Огромная роль в этом процессе принадлежала и частным инициативам общественных деятелей. Одним из самых активных тружеников на ниве русской культуры был Н. К. Рерих.

С. В. ЧЕБАНОВ
(Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербург)

ЧЕТВЁРТОЕ СТОЛЕТИЕ РОМАНОВЫХ: ЕЩЁ ОДИН ВЕК ОТЛОЖЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Правление династии Романовых практически точно совпадает с началом и концом Нового времени и отмечено всеми его характерными чертами. С культурно-исторической точки зрения Новое время – время формирования человека нового типа: секулярного гражданина управляемого

правом национального государства. В обсуждаемом контексте драматическими событиями правления Романовых, прежде всего, являются:

– обстоятельства пострижения, возведения в митрополиты, назначения в патриархи Лжедмитрием II Филарета и избрание на царство Михаила Романовых без делигитимации избрания царём, принятия присяги московским правительством и людьми Владислава Вазы, ставящие под сомнение легитимность правления всей династии Романовых;

– территориальная экспансия и провозглашение в 1721 г. империи, превратившие русских в *национальное меньшинство*, живущее среди *инородцев*;

– никоновский церковный раскол и последовавшая замена патриаршества Священным Синодом, превратившая церковь в часть государственного аппарата, требовавшего нарушения тайны исповеди, справок о причастии, обязательного изучения Закона Божия и т. д. как проявление реформации «сверху»;

– обстоятельства семейной жизни Петра I, уничтожения царевича Алексея, узурпации власти Екатериной II и её соучастие в устранении своего мужа Петра III, убийства Павла I и отношение к этому его сына Александра I, морганатические браки и внебрачные связи, не только подрывающие образ Романовых как православных монархов, но и ставящие вопрос о правомерности престолонаследия (в том числе и ныне живущих представителей Дома Романовых);

– ввязывание в мировую войну и последовавшие падение монархии и распад государства.

Ряд процессов XX – начала XXI в. напоминает то, что было при Романовых:

– замещение конфессиональной определённости национальной (с превращением её в национально-государственную – союзные и автономные республики) с фактической (а временами и юридической) дискриминацией тех или иных национальностей;

– безудержная территориальная экспансия (складывание и расширение СССР в 1920-е – 1940-е гг., появление социалистического лагеря), на смену которой приходит практически мгновенный распад конца 1980-х – начала 1990-х гг.;

– фактическая реабилитация триады С. С. Уварова;

– проникновение Русской православной церкви в государственную жизнь (в том числе в армию и в систему образования);

– неурегулированность национально-конфессиональных отношений;

– непрояснённость отношений разных ветвей права – писанного и обычного, национального и международного, гражданского и церковного, приватного и публичного.

На этом фоне восстановление патриаршества в 1918 г. и изменение роли Русской православной церкви после 1991 г. в жизни государства являются проявлением контрреформации. В этом проявляется некоторое рас-

хождение с практикой церковно-государственных отношений во времена Романовых.

Такое положение дел является следствием отказа от прояснения соответствия тех или иных сфер жизни принципиальным установкам, которые приносятся в жертву *Realpolitik.* В итоге страна оказывается перед теми же проблемами, которые не удалось разрешить не только сто, но и четыреста лет назад, главные из которых – отношение к христианским и европейским ценностям.

Л. В. БУЗИНА
(Санкт-Петербург)

ЕЩЁ РАЗ ОБ АВТОРСТВЕ ЛИБРЕТТО «ВЕСНЫ СВЯЩЕННОЙ»

«Весна священная» на музыку И. Ф. Стравинского занимает особое место среди театральных работ Н. К. Рериха, ибо для этого балета Николай Константинович создал не только эскизы костюмов и декораций, но и написал либретто. Со временем это многими стало забываться и как-то незаметно, постепенно, на десятилетия единоличным автором либретто, сюжета и самой идеи балета становится И. Ф. Стравинский. Как же это случилось?

В 1935 г. И. Ф. Стравинский вместе с В. Ф. Нувелем, с которым в то время был особенно близок, работал над книгой «Хроника моей жизни». В ней композитор, ничуть не смущаясь, объявил себя главным инициатором и автором либретто «Весны священной».

Н. К. Рерих, живущий в далёких Гималаях, так и не узнал бы об этой, мягко выражаясь, выдумке, если бы ни Конлан Барнетт, английский поэт и художественный критик, член Французского Рериховского общества. В очерке «Зарождение легенд» (1939) Николай Константинович пишет по этому поводу:

> «Конлан в своей монографии сообщает: “Говорят, что Стравинский получил идею для этого балета (“Священная Весна”) во сне, виденном им в 1900 году в Петербурге. Он видел балет, величественный, как какая-то скульптура, как каменное изваяние, как необычно грандиозная фигура. Отсюда станет понятным, почему был приглашён для создания декораций к нему именно Рерих, художник неолитического воображения”. Не знаю, когда и какие сны видел Стравинский, но на самом деле было так. В 1909 году Стравинский приехал ко мне, предлагая совместно с ним сочинить балет. Поразмыслив, я предложил ему два балета: один “Весна Священная”, а другой “Шахматная игра”. Либретто “Весны Священной” осталось за малыми сокращениями тем же самым, как оно появилось в 1913 году в Париже. <…> Непонятно, откуда могла появиться версия, сообщаемая Конланом. Очевидно, он её слышал в Париже. Неизвестно, шла ли она от самого Стравинского или же в качестве кем-то сочиненной легенды. Вспоминаю этот эпизод только для того, чтобы ещё раз подчеркнуть, насколько часто факты колеблются в легендарных передачах».

Успех балета, освистанного на первом представлении 29 мая 1913 г., стал, по-видимому, соблазном его присвоения не только для Стравинского. Из очерка «Весна» (1941) узнаём:

«Конлан негодует на Нижинскую [вдову Вацлава Фёдоровича. – *Л. Б.*], которая в своей книге наврала. Выходит по ней, что идея “Весны” принадлежит Нижинскому. По другому письму Конлана, Стравинский во сне получил идею “Весны”. Для меня и места не остаётся. Между тем я получал гонорар не только как декоратор, но и как либреттист. Многажды писалось о моей мысли славянского балета, и Дягилев это знал. Впрочем, он и не скрывал, как зародилась вещь».

Театр Елисейских Полей (Théâtre des Champs Elysées), в котором состоялась премьера балета

В другом очерке – «Поспешим» (1944) – Николай Константинович просит напомнить о своём авторстве Л. Ф. Мясину, по просьбе которого высылает пять листов (декорации и костюмы) для «Весны священной»:

«…Когда будете передавать Мясину “Весну”, напомните ему, что идея этого балета была моя, и потому я получил в Париже гонорар не только как художник, но и как либреттист. Последний такой гонорар получил в Париже по моей доверенности Святослав. Как Вы знаете, “Весна” посвящена мне, так значилось и на нотах. Всё это любопытно, ибо впоследствии Стравинский где-то писал, что всю идею этого балета он задолго видел во сне. Вдова Нижинского где-то уверяла, что Нижинский видел ранее во сне этот балет. Итак, получилось какое-то таинственное царство “снов” <…>. Само собой разумеется, что я тревожу старые воспоминания лишь ради истины, а вовсе не для гонорара либреттиста…».

В архиве С. П. Дягилева сохранилось письмо Н. К. Рериха к нему, в котором он довольно подробно рассказывает сюжет балета, а в архиве И. Ф. Стравинского – листок с либретто (не публиковавшегося), в оригинальном русском виде, выдержанном в возвышенно-архаическом тоне Рериха, почти стихи. Между тем, И. Ф. Стравинский продолжал распространять заведомую ложь. В «Диалогах» он опять, правда, теперь несколько поиному, пишет о своём авторстве: «Замысел “Весны священной” зародился у меня ещё во время сочинения “Жар-птицы” [1909 г. – *Л. Б.*]. Мне представилась картина языческого обряда, когда приносимая в жертву девушка затанцовывает себя до смерти…».

В наши дни, возобновляя постановки дягилевской антрепризы, театральные деятели, прежде всего, за материалами обращаются к текстам режиссёров, музыкантов, артистов, художественных критиков, а Н. К. Рериха они знают только как художника и его литературными трудами вовсе не интересуются. Отсюда искажение фактов. Но мы, последователи Николая Константиновича, должны быть на дозоре и восстанавливать истину.

В. Д. КАНТОР
(Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства; Санкт-Петербург)

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ФОНДОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ТЕАТРАЛЬНОГО И МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА О «ВЕСНЕ СВЯЩЕННОЙ»

Несмотря на то, что первое признание и первые успехи будущих создателей балета «Весна священная» состоялись именно в Петербурге – городе, с которым все они были тесно связаны в силу житейских и творческих обстоятельств, несмотря на то, что значительная часть декораций и костюмов для премьеры «Весны священной» делалась в Петербурге, исторических артефактов и архивных материалов об этом балете в городе сохранилось не так много. Большая часть из сохранившегося и имеющего прямое отношение к премьере 1913 г., хранится в фондах Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства (далее – *СПбГМТиМИ*).

Эти материалы можно разделить на три основных группы:

- *фотоматериалы:* фотографии и иллюстрированные газетные и журнальные рецензии;
- *программки и афиши*;
- *копии эскизов костюмов Н. К. Рериха к балету*, сделанные неизвестным художником предположительно для театральных мастерских, где создавались костюмы к этому балету.

Серьёзную ценность в изучении истории создания балета представляют фотопортреты его создателей и участников дягилевской антрепризы (снимки 1911–1913 гг.): Николая Рериха, Игоря Стравинского, Сергея Дягилева, Вацлава Нижинского, Брониславы Нижинской, исполнительницы партии Избранницы Марии Пильц, Жана Кокто; фотографии из жизни участников Русского балета, где среди прочих изображены некоторые авторы известных рецензий на премьеру В. Я. Светлов и А. Я. Левинсон, вырезки из парижского журнала «Comœdia Illustré» с уникальными фотографиями из балета, сделанными в Зелёном фойе Théâtre des Champs Elysées перед премьерой, на которых запечатлены артисты в костюмах и характерных позах хореографии Вацлава Нижинского; интервью Н. К. Рериха, отклики русской и английской прессы, которые помимо экспозиционной ценности, дают возможность проследить формирование замысла и немногие перипетии жизни первой сценической версии балета.

В фондах музея хранятся программы «Весны священной» – программа июньских показов «Весны священной» и программа большого Русского сезона оперы и балета в Лондоне, где также был сыгран балет. Всё это документально опровергает хорошо распространённый миф о том, что балет был снят и больше никогда не исполнялся после скандальной премьеры в

Париже. Здесь же хранятся и девять копий эскизов костюмов Н. К. Рериха к постановке «Весны священной» 1913 г. Большая часть оригиналов находится в Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина в Москве и в разных музейных коллекциях в России. Однако некоторые эскизы Н. К. Рериха к этому балету известны только по копиям, сохранившимся в СПбГМТиМИ.

Т. С. МАТЕХИНА
(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ПРЕДМЕТЫ В МЕМОРИАЛЬНОМ СОБРАНИИ С. С. МИТУСОВА, СВЯЗАННЫЕ С ИМЕНЕМ И. Ф. СТРАВИНСКОГО

С. С. Митусов и И. Ф. Стравинский были друзьями юности. Степан Степанович Митусов – музыкант и педагог, двоюродный брат Е. И. Рерих, друг семьи Рерихов, в своей автобиографии писал, что с И. Ф. Стравинским он был знаком во второй половине 1890-х гг. дома у Н. А. Римского-Корсакова, в 1902 г. Митусов и Стравинский вместе учились в Петербургской консерватории (КП-7468). Дружеские отношения и творческие интересы объединяли С. С. Митусова, семьи Римских-Корсаковых и Стравинских, Н. Ф. Потоцкого. По просьбе Стравинского Митусов перевёл стихи П. Верлена для двух его романсов. Сказка-опера «Соловей» была посвящена Стравинским Митусову, который сочинил для неё либретто. Митусов ценил творчество Стравинского и вместе со своими учениками-вокалистами разучивал и исполнял его произведения. На квартире С. С. Митусова познакомились И. Ф. Стравинский и Н. К. Рерих.

В Мемориальном собрании С. С. Митусова (далее – *МСССМ*) изначально хранились предметы, связанные с именем И. Ф. Стравинского:

– приглашение на 21-е оркестровое собрание музыкальных новостей 22 января 1908 г., где исполнялись сочинения И. Ф. Стравинского – симфония Es-dur и сюита для пения с оркестром «Фавн и пастушка» на текст А. С. Пушкина (КП-5370);

– рукописное либретто С. С. Митусова к опере «Соловей» – 10 листов с пометками И. Ф. Стравинского (1913);

– открытка Б. П. Юргенсона С. С. Митусову 4 января 1911 г.;

– три письма (21 июля 1909, 28 января – 10 февраля 1912), три открытки (10, 31 июля, 2 августа 1913, 12 февраля 1914) И. Ф. Стравинского и два письма (13 июня и второй половины июня (по старому стилю) 1913) Е. Г. Стравинской, адресованные С. С. Митусову;

– письмо С. С. Митусова жене Е. Ф. Митусовой 7 июля 1913 г. из Устилуга (КП-7366);

– черновые записи С. С. Митусова: переводы стихотворений П. Верлена для романсов И. Ф. Стравинского «Душу сковали…» и «Где в лунном свете…» (не ранее 13 декабря 1911) и записи, вероятно, к опере «Соловей» (КП-7458);

– две фотографии И. Ф. Стравинского (более ранняя, с дарственной надписью С. С. Митусову в июле 1913 г. в Устилуге, была сделана в июне 1913 г. в Париже);

– шарж С. С. Митусова на И. Ф. Стравинского 1916–1917 гг. в рукописи «Петрушина гора» (КП-4734);

– афиша концерта С. С. Митусова 10 июня 1925 г. (КП-2155) и афиши с расписанием концертов общества «Кружок друзей камерной музыки» 11–16 января 1927 г. (КП-2156, КП-2159);

– вырезки из газет со статьями «Вечер русского романса» (автор, писавший под псевдонимом *Азий*), «Концерт Елены Антиповой» и «Общедоступные концерты музтехникума» о концерте 24 октября 1928 г. в Нижнем Новгороде ученицы С. С. Митусова Е. И. Антиповой (КП-7473, КП-7474).

После смерти С. С. Митусова во время блокады Ленинграда в 1942 г. хранительницами семейного собрания стали его младшие дочери Людмила и Татьяна. При них были сделаны копии документов МСССМ, были добавлены программы концертов с исполнением произведений И. Ф. Стравинского, виниловая пластинка 1986 г. с грамзаписью балета И. Ф. Стравинского – Н. К. Рериха – В. Ф. Нижинского «Весна священная» в исполнении Госоркестра СССР под руководством Е. Ф. Светланова (1966), книги о И. Ф. Стравинском.

В 1940-х гг. письма Стравинских С.С. Митусову оказались в архиве М. А. Бихтера – известного пианиста, дирижёра и преподавателя, концертмейстера и друга семьи Митусовых.

Сёстры Митусовы были частыми посетителями концертов Ленинградской (Санкт-Петербургской) филармонии им. Д. Д. Шостаковича. В МСССМ сохранились программы с аннотациями и планы концертов с исполнением произведений И. Ф. Стравинского в 1957–1998 гг.

В 1960 г. сёстры Митусовы познакомились с рериховедом П. Ф. Беликовым. Он показал им копии переписки Рерихов из своего архива, помог скопировать записи, связанные с семьёй Митусовых. В этих выписках упоминается также И. Ф. Стравинский (КП-232).

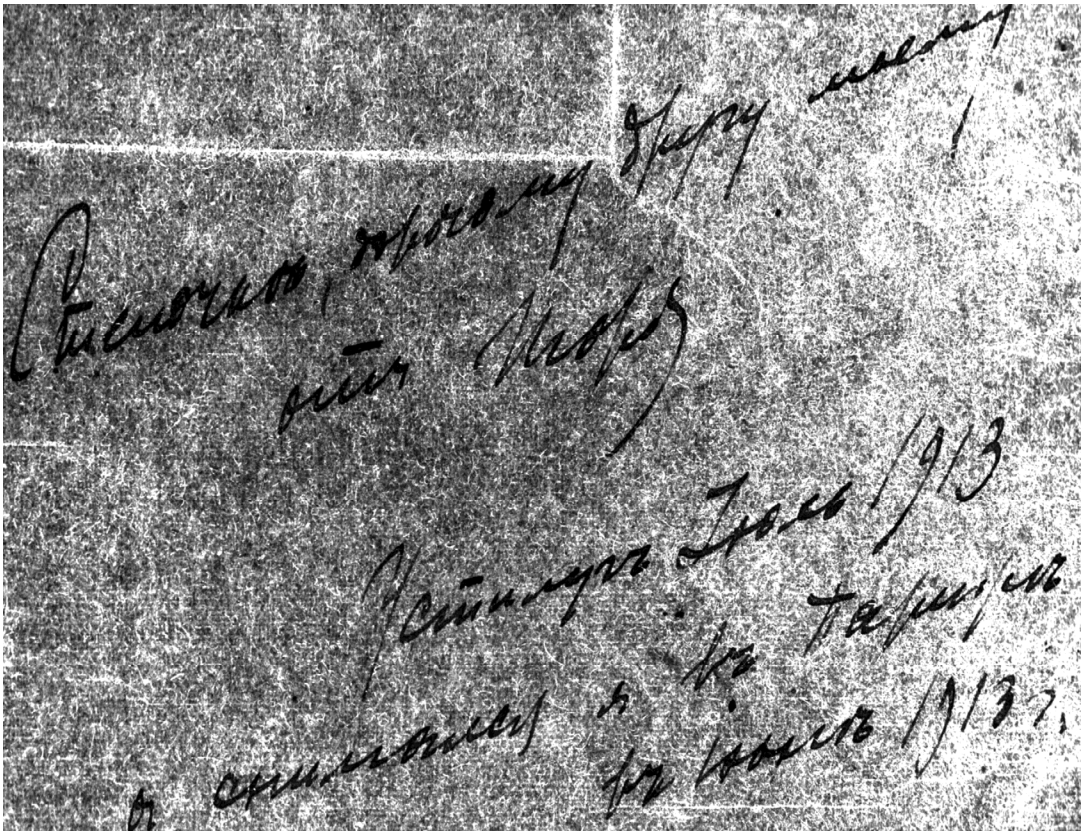
В своих «Воспоминаниях о прожитом и судьбах близких» (2004) Л. С. Митусова вспоминает о своём телефонном разговоре с В. А. Стравинской (4–8 октября 1962 г.), когда супруги Стравинские приезжали в Ленинград и останавливались в гостинице «Европейская».

В 1968 г. в Москве была издана книга «И. Ф. Стравинский. Избранные сочинения». 25 января 1970 г. Н. А. Квятковская, ученица С. С. Митусова, подарила эту книгу его дочери Татьяне (КП-5863).

В 1971–1981 гг. дирижёр и исследователь творчества И. Ф. Стравинского И. И. Блажков, готовя публикацию «И. Ф. Стравинский. Письма разных лет», вёл переписку с сестрами Митусовыми (КП-2049–КП-2062), встречался с Т. С. Митусовой и получил от неё материалы по И. Ф. Стравинскому. Он проявлял настойчивый интерес к поиску автографов Игоря Фёдоровича из МСССМ, след которых затерялся после смерти М. А. Бихтера в 1947 г. В

начале 1970-х гг. сын М. А. Бихтера Алексей, обнаружив эти восемь писем в архиве покойного отца, подтвердил принадлежность писем С. С. Митусову и собственность на них его дочерей (КП-2047). Сёстрами Митусовыми было предоставлено первоочередное право публикации этих автографов и фотографий из МСССМ И. И. Блажкову (КП-2060, КП-2062) и по его просьбе Л. С. Митусова присылала фотокопии этих документов (КП-2052, КП-2053).

30 апреля 1981 г. партитура оперы «Соловей», черновик оркестровки, две фотографии И. Ф. Стравинского, письма Стравинских и открытка Б. П. Юргенсона С. С. Митусову были переданы и 16 сентября 1981 г. проданы Т. С. Митусовой в Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) (КП-2054).



Дарственная надпись И. Ф. Стравинского С. С. Митусову на фотопортрете. © РНБ

В МСССМ хранилось приглашение на вечер, посвящённый 100-летию со дня рождения И. Ф. Стравинского «Игорь Стравинский и Мария Юдина. Творческие контакты» (26 февраля – 15 марта 1982).

20 мая 1982 г. в фойе партера Большого зала Московской консерватории открылась фотовыставка к 100-летию со дня рождения И. Ф. Стравинского. На ней была представлена одна из двух фотографий С. С. Митусова, присланных Л. С. Митусовой по просьбе музыковеда Г. С. Кузнецовой (КП-НВ 6001 – КП-НВ 6003).

В 1992 г. Л. С. Митусова познакомилась с В. Л. Мельниковым и группой студентов Санкт-Петербургского государственного университета, которые приняли деятельное участие в изучении МСССМ и наследия семьи Рери-

хов. Проводился поиск, копирование, сбор и изучение архивных материалов, связанных с семьёй Митусовых, в библиотеке Санкт-Петербургской филармонии, Российской национальной библиотеке, частных архивах, подготавливались и публиковались статьи. При работе В. Л. Мельникова с архивом Т. В. Римской-Корсаковой стало известным, что в марте 1941 г. В. Н. Римский-Корсаков и С. С. Митусов давали друг другу читать автографы И. Ф. Стравинского, хранящиеся в их семейных архивах.

В сборе информации, в том числе по И. Ф. Стравинскому, помог родственник Митусовых Э. Ю. Рыжов (Стокгольм).

В начале 1990-х гг. к документам из МСССМ обратился музыковед В. П. Варунц. С этого времени тема взаимоотношений и сотворчества С. С. Митусова и И. Ф. Стравинского получила особое развитие. Итогом её стали несколько совместных докладов и статей, а также подготовленное В. П. Варунцем трёхтомное издание «И. Ф. Стравинский. Переписка с русскими корреспондентами. Материалы к биографии» 1998–2003 гг.

В. Г. ПУШКАРЁВ
(Российский этнографический музей; Санкт-Петербург)

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕАТР В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО (ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО) ТЕАТРА (1923–1936 ГОДЫ)

Поиски новых форм просветительной работы в конце 1920-х гг. привели к созданию при Этнографическом отделе Русского музея в 1930 г. Ленинградского государственного Этнографического театра. Театр ставил своей задачей популяризацию этнографических знаний через постановки народных обрядов, исполнения народных песен. Спектакли проходили в Мраморном зале. Создателем и руководителем его был известный театральный деятель **Всеволод Николаевич Всеволодский-Гернгросс** (1882—1962). Основу его коллектива составили артисты Экспериментального театра, основанного в 1923 г. при Институте живого слова.

Институт живого слова был открыт в 1918 г. по инициативе В. Н. Всеволодского-Гернгросса и при поддержке А. В. Луначарского, В. Э. Мейерхольда, Н. С. Гумилёва, Ю. Ю. Юрьева, А. Ф. Кони, Ф. Ф. Зелинского и других видных деятелей русской культуры. Общим решением учредителей директором Института был назначен В. Н. Всеволодский-Гернгросс. В задачу Института входило «устранение оторванности общеобразовательной школы от искусства». «Наряду с заботами о право-и-чистописании, – говорил в приветственном слове Всеволод Николаевич, – полное пренебрежение к делу право-и-чистопроизношения. Между тем, излагать свои мысли устно приходится гораздо чаще, чем письменно». Это была творческая лаборатория, которая задумывалась Всеволодским-Гернгроссом как «театр большого стиля», «театр вечных космических проблем», устремлённый к трагедии и массовому действию. Очевидна была масштабность увлечений:

если театр – так «большого стиля», а проблемы, то космические. Это завораживало и привлекало в театр творческую молодёжь.

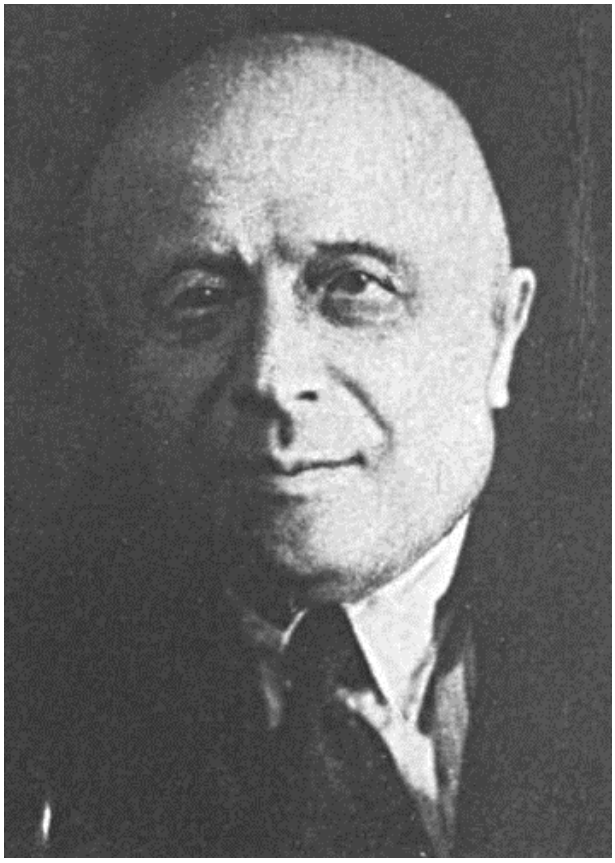
Главной проблемой, над которой работал Всеволодский-Гернгросс, был репертуар его театра. Он постоянно задавал вопрос – какую пьесу можно считать «этнографической»? Отвечая на этот вопрос, он выделял ключевые элементы этнографической пьесы, наиболее важными, с нашей точки зрения, можно считать следующие:

– «фольклорность»: пьеса «вся в целом построена на фольклорном материале»[1];

– сюжетная линия, социально-политическая острота;

– интересность зрителю;

– «метод народного артистичного исполнения» («крестьянский артистизм»[2]).



В. Н. Всеволодский-Гернгросс в 1930-е гг.

Эти элементы легли в основу постановки, которую, с нашей точки зрения, можно считать главным трудом театра Всеволодского-Гернгросса. Речь идёт об инсценировке *свадебного обряда*, замысел которого разработанный по этнографическим записям артистами театра М. Киссель, Э. Розенберг, Е. Степановой, А. Фоминой Всеволодский-Гернгросс разъяснял так: «Мы вдохновенно стремимся уйти из театра надуманных чувств, придуманных автором! Вот почему мы пришли совершенно невольно к обряду народному, подлинному обряду, и при этом к самому трагическому из всех… Основная опасность, которую мы хорошо сознавали, была превратиться в бытовую пьесу, но этого мы избежали, оставив лишь стихотворный текст, обрядовые реплики, причитание и пение»[3]. Через несколько лет, повторяя вслед за своим учителем, П. О. Морозовым, о «сплошном драматизме» свадебного обряда, Всеволодский-Гернгросс напишет: «Темой этой постановки было доказать, что обряд, в особенности такой развитой, как свадебный, представляет собою действо, строящееся по всем теориям драмы, и в известных условиях, заменяющий обществу впоследствии возникающий театр»[4].

---

[1] Театрально-декорационное искусство в СССР (1917–1927). – Л.,1927. – С. 144.

[2] *Там же.*

[3] *Там же.* – С. 130.

[4] Архив ГРМ, оп. 6, ед. хр. 904, с. 18.

С 1930 г. театрализованные программы русского фольклора в исполнении артистов Экспериментального театра стали значимым элементом Ленинградского государственного Этнографического театра Русского музея. В Положении о Ленинградском Этнографическом театре указывалось, что коллектив развивает свою деятельность в научно-исследовательском, экспериментальном и просветительном направлении; ставит «целью изучение и популяризацию театральными приёмами этнографических знаний и произведений крестьянского искусства… во всех его стилизационных разновидностях»[5]. Всеволодский-Гернгросс определил формы театрального действа – иллюстрированные доклады, инсценированные «стержневые» концерты фольклора, инсценированные обряды, пьесы. Метод исполнения определялся как «специфический». При этом он категорически возражал против «воспроизведения этнографического вокального и хореографического материала приёмами дворянско-буржуазного профессионального театра, т. е. на консерваторских поставленном звуке и дыхании, на балетном движении, в сопровождении не этнографически подлинного музыкального инструмента»[6]. Постановочный метод театра Всеволодского-Гернгросса, предопределял «этнографически выдержанный говор, подлинность звучания песен и исполнение обрядов, игр и танцев, подлинность употребляемого театром “инвентаря”»[7].

Театрализованные программы русского фольклора в исполнении артистов Экспериментального театра стали художественным дополнением, иллюстрацией научных лекций, экскурсий и выставок и «оживили» экспозиции Этнографического отдела Русского музея, что значительно повысило интерес посетителей и активизировало работу музея.

Всеволодскому-Гернгроссу и его театру приходилось балансировать между требованиями специалистов – фольклористов, этнографов и новой, советской идеологией. Одни требовали, чтобы театр соответствовал высокохудожественным требованиям искусства, другие – чтобы он был «живой иллюстрацией» музейной экспозиции. Находясь под мощным идеологическим давлением, руководство пыталось соединить несоединимое. «Театр сосредоточивает своё внимание на жизни крестьянства и рабочих, затрагивая прочие классы лишь постольку, поскольку они соприкасались с только что помянутым. Что же касается быта малых и отсталых народностей, населяющих СССР, то, знакомя с ними, театр непременнейшим образом ставит акцент на сопоставлении национальной политики царской России и компартии и соввласти и вытекающих отсюда последствиях»[8]. Труппа театра очень напряженно работала. Каждые два-три месяца готовила к показу комиссии новую пьесу. Их было много – «Медвежьи углы», «Сев», «Чудо», «Голубые поля», «Хлеб», «Ловецкая сторона». Часто после показа новой работы

[5] Архив РЭМ, ф. 2, оп. 1, д. 299, с. 20.
[6] Архив ГРМ, оп. 6, ед. хр. 904, с. 18.
[7] *Там же.*
[8] Архив ГРМ, оп.6.,ед. хр. 904, с. 20.

пьесу не утверждали. Коллектив брался за следующую пьесу. И хотя, расширяя репертуар, театр каждый год выпускал новый спектакль (1930 г. – «Четыре деревни»; 1931 г. – «Село Рязанское»; 1932 г. – «Власть тьмы», «Цыганская дорога»), деятельность его была обречена. Нарастало идеологическое давление на художественного руководителя. И, несмотря на то, что «театр собирает каждый вечер полный зал, билеты распределяются среди рабочих организаций», театр-де «развращает и дезориентирует массового зрителя»[9]. Всеволодского-Гернгросса и его театр обвиняли в излишнем «любовании стариной» и невнимании к современному народному творчеству. Вскоре в журнале «Рабочий и Театр» было опубликовано постановление Ленискусства о закрытии Государственного Этнографического театра. Творческий коллектив не смирился с таким решением и стал активно бороться за сохранение своего театра. Были составлены и направлены видным советским руководителям и деятелям культуры многочисленные письма. В Наркомпрос и к руководству страны обратились такие видные деятели советской культуры, как В. Бонч-Бруевич, А. Толстой, В. Качалов, А. Яблочкина, И. Москвин, Ю. Юрьев, Л. Леонидов, Вс. Иванов, И. Яунзем, с просьбой разрешить коллективу дальнейшую работу.

При поддержке А. В. Луначарского в 1934 г. театр возобновил работу. Газета «Смена» в октябре сообщала: «В помещении Русского музея вновь открылся Этнографический театр. Он ставит своей задачей работать в области собирания, изучения и пропаганды средствами театра устного народного художественного творчества – фольклора. На новом этапе своего развития Этнографический театр будет строить свои постановки лишь на произведениях фольклора. Это будут или спектакли-концерты, или спектакли в общепринятом смысле этого слова. Зимний сезон в Ленинграде театр открывает новой постановкой “Свадьбы”. Следующей постановкой будет “Степан Разин” – инсценировка исторических песен о нём в оформлении палехских мастеров»[10]. Однако инсценировка поэмы В. Каменского «Степан Разин» с историческими песнями и уникальными (изготовленными в Палехе) декорациями не оправдала возлагаемых на него надежд. Всеволодского-Гернгросса стали обвинять в расточительстве средств. В 1936 г. театр окончательно прекращает свою деятельность. Отстранённый от руководства театром, Всеволод Николаевич будет до конца жизни заниматься лишь научной и преподавательской деятельностью, посвятив себя исследованию русского театра.

Историю театра В. Н. Всеволодского-Гернгросса можно соотнести со словами П. И. Чайковского о том, что никто не имеет права безнаказанно прикасаться к святыне народного искусства, не чувствуя себя к этому готовым, достойным. Обратившись к новой для себя теме крестьянского обряда, руководитель оказался «не вполне готов». Характерные особенности стиля народных действ воспринимались режиссёром примитивной, начальной

[9] Рабочий и Театр. – 1932. – № 6.

[10] *Всеволодский-Гернгросс В.* Открывается Этнографический театр. // Смена. – 1934. – 17 октября.

формой театра, в которой изображение было выбрано способом воссоздания подобия. Ритуально-обрядовое действо (например, свадебный обряд) интерпретировалось на сцене как история несчастной девичьей судьбы, а календарные игрища – «народными картинками» в отрыве от публики. Известно, что человек архаичного общества ощущал неразрывную связь с космосом и его ритмами, в то время как современный человек ощущает связь лишь с историей[11]. Именно отсутствие в исполнителях ощущения национальной традиции, неприятие крестьянского мировоззрения, пронизанного архаичной мифологией и наполненного традиционными духовными ценностями, превращало сакральное действо в лицедейство, образ в подобие. Другие, ранее известные постановки, представлявшие собой авторскую инсценировку, литературную и сценическую интерпретацию народных календарных праздников и обрядов, имели сценарий, действующих лиц и развитый сюжет, построенный по законам драмы. Но впервые Всеволодским-Гернгроссом был проведён эксперимент – инсценирован подлинный (первоначально без литературной обработки) свадебный обряд. «Бесфабульной» формой действа, называли критики «Обряд русской крестьянской свадьбы», который на сцене, по мнению многих зрителей, оказался скучным, затянутым и неинтересным. И бесчисленные, для придания темпа, сокращения текста (с восьми до трёх действий) не смогли превратить спектакль в полноценную театральную постановку. Историк, дворянин, воспитанный на сценах Петербурга и беззаветно до конца служивший русскому театру, Всеволодский-Гернгросс был первым, кто осмелился вывести на сцену подлинный народный обряд и опытным путём осваивал переход традиционного действа из одной формы искусства в другую[12]. «Этнографический театр» – новое имя, данное Всеволодским-Гернгроссом своему экспериментальному коллективу. Очевидно, что оно отражает не содержание и направление творческой работы, но лишь принадлежность театра к Этнографическому отделу Русского музея. «Человек смотрит на вещи и интерпретирует увиденное именно тем способом, которому его обучила его культура, и что способ этот является набором правил или кодом, который конвенционально принимается в культуре как совокупность правил обращения с данными первичного визуального восприятия»[13].

Вместе с тем, факт совместной деятельности театра и музея есть весьма ценный опыт, значимый эксперимент воплощения В. Н. Всеволодским-Гернгроссом своей концепции «живого музея». И этот опыт могут учитывать коллективы, следующие в своей творческой работе по пути, проложенному Экспериментальным (Этнографическим) театром и его руководителем.

---

[11] *Элиаде М.* Аспекты мифа / Пер.с фр. – М.: Академический проект, 2001. – 2-е изд. – С. 7.

[12] См.: *Путилов Б. Н.* Фольклор и художественная самодеятельность. – Л.: Наука,1968.

[13] *Колосов А.В.* Визуальная культура: Опыт социологической реконструкции: Монография. – М.: ГНО «Прометей» МПГУ, 2004. – С. 26.

Е. В. САМОЙЛОВА
*(Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Санкт-Петербург)*

ОБЕТНЫЕ КРЕСТЫ В КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ СЕВЕРНОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ
(ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2008–2009 ГОДОВ)

Человечество устремляется освободиться
от старых форм и создать что-то новое.
Но, чтобы создать что-то новое, мы раньше
должны знать все древние источники. Только
тогда мы можем мечтать об Озарении жизни.

*Н. К. Рерих. Весна священная.
Обращение в аудитории Ваннамэкера
на собрании Лиги Композиторов.
Нью-Йорк. 1930 г.*[1]

Полученное от коллег приглашение к участию в летней сессии XIII Международной научно-практической конференции «Рериховское наследие», приуроченной к открытию выставки «Весна священная. Возвращение», послужило поводом к поиску параллелей: творчество Н. К. Рериха и современные этнографические записи. Организаторы определили направление и поисковый срез: «Вклад этнографии в развитие искусства». Актуальность этой темы для отечественной фольклористики и этнографии отмечал К. В. Чистов, подчёркивая, что область влияния народной культуры на профессиональное искусство «ещё ждет своего исследователя»[2].

Даже беглый просмотр каталога живописи и графики Н. К. Рериха, основой для которого послужил перечень В. В. Соколовского, не оставляет сомнений относительно влияния научной деятельности Николая Константиновича (работа в археологических экспедициях, наблюдения обрядовых и повседневных практик) на рождение зрительных образов, воплощённых в письме. В Институте истории материальной культуры РАН (далее ИИМК) хранится «Дневник раскопок» с планом холма у деревни Сосново Сосницкой волости Царскосельского уезда, сделанным 30 июля 1895 г., там же запись о кургане из Калитинского могильника, датируемая 9 августом того же года[3]. В архиве Государственной Третьяковской галереи среди рисунков 1893–1895гг. – *«Изварский могильник»* (бумага, тушь, 18 × 24). Обзор был почти

[1] *Рерих Н. К.* Держава Света. – М.: Сфера, 2003. – С. 120.
[2] *Чистов К. В.* Севернорусские сказители и осознание былин общеэтническим наследием русских // *Чистов К. В.* Народные традиции и фольклор. – Л., 1986. – С. 89.
[3] Николай Рерих. Археология: Книга первая. Материалы Императорской Археологической комиссии. 1892–1918 / Сост., примеч. и коммент. В. Л. Мельникова. – Самара, 1999. – (Петербургский Рериховский сборник. – № 2–3). – С. 43–45.

безграничен (живопись в контексте культурных традиций народов мира), а постановка исследовательских задач предполагала сужения поискового поля и выделения объекта исследования. Среди археологических рисунков 1896 г. новгородские каменные кресты и курганы, а в «Литературном сборнике произведений студентов Императорского Санкт-Петербургского университета» появляется иллюстрация к стихотворению В. Жуковского «Могильщик». Каменные кресты войдут в альбом рисунков 1897 г., и т. д., т. п.

Отзвуки «вечных ритмов "Весны священной"»[4], рождённых в палитре поэтических воззрений на культуру славян, не оставляют Н. К. Рериха в последующие годы жизни. Они звучат в песнях монгольских гор, в фантастике «священных танцев, полных символических ритмов»[5]. Они – в вечном стремлении к возвышенному и единении с вечным[6]. Николай Константинович подчёркивал общечеловеческую значимость культурных ценностей: «Мы не можем принимать "Весну" только как русскую или как славянскую… Она гораздо более древняя, она общечеловечна. Это вечный праздник души. Это восхищение любви и самопожертвования, не под ножом свирепой условщины, но в восхищении духа, в слиянии нашего земного существования с Вышним»[7], их *устремлённость в будущее*[8].

Метафора «вечных ритмов» – движения жизни и статики вечности – может быть раскрыта через контексты обрядовых практик, совершаемых у сакральных объектов. В числе таких объектов обетные кресты – святыни Русского Севера[9]. Полевые материалы, собранные на Карельском и Поморском берегах Белого моря[10], в Пинежском районе Архангельской области, позволили зафиксировать обряды почитания, совершаемые сельскими жителями у обетных крестов. Изначально планировалось представить краткий обзор сохранившихся объектов. Но в этом случае пришлось бы ограничиться сжатыми характеристиками, не позволяющими раскрыть причины актуальности традиционных духовных практик в современной севернорусской культуре. Поэтому мы решили ограничиться экспедиционными записями, сделанными в 2008 г. в селе Шуерецком (Поморский берег Белого моря). Экспедиция была организована Фольклорно-этнографическим центром им. А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. В состав группы входили студенты Теоретического отделения консерватории и сотрудники Общества русской традиционной культуры. Село Шуерецкое стало первым населённым пунктом,

---

[4] *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 117.

[5] Под впечатлением наблюдений, сделанных во время традиционного весеннего праздника на северо-западе полуострова Индостан (*Там же*).

[6] *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 117.

[7] *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 118.

[8] *Рерих Н. К.* Указ. соч. – С. 119.

[9] Выбор не случаен, такие кресты попадали в поле зрения Н. К. Рериха во время работы в археологических экспедициях 1895–1898 гг.

[10] Полевые материалы автора частично хранятся в Архиве Фольклорно-этнографического центра им. А. М. Мехнецова, частично – в личном архиве автора.

где посчастливилось встретить обетные кресты. На протяжении предыдущих трёх лет поиска на Карельском берегу все предпринятые попытки заканчивались неудачей.

Междисциплинарный характер конференции и планируемого сборника материалов определяет задачи и поиск подходов к изложению материалов: ознакомительные цели, терминологическое табуирование, отказ от погружения в аналитические тернии, описательность, сохранение «живых» текстов сельских жителей. Фактически доклад построен таким образом, что научный комментарий создаёт канву, позволяет расставить необходимые акценты, а рассказы местного населения раскрывают содержание обрядовых практик.

В. Н. БЕНДЮРИН
(Новосибирск)

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТОВ АРХИТЕКТУРНЫХ ЭТЮДОВ Н. К. РЕРИХА 1903 ГОДА

В книге Е. П. Маточкина «Н. К. Рерих: поэзия старины» (Самара: Агни, 2004) были представлены результаты ценнейших расследований: к большей части известных этюдов *«Архитектурной серии»* 1903–1904 гг. были найдены архитектурные объекты и опубликованы их фотографии. Это позволило проверить правильность привычных названий этюдов и иногда их исправить или уточнить. Однако работа была проведена не полностью даже по России, и совсем не были охвачены прибалтийские объекты. Автором доклада работа была продолжена.

В 1904 г. большинство этюдов были отправлены в США, на выставку в Сент-Луис, и ныне след многих из них затерялся. Были ли они тогда репродуцированы, пока установить не удаётся. Оставшиеся в России, видимо, были проданы, тоже, в основном, не репродуцированные, часть из них сейчас найдены. Таким образом, приблизительно половина этюдов «Архитектурной серии» известна по более или менее точным названиям, но не по изображениям. Например, по упоминаниям можно понять и уточнить, что были написаны этюды Коложской (Каложской, Борисоглебской) церкви в бывшем пригороде Коложа (белорус. *Каложа*, теперь на территории Гродно), однако изображения этих этюдов не сохранились.

Фотографии объектов и сведения о них разыскивались в сети Интернет в 2010–2013 гг. Поскольку этюды часто именуются неточно или совершенно неправильно, возникла идея огласить результаты наших поисков на данной конференции.

Л. В. БУЗИНА
(Санкт-Петербург)

ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА Н. К. РЕРИХА С ТВОРЦАМИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА НА ОСНОВЕ ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

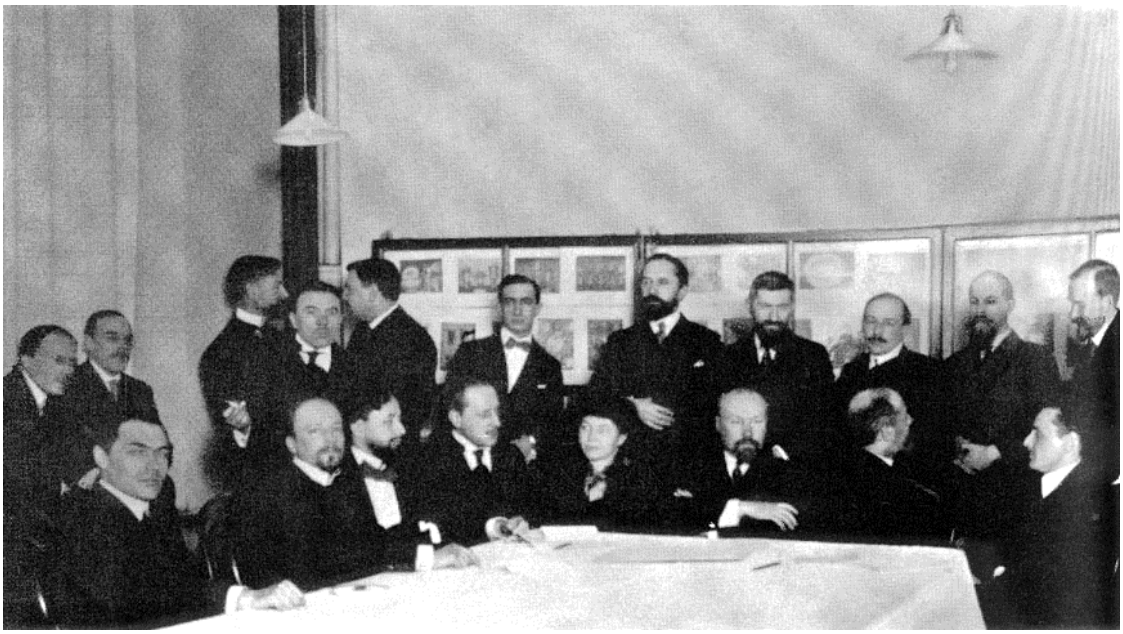
Когда речь заходит о наследии Николая Константиновича Рериха, то в первую очередь на ум приходят его картины, книги, экспедиционные открытия, Пакт Мира… Однако не меньший интерес представляет и его опыт широкого сотрудничества с деятелями культуры всех областей, который можно отнести к одной из форм рериховского наследия, особенно в наши дни актуальной, – *тонкой форме наследия*. Изучение этого опыта, применение его в жизни может пригодиться последователям Рериха в общении,

взаимопонимании и сотрудничестве, поможет научиться слышать и уважать мнение другого.

Основы этого опыта закладывались в петербургский период, который пришёлся на 90-е годы XIX в. и предреволюционные годы XX в., совпав с Серебряным веком русской культуры. В эти удивительные годы вся передовая молодёжь была охвачена поисками иного восприятия мира, нового содержания и новых средств выражения во всех областях культуры.

Рождались новые художественные направления: декаданс, символизм, модернизм, акмеизм и прочие «измы», которые всё больше завладевали поэзией, живописью, музыкой, театром…

В этот неустойчивый период, когда русское искусство раздирали внутренние противоречия, когда между собой боролись всевозможные течения, Николай Рерих находил силы идти своим путём, но это не мешало ему быть активным участником общего процесса создания нового искусства.



Н. К. Рерих среди участников художественного объединения «Мир искусства». 1914 © ГРМ

Как различны были эти молодые энтузиасты, талантливые индивидуалисты, решившие посвятить себя искусству! Их мнения не всегда совпадали, творческие разногласия порой оказывались очень острыми, и всё-таки они были близки друг другу по своим идейным и художественным устремлениям. Общей была цель, но пути, способы выражения у каждого были свои.

Воспоминания, дневники, письма современников, а также записные листки Н. К. Рериха сохранили свидетельства сотворчества, дружеских контактов, но иногда и сложностей во взаимоотношениях.

Сознательный выбор профессии художника, понимание ответственности выбранного пути определили и положение Н. К. Рериха в художественном мире. С самого начала Николай Константинович был уверен, что *«искусство порождено лучшими, высшими стремлениями людей»* и что могучая жизнестроительная сила искусства способна преобразить общество. Для

этого, по его убеждению, *«художнику должны быть просто все специальности известны, должны быть известны стремления общественные…»* (из письма Л. М. Антокольскому 8 июля 1894 г.).

Чтобы стать художником такого уровня, Н. К. Рерих ещё на втором курсе Академии художеств организовал из академистов кружок самосовершенствования и самообразования. И хотя кружок просуществовал недолго, но его программа, направленная на объединение близких по духу людей во имя улучшения жизни на Земле, поднятия её на более высокий духовный уровень, стала программой всей его жизни, способствуя культурному сотрудничеству на основе доброжелательства и взаимопомощи.

С. Г. ДЖУРА, А. В. ЛЕВШОВ, В. И. ЧУРСИНОВ
(Донецкий национальный технический университет; Донецк)

НА ПУТИ К HOMO NOOSPHERICUS

Современное критическое состояние общества не вызывает сомнений. Вспомним слова Н. К. Рериха о том, что живём «…во дни смертельной борьбы между механической цивилизацией и грядущей культурой духа»[1]. Ему вторит В. И. Вернадский в своих дневниках: «Положение грозное, но далеко не безнадёжное... для меня нет сомнений, что мы выйдем из потрясений благополучно... я всё-таки смотрю вперёд очень твёрдо: как-то сильно чувствую внутреннюю силу и мощь России, несмотря ни на что... думаю о новых научных работах… страхи о возможности крушения цивилизации – лишены основания... Я смотрю в ближайшее будущее – в создание “ноосферы” – очень оптимистично, но это не фатализм, а эмпирический вывод...»[2].

Философское осмысление реалий цивилизационного развития, как не раз отмечалось на международных философских конференциях, организуемых кафедрой философии ДонНТУ, хронически отстаёт. Такое отставание увеличивает кризисные явления всего общества. На уменьшение такого отставания, в частности, и направлена работа очередной конференции, и в нашем докладе мы рассмотрим аспекты *ноосферной трансформации* науки и образования, а также *ноогуманизм* и овладение вектором *социально-антропологической эволюции*. Фактически это вехи пути к человечеству ноосферного этапа развития – к *homo noosphericus*.

Ноосфера будет сформирована. Очевидно, что все мы по-разному включены в её становление. Но сейчас на планете резко расширился круг людей, глубоко осознанной, напряжённой творческой работой вовлечённых в строительство нового планетарного состояния.

В. И. Вернадский – одна из наиболее ярких и значительных фигур в этом ряду. Оптимизм его потрясает. Человек XX века, широко и без прикрас оценивавший современный ему исторический процесс, он мог черпать столь

---

[1] *Рерих Н. К.* Пути благословения. – Рига: Виеда, 1992. – 52 с.

[2] «Нет ни пафоса, ни подъёма, ни веры»: из дневника В. И. Вернадского 1932 г. / Публ. и предисл. В. П. Волкова // Исторический архив. – 2000. – № 1. – С. 109–129.

жизнеутверждающее мироощущение, вероятно, только из очень глубокого и светлого источника.

Многие полагают, что цивилизация и есть главное завоевание человечества, однако мы разделяем позицию Гностического знания, высказанную Е. И. Рерих в письме от 5 сентября 1935 г.: «…Цивилизация вытеснила понятие Культуры, и многие не понимают, что можно быть цивилизованным дикарём. Упускается из виду, что наслоения Культуры накапливаются веками, но цивилизация может быть создана в одно десятилетие». Такая точка зрения полностью совпадает с выводами классических философов, которых уж никак нельзя отнести к эзотерикам.

Нобелевский лауреат Л. Д. Ландау как-то высказался о том, что «есть науки естественные, неестественные и сверхъестественные». По всей видимости, речь идёт о гуманитарных, естественных и науках, изучающих Гнозис. Сама же современная наука не может решить целый ряд проблем и объяснить целый ряд известных феноменов и ведёт себя как страус, прячущий голову в песок. Полагаем, что дальнейшее развитие науки должно идти по направлению синтеза её с религией и искусством (последние два направления познания хорошо интегрированы одно в другое). На основании того, что все науки вышли из философии, нужно изучать Гностические тексты, которые дают помощь и надежду человечеству выйти из сложившихся кризисов, являющихся, прежде всего, мировоззренческими (помним, что экономика – производная от мировоззрения). Таким образом, от человечества Высшие Силы ожидают качественный переход, который уже был показан в религиях как Преображение (в Гнозисе этот процесс назван трансмутацией). По нашему мнению, это будет переход от человека разумного *homo sapiens* в качественно новое состояние *homo noosfericus* – человека сотрудника, со-творца Космоса, общинника, нового учёного, который будет трудиться не ради собственного кармана, а на Общее Благо, благо всех составляющих синтетичное понятие ноосферы – ноосферы разума, о которой так мечтал В. И. Вернадский.

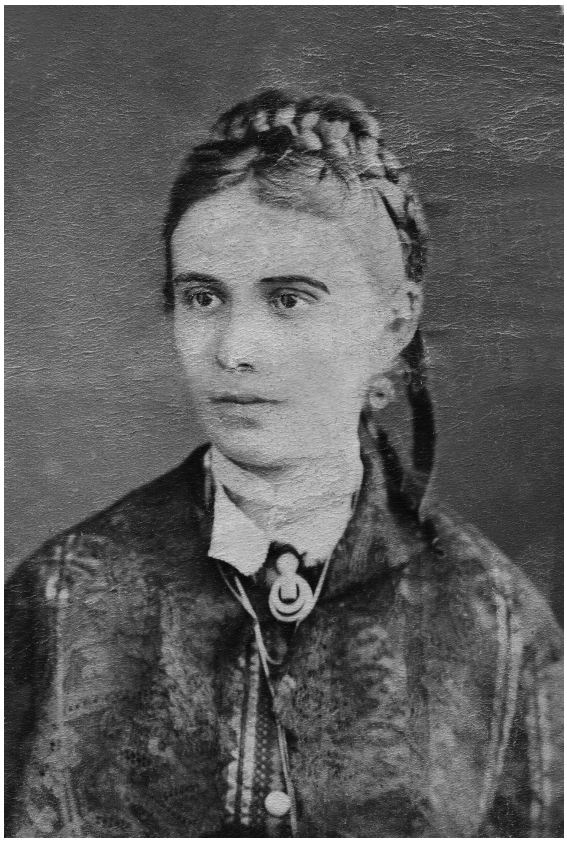
В. Ю. ИВАНОВА

(Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры им. М. И. Глинки; Москва)

О МОИХ ПРЕДКАХ, ВХОДИВШИХ В КРУГ ОБЩЕНИЯ РЕРИХОВ

Семейное предание сохраняет рассказы о моих предках, связанных с Николаем Константиновичем Рерихом. Сохранились две фотографии. Одна – моей прабабушки, княжны **Екатерины Владимировны Глинской** (примерно 1873—1923). Вторая – моей бабушки, дочери Е. В. Глинской, **Александры Константиновны Башкирцевой** (1896—1977).

По рассказам моей бабушки, Екатерина Владимировна была двоюродной сестрой Николая Константиновича Рериха. К нам гости в семидесятых годах XX в. часто приезжали в гости родственники бабушки Евгения и Екатерина Лесли. Говорилось, что в начале века, перед поездкой на Восток,



Княжна Е. В. Глинская

А. К. Башкирцева

Н. К. Рерих вместе с женой Еленой Ивановной заезжал в Смоленск к бабушке и прабабушке в гости.

Бабушка всегда с теплотой вспоминала Е. И. Рерих как очень доброго, отзывчивого и тёплого человека. А Николая Константиновича помнила как немногословного, серьёзного, задумчивого.

П. И. КРЫЛОВ
(Санкт-Петербург)

О КАРТИНЕ Н. К. РЕРИХА «СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ» (1923)

Картина Н. К. Рериха *«Соловецкий монастырь»* (1923) вызывает ряд вопросов, главных из которых два. Во-первых, почему Рерих, на Соловках не бывавший, взялся за этот сюжет? Во-вторых, почему это произошло именно в 1923 г.?

Как известно, семья Рерихов прожила первую половину 1923 г. в США, а 8 мая на пароходе «Мавритания» отправилась в Европу. Вторую половину года они провели, путешествуя по странам Западной Европы, а в декабре уехали в Индию.

Соловецкий монастырь 1920 г. был окончательно ликвидирован. Начиная с этого момента, шло планомерное разграбление сокровищ кремля. Конечно, большая часть монастырского имущества была вывезена на материк по приказу «сверху». Однако часть, и, видимо, немалая, «прилипла к рукам» администрации, ведавшей «экспроприацией».

Один из свидетелей, которому удалось бежать с Соловков, писал: «Администрация крала, что хотела и сколько хотела... Александровский вывозил из монастыря лес, рыбу, старые запасы монастырских продуктов, машины, церковную утварь, предметы старины, руководствуясь... принципом коммунистической власти – "грабь награбленное"»[1]. Упомянутый Александровский – коммунист из рабочих, назначенный Комиссариатом земледелия заведующим Соловецким хозяйством.

В ночь на 26 мая 1923 г. начался пожар, который произвёл в Соловецком кремле огромные разрушения. Огонь бушевал трое суток. Пожар уничтожил большую часть кремлёвских построек: сгорела трапезная палата с часовой башней, шатёр колокольни и деревянные балки, на которых висели колокола; сами колокола упали. Некоторые расплавились и спеклись в бесформенные слитки. Большой колокол треснул насквозь. Исчезло много ценностей из ризницы, а главное – сгорели все книги учёта, и нельзя было определить, как много и чего именно пропало.

В это же время, в мае 1923 г., заместитель председателя ГПУ И. С. Уншлихт обратился во ВЦИК с проектом об организации Соловецкого лагеря принудительных работ. И уже в июле первые заключённые были переправлены из Архангельска на Соловецкий остров. Так родился Соловецкий лагерь особого назначения, печально известный СЛОН.

Н. К. Рерих. Соловецкий монастырь. 1923. Холст, темпера. 65 × 198 © Частное собрание, США

Доходили ли эти трагические новости до Западной Европы? Скорее всего, да. Тогда становится вполне понятным желание Н. К. Рериха запечатлеть Соловецкий кремль таким, каким он был до разрушения, сохранив его облик для потомков.

А. И. ПОСТОЛАКИ
(Государственный университет медицины и фармации им. Николае Тестемицану; Кишинёв)

МОЛЕКУЛА ЖИЗНИ И СИМВОЛИЗМ ЗНАМЕНИ МИРА Н. К. РЕРИХА

В творческом и духовно-нравственном наследии Н. К. Рериха особое место занимает тема зарождения Знамени Мира на основе общего древнейше-

[1] *Клингер А.* Соловецкая каторга. Записки бежавшего. – Берлин, 1928.

го символа, встречающегося во многих культурах, религиях и философских системах. И этот сокровенный символ триединства, по мысли Н. К. Рериха, должен был вновь объединить всё человечество в устремлении к светлому будущему, без войн и насилия, к тому Новому Миру, где красота помыслов и деяний станет основой жизни людей в любви, согласии и взаимоуважении. Несмотря на все трудности и сложности, с которыми столкнулся Н. К. Рерих, пытаясь убедить власть держащих чиновников в необходимости принятия решения и начале срочных действий, первый в истории Международный договор о защите художественных и научных учреждений и исторических памятников в период вооружённых конфликтов был подписан в Вашингтоне 15 апреля 1935 г. С того времени прошло уже не одно десятилетие, но творческое наследие Н. К. Рериха не только не утратило своей актуальности с точки зрения морально-этических, философских и художественных качеств, но и требует более углублённого научного изучения.

Таким образом, целью нашего исследования стало изучение символа Знамени Мира с позиции научных дисциплин.

Анализ проведённого исследования показал, что если рассматривать известный символ с точки зрения схематического изображения какой-либо жизненно важной структуры, то обнаруживается удивительная аналогия со строением фундаментальной молекулы жизни – **воды**.

Вода имеет ключевое значение в создании и поддержании жизни на Земле, в химическом строении живых организмов, в формировании климата и погоды. Молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного – кислорода, которые соединены между собой ковалентной связью, образуя угол 104,45°, по другим источникам – 105°, и эта конфигурация строго сохраняется. Кроме того, вода на Земле может существовать в трёх основных состояниях – жидком, газообразном и твёрдом, что также может иметь отражение в данном символе.

Честь открытия строения молекулы воды принадлежит двум английским учёным Дж. Берналу и Р. Фаулеру (1933). Примечательно, что своё открытие учёные сделали чисто умозрительно. Долгое время из-за недостаточного технологического уровня развития не удавалось получить более подробную информацию о строении молекулы воды. В последующем общими усилиями учёных всего мира, наконец, удалось «увидеть» это удивительное создание – молекулу воды!

Оказалось, что форма молекулы воды в газообразной фазе – это «шарик с двумя бугорками» и с довольно упругой поверхностью, ограниченной электронным облаком. Изучения продолжались во всём мире, и в 2012 г. профессор-химик Б. Кох (Германия), обнаружил, что вода на молекулярном уровне хранит в себе «память» обо всех органических видах жизни, существовавших в ней. Это подтверждает наши предположения относительно многогранности значения символа и сокрытых в нём научных знаний древних о природе и окружающем мире.

И. И. САВОСИНА
(Белорусский союз журналистов; Могилёв)

РОДОМ ИЗ МСТИСЛАВЛЯ. ХУДОЖНИК АБРАМ МАНЕВИЧ

На картине Давида Бурлюка «Звезда Бринтона» (1924) изображены девять друзей известного американского искусствоведа Кристиана Бринтона: Борис Анисфельд, Александр Архипенко, Борис Григорьев, Сергей Коненков, Абрам Маневич, Иван Народный, Николай Рерих, Сергей Судейкин, Роберт Чанлер. Имя Абрама Маневича, наверное, менее известно в России из перечисленных имён художников Серебряного века.

Абрам (Абрахам) Аншелович Маневич родился в 1881 г. в городе Мстиславле Могилёвской губернии. С детства любил рисовать, и отец отдал его в обучение к местному маляру. А путь в искусство он начал в Киеве в мастерской вывесок, потом расписывал стенки готовых изделий на фабрике кроватей. Там его работу увидел известный в Киеве человек – этнограф, директор Городского музея Николай Федотович Биляшивский (1867—1926), с лёгкой руки которого талантливый юноша поступил в 1902 г. в Киевское художественное училище, где в то же время учился известный белорусский пейзажист Витольд Каэтанович Бялыницкий-Бируля (1872—1957), родом из Могилёвской губернии. Получив стипендию от мецената, Маневич продолжил учёбу в Мюнхенской Академии искусств (1905–1907), по окончании которой показал персональную выставку в галерее «Kunstverein».

Был участником выставки киевского журнала «В мире искусств» в 1909 г. среди таких именитых художников как Бакст, Билибин, Серов, Рерих и другие. С Николаем Константиновичем Рерихом Маневич позже пересекался на многих выставках.

В 1910 г. Маневич приехал на Капри, где писал портрет Горького. «Был здесь недавно киевский художник Маневич, очень интересный человек, видимо. Восторгался Левитаном, любит Архипова и немножко напоминает их то тем, то иным штрихом своих картин. Но – есть и своё, этакое задумчивое, лирическое», – вспоминал Горький. А столовая писателя была украшена этюдом Маневича.

Владелец лучшей из галерей Парижа Дюран сначала и слышать не хотел об устройстве выставки никем не разрекламированному «молодому пейзажисту». «Но как только он познакомился с работами Маневича – всё изменилось», – писал А. В. Луначарский в 1913 г. Он отмечал изящную игру света и тени, которая придавала кружевной характер картинам художника.

В 1922 г. Маневич перебрался в Нью-Йорк, где поселился с женой и двумя дочерями в Бронксе, бедном квартале. Неподалеку от Маневича жил известный кубофутурист Давид Давидович Бурлюк (1882—1967), их семьи подружились, а дочь Маневича Люся стала сотрудницей газеты «Русский голос», издаваемой Бурлюком. В Америке живописец почувствовал себя «другой бодростью». Картины художника стали покупать музеи, коллекци-

онеры, любители искусств. С одним из верных в будущем почитателей своего творчества Альбертом Эйнштейном Маневич встретился в 1935 г. и подружился. Известный физик-теоретик являлся почётным советником Гималайского исследовательского института «Урусвати», основанного семьёй Рерихов в долине Кулу. Уже смертельно больному другу Эйнштейн написал записку: «Мы оба служим звёздам. Вы – как художник, я – как учёный».

В 1942 г. Абрам Маневич умер. Давид Бурлюк писал в «Русском голосе»: «Кончина А. А. Маневича особенно тяжёлое горе ещё и потому, что этот кристальной души человек, бесконечно любивший свою родину, всеми помыслами своими художник и человек, был предан великой стране Ленина».

В 1957 г. в Киеве открылась выставка произведений украинских художников XIX – начала XX в. из частных собраний. Впервые увидели свет на родной земле и полотна Абрама Аншеловича Маневича.

С. Ю. САПОЛЕВА
(Алтайская краевая общественная организация «Рериховское общество “Беловодье”»; Бийск)

УЙМОНСКАЯ ДОЛИНА – ПРОСТРАНСТВО ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Уймонская долина – жемчужина Горного Алтая, чудесное место с уникальной энергетикой и дивной первозданной природой. Известна Уймонская степь не только своей величественной природой, но и тем, что сюда ещё в XVII в. от церковных гонений бежали старообрядцы. Они сразу прикипели душой к этим местам и до сих пор живут здесь, сохраняя свои традиции. «...Алтайские сказители и мудрецы... переводят слово “оймон” как “десять моих мудростей”, и в этом названии слышатся отзвуки неведомых знаний, за которыми ходили на Беловодье» (Н. К. Рерих).

В 1926 г. в Уймонской долине побывала Центральноазиатская экспедиция Николая Константиновича Рериха. Великий художник и философ придавал Алтаю и Сибири в целом особое значение, и считал, что гора Белуха, которая является географическим центром Евразии, является ещё и особым энергетическим центром, местом, где встречаются три мировых религии – Православие, Буддизм и Ислам. Уймонская долина, по мысли Н. К. Рериха, должна была стать местом, где будет построен город будущего, с которого начнётся новая эра цивилизации.

Уймонская долина для тех, кто хотя бы раз там побывал, становится местом для претворения высоких идеалов Нового Мира. Уймонская долина – пространство Духовной культуры. Это было уже определено Учителями. Наша задача – проявить эту суть в жизни каждого дня. В Уймонской долине собрались представители более 20 направлений духовных течений и конфессий. При таком разнообразии духовных путей необходимо научиться жить в гармонии и единении всем притянувшимся в долину в последние годы: и между собой, и во взаимоотношениях с местным населением. Этого можно достигнуть только через реальные дела на Общее Благо. Нужно со-

знательно объединиться вокруг идеи Духовной культуры. Духовная культура – это образ жизни, этика жизни, это высокая гражданская позиция человека.

Пребывание в Горном Алтае Центральноазиатской экспедиции Н. К. Рериха повлияло на весь ход жизни Уймонской долины. И горные вершины, и музейные комплексы, и библиотеки, и творческие центры, и другие очаги Духовной культуры связаны со светлыми именами семьи Рерихов.

А. Б. СЕЛИЩЕВ
(Общественная организация «Содружество малых городов»; Пермь)

ЭНЕРГИЯ КРАСОТЫ

Очень часто вспоминаем мы поистине бессмертную фразу Ф. М. Достоевского «Красота спасёт мир». Но многие ли из нас понимают сам механизм энергетического и преображающего воздействия красоты на пространство и сознания? А ведь при недопонимании (или точнее – непонимании) этого влияния возникает преступная небрежность, легкомысленность и даже кощунство по отношению к тому, что служит, по большому счёту, единственно верной дорогой на пути к своему счастью и лучшему Будущему – к красоте.

Для того чтобы это оружие Света не было использовано вхолостую, следует осознать не только пути воздействия красоты на нас и мир, но и саму тонкую механику воздействия энергий красоты.

Откуда вообще берётся красота и что она объединяет в себе? Конечно, её можно описать математическим аппаратом, используя понятия симметрии, пропорции, гармонии и ритма, но это не приблизит нас к источнику её появления, потому что все её видимые формы – суть отражения её существования на высших планах.

Но уже Древние греки понимали, что космос – значит, прекрасно устроенный. Откуда взялась красота во всем Мироздании? Очевидно, от Того, Кто её сотворил. Плотный мир создаётся по образу и подобию Огненных Сфер, но красота и совершенство этих областей нам не постижима, потому что очень мощна и тонка энергия, их составляющая, для нашего восприятия.

Но вот настроиться на получение Высших энергий нам всё же под силу, потому что восприятие красоты проявленного, плотного, физического нашего плана создаёт энергетический мост связи наших мыслей и чувств через сердце с Прекрасными Дальними Мирами. Наши красивые мысли, чувства и поступки, если в них мы будем стремиться соответствовать Высшим Законам красоты и держать этот мост связи с Высшим их Источником, будут являться не просто лучшим проявлением нашего творчества, но и мощной обратной связью, обеспечивающей бесперебойный, ритмичный поток получения нами энергий красоты.

Но как же проявляют себя энергии красоты? Природа, если она ещё не претерпела воздействий от рук человеческих, представляет собой неруко-

творный храм красоты. Но даже в нём есть места, которые являют в своём сочетании элементов особо гармоничные состояния, от которых замирает сердце, получая восприятия через глаза. Эти уголки можно даже назвать местами силы.

Бывают ещё определённые положения во времени, когда красота проявляется особенно сильно, но иногда и она в своей совершенной форме видна только под определённым углом зрения. Получается, что проявление энергий красоты не постоянно в своей интенсивности, а они излучаются определёнными квантами (квантами красоты). И те, кто изучают красоты природы с целью их творческой переработки, очень ценят моменты, когда им вдруг удаётся запечатлеть потоки этих квантов и оформить их – на фотографиях, в картинах, музыке, стихах и др.

То есть они становятся проводниками пусть трансформированных, но всё так же действенно мощных квантов энергий красоты. Но красота, даже не увиденная кем-то, уже оказывает собой мощное энергетическое воздействие на окружающее её пространство, потому что она создаёт вокруг себя определённое поле, и всё, что оказывается в сфере его воздействия, получает определённую дозу излучения этих квантов красоты.

Поэтому и само пребывание в этих местах очень благотворно сказывается как на здоровье, так и на психическом состоянии человека. Но гораздо больший эффект получился бы в том случае, если бы человек настроился на сознательное восприятие этой красоты, ведь тогда резонансные частоты созвучия позволили бы очень мощному благому потоку пройти через наше сознание.

Но искусство настройки и подстройки на волны энергий красоты – это целая наука, и желание быть посредником в области подстройки сознаний людей под излучения красоты требует глубокого профессионализма и серьёзного обучения.

А всё выше сказанное можно отнести и к красоте рукотворной. Ведь даже в самых лучших формах её выявления творцы подражают своему лучшему учителю – природе. И именно у неё они учатся видеть гармонию и постигать законы красоты, а значит и Мироздания. Поэтому не случайно в шедеврах творчества знаменитых художников, композиторов, архитекторов мы увидим яркие примеры проявления принципа Золотого сечения и других правил, лежащих в основе именно гармонии природы.

Но как удаётся этим творцам, этим посредникам энергий красоты от Мироздания к нам войти в такое состояние, когда эти благие потоки льются благодаря им без искажений? Дело в том, что энергии красоты до этого уже прошли через их сознание и поселились в их сердцах, направляя в нужном русле их мысли и чувства. Этот процесс (принятие в себя, в свою сущность энергий красоты) для них практически всегда был очень непрост – страдания, сложные испытания и напряжения на грани человеческих сил явились немалой платой за эту способность к утончённому восприятию мощных энергий пространства – энергий красоты.

Творчески обрабатывая энергию красоты, запечатлённую уже в нашем сознании, в ходе одноимённого процесса, мы делаем очень важное дело. Кстати, любое наше творчество под воздействием на нас энергий красоты (мы это воздействие ещё называем впечатлениями) уже будет являться сотворчеством в ответ на творчество либо из самого Высшего Источника, либо посредника – творца (если мы получили впечатление от энергий, исходящих из красоты рукотворной). А важное дело заключается в укреплении энергонасыщенности магнитного поля, или эгрегора, созданного либо в определённом Храме красоты нерукотворной, либо уже в произведении искусства.

Ведь каждая светлая наша мысль, чувство, что рождены под воздействием энергий красоты, не просто оказывает на нас самих преображающее и утончающее наш психический аппарат действие, но и связывает нас незримыми нитями с этим эгрегором, укрепляя его и усиливая его потенциал. Так мы участвуем в важном творчестве по формированию эгрегоров, созданных энергиями красоты.

Тогда становится понятным, почему возле шедевров творчества, священных изображений люди испытывают сильнейшие впечатления от энергий красоты – ведь они входят во взаимодействие с эгрегором, созданным, может быть, очень давно, но питаемым огромным количеством сознаний, получающих от него энергии и посылающих в ответ лучшие чувства.

Если наполнить своё сознание связями с различными эгрегорами красоты, то нам легко будет справиться с депрессией и тоской, сложностями и испытаниями в нашей жизни. Сейчас мы переживаем непростое время – ведь идёт последнее сражение за души человеческие не просто между отдельными представителями сил Света и тьмы, но и между целыми эгрегорами, и мировые войны – яркое тому подтверждение.

И если мы говорим, что сейчас человечество проходит последнее испытание – принятие красоты и культуры, то и воздействие эгрегоров энергий красоты играет в нём немаловажную роль. И роль каждого человека таким образом воспринимающего и творящего красоту очень велика, ведь он вливает свой труд и свои энергии в великие эгрегоры Будущего.

Причём сознательное отношение к этой своей деятельности оказывает больший эффект для сближения нас с эгрегором, так как психическая энергия, чтобы действие её было максимально эффективным, требует своего осознания и направленно-ритмичного применения.

Но и в природе, и в трудах самоотверженных творцов красота и её энергии присутствуют не в чистом виде, а выражены в символах. Глубина этих символов различна, а степень постижения символов – безгранична. Но каждое новое раскрытие очередного символа является огромным благом для человека – он получает новый мост связи с Беспредельностью, хотя и является по своей сути непростым подвигом.

Символ этот не просто шифр, его нельзя угадать или раскрыть логически умственным путём. Он постигается только сердцем в результате опре-

делённой работы нашего духа, работы, направленной на раскрытие его потенциала и на постижение своего единения со всем Сущим. Каждый миг раскрытия для себя нового аспекта какого-либо символа красоты подобен зажжению нового маяка, и новые кванты энергий красоты начинают наполнять сознание человека.

Для приятия энергий красоты (через раскрытие символов) очень важна постоянная готовность и настроенность нашего сознания, всех органов чувств и, прежде всего, сердца к тонким их касаниям. Это задача очень непростая, потому что суета текущих дней и завесы плотного и тонкого иллюзорных миров пытаются настроить нас на совсем иные восприятия.

Но общий вектор направленности действий для постижения символов энергий красоты следующий – раз они имеют своё начало в Мире Огненном, то и все наши поиски в этой работе должны быть устремлены в эту же сторону. Нет ни одного явления в космосе, несущего на себе печать красоты, которое не было бы связано с этими Высшими Сферами, с преблагой Иерархией Сил Света.

И только утверждая в своём сознании эту Великую Связь нашего духа с Ней, сможем мы раскрывать и постигать эти символы, открывать доступ к энергиям красоты в полной мере. К тому же это будет путём прозрения в Мир Действительности, в Мир Космической Истины. Таким образом, постигая красоту и осознавая её природу, строим мы себе прекрасные, надёжные мосты в своё светлое Будущее, прокладываем себе верную дорогу к Счастью и непреходящей Радости. Поистине, устремление к Красоте спасёт мир!

Ю. В. СПИРИДОНОВА

(Елагиноостровский дворец-музей русского декоративно-прикладного искусства и интерьера XVIII–XX вв., Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств; Санкт-Петербург)

КРАСНЫЙ КРЕСТ ПАМЯТНИКОВ: Н. К. РЕРИХ И Ш. НОРМАН

Гуманитарная деятельность А. Дюнана воплотилась в создании Международного комитета Красного Креста (1863) для предоставления защиты и помощи жертвам вооружённых конфликтов. Название и смысловое содержание (защита) организации оказались удивительно уместными для сферы охраны культурного наследия и были подхвачены идеологами сохранения исторических памятников. Традиция получила продолжение в идее «Красного креста памятников» Ш. Нормана (1889) и идее «Красного креста культуры» Н. К. Рериха (1930-е).

«Красный крест культуры» отчётливо звучит в публицистике Н. К. Рериха с начала 1930-х гг., подводя итог более чем сорокалетней деятельности и одновременно намечая новые перспективы. Эта идея получила практическое воплощение в Договоре об охране художественных и научных учреждений и исторических памятников (Вашингтонский Пакт или Пакт Рери-

ха), Знамени Мира, а также разработанной, но до конца не реализованной Всемирной Лиге Культуры.

Идея «Красного креста памятников» как международной охраны культурного наследия во время войны принадлежит старшему современнику Рериха – французскому архитектору, идеологу сохранения «старого» Парижа, археологу, исследователю **Шарлю Норману** (1858—1934). Норман высказал её за 40 лет до Рериха – в 1889 г. Вероятно, Рерих развивал эту идею независимо от Нормана, так как в его литературном, эпистолярном и мемуарном наследии не содержится указаний на французского архитектора. Друг о друге они не знали, но в их судьбах помимо этой сходной формулы, обнаруживаются другие параллели.

Ш. Норман родился в потомственной семье архитекторов, наиболее известным из которых был его отец Альфред Норман (1822—1909). В отличие от Н. К. Рериха Ш. Норман, решив продолжить семейную династию, закончил в 1883 г. Школу изящных искусств в Париже по направлению «архитектура». Однако ощущая ответственность современного архитектора в историческом городе, он решил посвятить себя сохранению памятников, борьбе с застройкой старого города. Через год в возрасте 26 лет Норман основывает Общество друзей парижских памятников, по принципу которого вскоре появились Общество друзей руанских памятников (1886) и Клуб друзей старой Праги (Klub za starou Prahou, 1901). В 1887 г. он учредил журнал «Друзья памятников».

Рериха и Нормана объединяло увлечение археологией. Если первый занимался археологией каменного века, то второй – греко-римской античностью, в особенности археологией Парижа времён римлян. Норман участвовал в археологических раскопках в греческих городах (Афины, Эпидавр), в Северной Африке, в Париже (Дворец правосудия на острове Сите). Во время раскопок он выполнял рисунки, а также планы-реконструкции объектов. В 1891 и 1892 гг. его работы экспонировались в Салоне архитектуры с целью ознакомления общественности с историческим наследием. Рерих задумывал свою «Архитектурную серию» с целью вызвать общественную реакцию на процессы забвения и разрушения памятников старины. Рерих в Санкт-Петербурге, Норман в Париже делают исторические памятники темой отдельной выставки. Обнаруженные Норманом новые данные в ходе раскопок дополнили историю Парижа римской эпохи. Археологические раскопки дополнялись обширными архивными исследованиями.

В спасении исторических памятников, как и Рерих, Норман главную роль отводил общественности, её осведомлённости, активности и заинтересованности. В 1889–1894 гг. Норман публикует «Новый художественный и археологический путеводитель по Парижу», затем появляется серия «путеводителей-воспоминаний» карманного формата (Дьепп, Арк, Этрета), монографии по истории архитектуры. Издания были богато иллюстрированы репродукциями гравюр из частных коллекций, собственными фотографиями и зарисовками, архитектурными планами и чертежами. В конце

1880-х гг. Норман посетил Москву и в 1891 г. издал «Альбом путеводитель по Москве». Один из первых организовывает регулярные экскурсии по старому Парижу и другим городам.

Норман был неизменным участником международных конференций по искусству и сохранению памятников (Международный конгресс искусств в Брюсселе, 1898, 1905 гг.; Международный конгресс археологии в Афинах, 1905 г.). Состоял членом Общества истории Парижа и Иль-де-Франс (1889–1919), Попечительского Комитета горы Св. Женевьевы (1895), Общества по сохранению пейзажей Франции с момента создания в 1901 г. и др.

Норман и Рерих были сторонниками набиравшей силу, как в Европе, так и в России, археологической реставрации, основанной на тщательном изучении памятника. Благодаря Рериху «тихий погром» стал обозначением реставрации без научного обоснования. С 1898 г. он добивался качественной реставрации архитектурных памятников Новгорода, Ярославля, Пскова, Москвы. Общество друзей парижских памятников отстаивало щадящие принципы консервации и было в идейной оппозиции к Французской государственной комиссии исторических памятников, стоявшей на принципах стилистической реставрации. Норман выступал за сохранение Эспланады Инвалидов, против нового вокзала, запланированного к Всемирной выставке 1900 г., за расчистку особняка Клюни и Новой Сорбонны, за сохранение старой церкви Сен-Пьер-де-Монмартр, особняка Роан и др. С 1898 г. он становится членом Городской комиссии старого Парижа.

В России Рерих среди первых выдвигает идею создания музея под открытым небом. Раскопанные им траншеи древнего Новгорода он законсервировал с целью использования для экскурсионного обзора (хотя эту идею власти не поддержали). Норман настаивал на консервации остатков одной из башен Бастилии, открытой в ходе археологических раскопок в 1899 г. В 1909 г. он создаёт музей «Против вандализма» в особняке Сюлли (Париж), который на тот момент находился в полном упадке.

В профессиональной среде Норман получил большую известность благодаря организации Первого Международного конгресса по охране памятников и произведений искусства, проведённого в рамках Всемирной выставки 1889 г. в Париже. Конгресс стал точкой отсчёта в формирующейся международной системе охраны культурного наследия. На Конгрессе Норман высказал идею создания «Красного креста памятников» – международной конвенции, гарантирующей сохранение культурных ценностей в случае военных действий. Это положение вошло в резолюции Конгресса. Норман предложил первые действия для воплощения этой идеи: предполагалось, что в каждой стране правительства назначат представителей с целью отбора и обозначения памятников, которым необходима особая защита в случае подобной угрозы.

Красный крест памятников Ш. Нормана ограничивается мерами по сохранению памятников в период военных действий. Рерих в своём философском понимании культуры и роли культурного наследия в преемственно-

сти поколений, вкладывал более широкий смысл в Красный крест культуры, чем Ш. Норман. Этим метафорическим названием обозначался не только призыв к организации людей с целью сохранения культуры, но и их образ действий, мировоззрение, а также сама широкая сфера культуры: «Культура, Красота и знание нарушаются не только во время войны, но равным образом и в так называемое мирное время» (Н. К. Рерих). Ш. Норман не смог воплотить идею Красного креста памятников в задуманном международном договоре, Н. К. Рериху это удалось в подписании Пакта Рериха в 1935 г. и создании импульса для широкого общественного движения в пользу сохранения культурного наследия. Норман умер в 1934 г., не дожив один год до подписания Пакта. Тем не менее, истоки этой идеи обнаруживаются именно в его инициативе задолго до разрушительных войн XX в., что ярче и убедительнее демонстрирует осознание в разных уголках земного шара необходимости подобных мер для сохранения культуры.

Ю. Н. РЕРИХ

ГОЛОКИ И ИХ ЭТНИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР

(Перевод с французского Ю. Ю. Будниковой;
Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

Несколько слов от переводчика*

В 1998-м или 1999-м году мне довелось переводить с французского языка статью **Юрия Николаевича Рериха** «Голоки и их этнический характер», которую нашёл во французских архивах с помощью французских коллег исследователь творчества Рерихов В. А. Росов. Оригинальный французский текст статьи снабжён пометкой: XV Международный конгресс доисторической антропологии и археологии (продолжение). 5-ое заседание в Международном институте антропологии. Париж, 20–27 сентября 1931 г.

Перевод предназначался для публикации в сборнике трудов Ю. Н. Рериха «Тибет и Центральная Азия», во II томе, который так пока и не увидел свет. Соответственно, статья эта до сих пор не вошла в научный оборот и, по моему наблюдению, не упоминается в обзорах научного творчества данного учёного, а потому целесообразно на научной конференции обратить внимание на существование данного исследования, пусть и относящегося к начальному периоду научной деятельности Юрия Николаевича.

Чтобы воссоздать контекст написания статьи напомним хронологию событий тех лет, взятую из биографических источников.

В 1925–1928 гг. Юрий Рерих участвует в Центральноазиатской экспедиции академика Н. К. Рериха в качестве переводчика, специалиста-востоковеда и начальника вооружённой охраны.

В 1928 г. в Индии, в долину Кулу, в местечке Наггар учреждается Гималайский исследовательский институт «Урусвати», директором которого становится Ю. Н. Рерих.

В1929–1930 гг. Ю. Н. Рерих находился в Париже и Нью-Йорке. Занимался вопросами, связанными с деятельностью института «Урусвати», вёл большую работу по организации Кабинета тибетологии в Музее Николая Рериха в Нью-Йорке, читал лекции в университетах американских городов, закончил работу над книгой «По тропам Срединной Азии».

В апреле 1930 г. из-за отказа в визе для возвращения в Индию Н. К. Рерих вынужден вместе с Ю. Н. Рерихом посетить Англию и Францию, где по-

* Ю. Ю. Будникова на XIII конференции «Рериховское наследие» представила сообщение «О малоизвестной статье Ю. Н. Рериха “Голоки и их этнический характер”». – *Примеч. ред.*

сле вмешательства культурной общественности виза всё-таки была получена от французских властей.

В 1930 г., в декабре, Н. К. Рерих и Ю. Н. Рерих вернулись в Наггар, через французскую колонию в Индии.

В 1931–1932 гг. Ю. Н. Рерих работал в Западном Тибете. В 1931 г. в статье «Проблемы тибетской археологии» Ю. Н. Рерих даёт периодизацию археологических памятников и намечает новые объекты для исследования.

С 1930 по 1942 гг. Ю.Н. Рерих состоял директором Гималайского исследовательского института «Урусвати». Работал над тибетско-английским словарем с санскритскими параллелями. Руководил периодическими изданиями института – ежегодником «Urusvati» и серией «Tibetica».

Упоминание о рассматриваемой работе не встречаются в известных нам биографических источниках. Вышеизложенная хронология подводит нас к двум выводам:

1. В период, предшествовавший написанию статьи, Ю. Н. Рерих много времени проводил в Париже, где, без сомнения, вращался в научных кругах, так что и он, и его французские коллеги были au currant деятельности друг друга.

2. Участие Юрия Николаевича в XV Международном конгрессе доисторической антропологии и археологии было заочным, поскольку в 1931 г. он находился на другом континенте. Но он нашёл возможность представить европейскому научному сообществу только что добытый им полевой материал, который, смеем предположить, не утратил актуальности до сих пор.

При взгляде на карту Тибета мы обнаруживаем на северо-востоке широкую полосу, называемую «Территорией независимых племён голоков». Эта обширная область начинается на севере от долины Ялун (Yalung), ниже Кандзе (Kanze), простираясь оттуда на восток до Сон-Пан (Sung-p’an /Song-p’an/) в Сычуани и, на севере, пересекая бассейн Хуанхе, достигает Тао-чу (Tao-chou /Ta... – Tcheou/) и Лабран Гоу-чена (Labrang Gou-Chen) в Кансу. Западные исследователи поняли всю важность географического положения этой части Верхнего (Высокогорного) Тибета. Не буду приводить здесь длинный список американских и европейских путешественников, осваивавших, пренебрегая опасностями, эти негостеприимные плато с их свирепыми обитателями, голоками, с которыми почти всем им приходилось обмениваться ружейными залпами.

Упрямство этих кочевников, их непрерывные межплеменные войны, активный разбой, которым они промышляют вдоль караванных путей, пересекающих этот пустынную местность, не позволили западным исследователям как следует изучить этот край. Если мы и располагаем какими-то сведениями по его физической географии, мы почти ничего не знаем о его кочевых обитателях.

Общепринят факт, что голоки образуют группу, отличную от панагов и других племён – хампа (Kham-pa) – обитающих южнее долины Ялун. Говорится, что их язык, приближающийся к языку панагов, обладает поразительным сходством с диалектом жителей центрального Тибета.

Численность голоков оценивается в пределах 13.000–15.000 палаток. Это одна из самых многочисленных и могущественных групп тибетских кочевников. Они не признают китайские власти Хсинин-Синина (Hsining-Sining) и не подчиняются тибетскому правительству Лхасы. Они скотоводы и разбойники с большой дороги. Эта последняя профессия создала им широко известную репутацию.

Голоки проводят зиму, весну и лето на своих пастбищах, выращивая скот и готовясь к разбойничьим вылазкам, которые они совершают осенью, являющейся лучшим временем года для караванов в высокогорной Азии. Во время этих вооружённых рейдов голоки покрывают огромные расстояния; они разоряют набегами местность за пределами Сычуани вплоть до могущественной Танглы (Thang La) в Тибете.

Сезонные изменения в их занятиях столь же регулярны, как и смена времён года. Китайские и тибетские пограничные власти применяли против разбойников-голоков драконовы меры, которые остались малоэффективными и поныне; напротив, их налёты стали более опасными с тех пор, как мусульманские торговцы из Хсинина поставляют им современное огнестрельное оружие. В течение многих лет восстановление порядка в этом обширном крае будет составлять одну из самых сложных проблем среди тех, которые предстоит решить китайско-тибетским властям. Вот краткий очерк того, что известно о голоках.

Ряд благоприятных обстоятельств позволил мне вступить в отношения с этими племенами, изучить их язык, нравы, особенно их этнические свойства. Эти отношения начались с вооружённого столкновения и продолжались в течение многодневного путешествия вместе с большим караваном голоков по пути на Лхасу во время экспедиции Рериха в Центральную Азию.

При пересечении гор Джербун-Неджи (Gerbun-Neiji) колонна экспедиции подверглась нападению банды голоков. Благоприятный исход встречи и последовавшие затем переговоры позволили изучить кочевников и задать им вопросы, на которые они мне не ответили бы при других обстоятельствах. С самого начала переговоров, которые длились много дней, нам казалось очевидным, что эти люди, называвшие себя голоками, были самого разного происхождения. В результате подробных расспросов выяснилось, что главарь банды был монгол-отступник из Таджинера в южном Цайдаме, между тем как остальные казались принадлежащими по крайней мере к трём различным племенам, хотя они и говорили, что все они голоки или гологи (Go-logs), по названию их племени.

Дальнейшее пребывание в караване, исследования, проведённые среди голоков, совершающих паломничество в Тибет, только подтвердили гетерогенный характер этнического и языкового типа этой группы кочевников.

Собственно, они составились из отступников голоков, няронвов (Nya-Rong-Was), хампов (Kham-pas), из перебежчиков амдовов (Amdo-Was), хорпов (Hor-pas), цайдамских монголов и тибетцев из центральной и других частей. Далекие от образования гомогенной этнической группы, они представляют собой всего лишь сборище недовольных, убежавших с территорий, подчиняющихся как китайцам, так и тибетцам. Гетерогенный характер группы племён голоков ясно выражен в самом названии, которое можно перевести двойным образом: первая форма – m Go-log – дословно означает «вскружённые головы». Вторая – n Go-log – значит «непокорные». Эти два выражения применяются к недовольным и преступникам, желающим избежать наказания. Форма m Go-log применяется обычно в Тибете; сами голоки предпочитают пользоваться формой n Go-log.

Антропологические исследования ясно показывают гетерогенную природу группы племён голоков. Кажется, что все эти недовольные, пришедшие из различных регионов Тибета и с китайских границ, были сначала вобраны в себя горными племенами данной области, прежде чем они образовали вместе с ними союз голокских племён. Местные племена, составившие этническую основу, скорее всего, были панагами или, по крайней мере, очень близкими к ним племенами. Панагский элемент кажется доминирующим у современных голоков не только с точки зрения физического облика, но и обычаев, одежды, племенной организации. Это мнение полностью подтверждается антропологическими и лингвистическими исследованиями.

Тип большей части голоков – чисто долихоцефальный с правильными чертами, выдающимся носом, прямыми или слегка вьющимися волосами, с кавказским разрезом глаз. Этот антропологический тип, очень распространённый среди кочевых племён севера и северо-востока Тибета, очевидным образом указывает на преобладание «кочевого» элемента у голоков. Второй антропологический тип, часто встречающийся у голоков, – брахицефальный с монголоидными чертами: выступающими скулами, монгольским разрезом глаз, курчавыми волосами и крепким телосложением. Наличием этого типа голоки обязаны сильной примеси тибетской крови из центральных, южных и юго-восточных провинций. Надо заметить, что если мужская часть племён отличается большим разнообразием типов, то женская остаётся почти неизменной. Та же разница обнаруживается в голокских диалектах. Они не являются гомогенной языковой группой и имеют различное происхождение. Так же, как и в этническом составе голокских племён, доминирующее влияние кочевников северо-восточного Тибета ощущается в диалектах. Произношение некоторых префиксов, смена некоторых из этих префиксов на задненёбный носовой звук, смена аффрикат на соответствующие палатализованные зубные согласные, словарный запас – вот отличительные черты этой группы диалектов. Постоянный приток бунтовщиков, прибывающих из провинций центрального Тибета, из Амдо, из Хама (Kham) даёт сильную примесь других тибетских

диалектов, что объясняет повторяющееся утверждение о том, что голокский диалект – близкий родственник разговорного диалекта центрального Тибета.

Верования голоков являют те же расхождения и отличаются большим разнообразием. Некоторые группы голоков исповедуют ламаизм секты жёлтошапочников или разных вторичных сект Nying-ma – старой не реформированной секты тибетского буддизма. Значительная группа голоков исповедует старую добуддийскую веру, религию Бон. Я полагаю, что эта религия проникла на территорию голоков из провинции Джиаде (Jyade), древнего оплота этой веры. Религия Бон-по, должно быть, принесена беглецами-хорпами, образующими внушительную группу голоков, о чём свидетельствуют и названия многих племён: например, Hor-rgan, что дословно означает «Древний хор[п]» (Hor).

Полное отсутствие письменных документов не даёт почти никакой возможности реконструировать прошлое конфедерации голоков, в которой ещё не закончился процесс формирования. Во время магометанского восстания 1861 г. многочисленные становья кочевников покинули свои пастбища на западе Сычуани, вокруг Сун-Пан (Sung-P'an), и бежали к голокам. Это повторялось не единожды в течение последних китайско-тибетских войн. Различные племена кочевников (кочевники богатых травой земель Йилун (Yi-lung), кочевники провинции Амдо и других) не переносят военные китайские власти и со всеми своими стадами отходят на территорию голоков. Недавно правительство Тибета должно было принять энергичные меры, чтобы усмирить племена голоков, и те из них, которые носят название токьев (sTod-Kyi) или голоков (Go-log) (произносится To-Kyi, Go-lok) были вынуждены в некоторой мере признать представителей лхасского правительства. Губернаторы тибетских пограничных районов силились сами организовать из беспокойных групп голокских племён род пограничной милиции, в обязанности которой входила бы защита тибетской территории от вероятного нападения, которым постоянно угрожают китайско-магометанские власти Синина (Hsining) в Кансу. Насколько мне известно, эта попытка стабилизации северо-восточной границы Тибета не имела большого успеха. «Нижние голоки» или sMad-Kyi mGo-log (произносится Ma[a умляут]-Kyi Go-lok), располагающиеся на тучных пастбищах к югу от Лабрана (Labrang), остались независимыми и оказали ожесточённое сопротивление магометанской кавалерии пограничного комиссара Синина. Организация этих племён недовольных, образующая конфедерацию, обладает поразительным сходством с организацией поселений казаков на юге и юго-востоке России в XVI в. Без сомнения, сравнительное изучение этих двух движений выявит интересные параллели.

Итак, вот результаты моих исследований, проведённых среди голоков:

1) Гетерогенная природа группы голокских племён, представляющих собой «профессиональную конфедерацию». Профессиональный характер группы демонстрируют названия некоторых племён. Например: Ar' dzu[y

умляут]n, название самого могущественного племени, значит «разбойник с большой дороги».

2) Преобладание у голоков «кочевого» этнического типа, имеющего тенденцию к поглощению (вбиранию в себя) гетерогенных элементов, из чего следует, что это переходный этнический тип.

3) Голокские диалекты представляют собой «смешанные» диалекты. В настоящее время возможно рассматривать голокский язык как языковую группу.

4) Группа голокских племён находится ещё в процессе формирования.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АЗИИ. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Е. В. Бакалдина. ФОТОГРАФИИ РОШАН ВАДЖИФДАР В ФОНДЕ ФОТОМАТЕРИАЛОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ИНСТИТУТА СЕМЬИ РЕРИХОВ. *1*

Я. В. Васильков. О СПЕКТАКЛЕ «БЕНГАЛЬСКОГО ТЕАТРА» Г. С. ЛЕБЕДЕВА В КАЛЬКУТТЕ 21 МАРТА 1796 ГОДА. *2*

А. В. Владимиров. РЕРИХ И РЕВОЛЮЦИЯ. АЗИАТСКИЙ АСПЕКТ. *4*

Т. В. Ермакова. «ПО ТРОПАМ СРЕДИННОЙ АЗИИ» Ю. Н. РЕРИХА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ. *24*

И. С. Карабулатова. Н. К. РЕРИХ О ГРЯДУЩЕЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ НОВОГО ТИПА. *24*

С. Г. Кляшторный. ОРХОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК И НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ. *26*

М. Ю. Миронова. КАШМИРСКИЕ СВЯТЫНИ НА ПУТИ ЭКСПЕДИЦИИ РЕРИХОВ. *27*

Д. А. Носов. ОТЧЁТ В. А. КАЗАКЕВИЧА О ПОЕЗДКЕ В ГОБИ 1924 ГОДА – НЕИЗВЕСТНЫЙ ИСТОЧНИК ПО КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ МОНГОЛИИ. *31*

Т. А. Пан. ВАЖНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ СИНЬЦЗЯНСКИХ СИБЭ ДЛЯ РЕШЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. *32*

Т. Д. Скрынникова. СОЛНЦЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ. *33*

Е. С. Соболева. А. ГРЮНВЕДЕЛЬ И СТАНОВЛЕНИЕ ИНДОЛОГИИ В БЕРЛИНСКОМ МУЗЕЕ НАРОДОВЕДЕНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА. *35*

О. П. Труфанова. ОБРАЗ МАЙТРЕЙИ В ВИЗУАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (С ОПОРОЙ НА МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ Н. К. РЕРИХА). *36*

Д. Н. Худоназаров. ГРАФ (ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ АЛЕКСЕЕВИЧА БОБРИНСКОГО). *38*

Ю. С. Худяков. Ю. Н. РЕРИХ О ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ ХУННОВ И САРМАТОВ. *44*

С. Л. Шевельчинская. АЛЬБОМЫ ФОТОГРАФИЙ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ТУРФАНСКОГО ОАЗИСА В АРХИВЕ ВОСТОКОВЕДОВ ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН. *46*

Е. П. Яковлева. Н. К. РЕРИХ О ТРАНСАЗИАТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ФИРМЫ СИТРОЕН 1931–1932 ГОДОВ. *48*

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ И КАВКАЗ. К ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

М. С.-Г. Албогачиева. ПЕТЕРБУРГ В ЖИЗНИ ИНГУШЕЙ. *50*

Н. М. Емельянова. Н. К. РЕРИХ И КАВКАЗ: К ВОПРОСУ О СОХРАННОСТИ СРЕДЫ ОБИТАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ КАВКАЗА. *51*

Г. М.-О. Масимов. Н. К. РЕРИХ И КАВКАЗСКАЯ КУЛЬТУРА. *52*

К. И. Новосельский, П. А. Золотай, М. В. Юркевич. «РЕРИХОВСКИЙ СЛЕД» НА КАРТЕ ДРЕВНОСТЕЙ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА. *56*

Н. А. Рахимова. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – БАКУ – АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ИСКУССТВ. К ИСТОРИИ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ. *57*

М. А. Семёнов-Тян-Шанский. ВОСПОМИНАНИЯ А. М. СЕМЁНОВОЙ-ТЯН-ШАНСКОЙ О НИКОЛАЕ АДОЛЬФОВИЧЕ И ЕЛИЗАВЕТЕ АЛЕКСАНДРОВНЕ БУШ. *58*

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ

Д. В. Делюкин. ОБ ОДНОЙ ЮБИЛЕЙНОЙ ФОТОГРАФИИ. ПОСЛЕСЛОВИЕ ЧЕРЕЗ 100 ЛЕТ. *60*

М. В. Деревцова. К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ КИНЕМАТОГРАФА В РОССИИ (ВСПОМИНАЯ ЦАРСКУЮ СЕМЬЮ И Н. К. РЕРИХА). *62*

И. В. Кульганек. ПОЕЗДКА ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ ПО ЗАБАЙКАЛЬЮ В 1891 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСНОГО ФОНДА ИВР РАН). *64*

Н. А. Мозохина. ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА ОБЩЕСТВА ВОЗРОЖДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РУСИ И ИЗДАТЕЛЬСТВО ОБЩИНЫ СВЯТОЙ ЕВГЕНИИ. *65*

А. А. Савкина. ВКЛАД ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ В РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ. *66*

С. В. Чебанов. ЧЕТВЁРТОЕ СТОЛЕТИЕ РОМАНОВЫХ: ЕЩЁ ОДИН ВЕК ОТЛОЖЕННЫХ ПРОБЛЕМ. *69*

К 100–ЛЕТИЮ БАЛЕТА «ВЕСНА СВЯЩЕННАЯ»

Л. В. Бузина. ЕЩЁ РАЗ ОБ АВТОРСТВЕ ЛИБРЕТТО «ВЕСНЫ СВЯЩЕННОЙ». *72*

В. Д. Кантор. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ФОНДОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ТЕАТРАЛЬНОГО И МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА О «ВЕСНЕ СВЯЩЕННОЙ». *74*

Т. С. Матехина. ПРЕДМЕТЫ В МЕМОРИАЛЬНОМ СОБРАНИИ С. С. МИТУСОВА, СВЯЗАННЫЕ С ИМЕНЕМ И. Ф. СТРАВИНСКОГО. *75*

В. Г. Пушкарёв. ФОЛЬКЛОРНЫЙ ТЕАТР В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО (ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО) ТЕАТРА (1923–1936 ГОДЫ). *78*

Е. В. Самойлова. ОБЕТНЫЕ КРЕСТЫ В КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ СЕВЕРНОРУССКОЙ ДЕРЕВНИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2008–2009 ГОДОВ). *83*

ОТ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ К СОВРЕМЕННОСТИ

В. Н. Бендюрин. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ОБЪЕКТОВ АРХИТЕКТУРНЫХ ЭТЮДОВ Н. К. РЕРИХА 1903 ГОДА. *86*

Л. В. Бузина. ОПЫТ СОТРУДНИЧЕСТВА Н. К. РЕРИХА С ТВОРЦАМИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА НА ОСНОВЕ ТВОРЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ. *86*

С. Г. Джура, А. В. Левшов, В. И. Чурсинов. НА ПУТИ К HOMO NOOSPHERICUS. *88*

В. Ю. Иванова. О МОИХ ПРЕДКАХ, ВХОДИВШИХ В КРУГ ОБЩЕНИЯ РЕРИХОВ. *89*

П. И. Крылов. О КАРТИНЕ Н. К. РЕРИХА «СОЛОВЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ» (1923). *90*

А. И. Постолаки. МОЛЕКУЛА ЖИЗНИ И СИМВОЛИЗМ ЗНАМЕНИ МИРА Н. К. РЕРИХА. *91*

И. И. Савосина. РОДОМ ИЗ МСТИСЛАВЛЯ. ХУДОЖНИК АБРАМ МАНЕВИЧ. *93*

С. Ю. Саполева. УЙМОНСКАЯ ДОЛИНА – ПРОСТРАНСТВО ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ. *94*

А. Б. Селищев. ЭНЕРГИЯ КРАСОТЫ. *95*

Ю. В. Спиридонова. КРАСНЫЙ КРЕСТ ПАМЯТНИКОВ: Н. К. РЕРИХ И Ш. НОРМАН. *98*

НАСЛЕДИЕ

Ю. Н. Рерих. ГОЛОКИ И ИХ ЭТНИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР. *102*
Перевод с французского Ю. Ю. Будниковой.
НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА. *102*

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Рабочая группа конференции

Ю. Ю. Будникова, С. С. Кудельки́н, О. В. Кулешова, А. К. Мазаева-Каненга, В. Л. Мельников, З. Г. Харченко, Н. В. Чертков

Музей-институт семьи Рерихов
Основан Л. С. Митусовой в 2001 г.
Васильевский остров, 18-я линия, д. 1 /
Набережная Лейтенанта Шмидта, д. 41

Музей-институт открыт для посещения, кроме пн. и вт., чт. – вс.,
с 11-00 до 18-00; среда с 14-00 до 21-00

Тел./факс +7-812-323-08-85, +7-812-327-35-06, +7-911-715-4477
http://www.roerich.spb.ru; e-mail: science.misr@gmail.com, chairofheritage@gmail.com